

Немеркнущая память

Сборник поэзии и прозы Север-
ских авторов, посвященный 70-летию
Победы

Северск 2015

ББК 84 (2Рос-4Том-2Сев) 6-5

Н 50

Книга «Немеркнущая память» 70-летию Победы и году литературы посвящается.

Томск, издательство «Красное знамя», 2015 год, 260 страниц

Сборник «Немеркнущая память» составлен из стихов и прозы авторов северского литературно-поэтического объединения «Гармония». Книга рассчитана на широкий круг читателей разного возраста.

Над сборником работали:

Арсенова Л.А.

Кутергина Л.Ф.

Семичева Г.И.

Дизайн — Семичева Е.Д.

Подписано к печати 23.06.2014 г.

Формат издания 60х84/16.

Гарнитура Minion Pro.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»

Предисловие

Творческая нить объединила в один коллектив более двадцати северских авторов, отличающихся друг от друга и особенностями своего стихотворного голоса, и внутренними художественными возможностями. Но у них есть то общее, что содержится в душе и сердце каждого — это память о тяжелейших военно-послевоенных годах и желание передать эстафету бесконечной любви к Отечеству, эстафету трепетно-бережного отношения детей и внуков к истории страны, подвигу Великого народа в Великой Священной войне 1941-1945 годов на фронтах и в тылу. Есть внутреннее понимание того, что живые — в вечном долгу перед именами тех, кто ценою своей жизни добыл Победу.

*«...Была война в другом тысячелетье...
И невозможно в памяти стереть
И письма треугольные в конверте,
И тех солдат, что презирали смерть.
Как невозможно выстрадать Россию
Без той любви, что в сердце много лет,
Прости, солдат, что смерть тебя косила,
Ты сделал всё, чтоб я увидел свет...»*

Владимир Ниренберг

Ежегодно список тех, кто воевал или трудился в тылу становится всё меньше и меньше. И недалеко то время, когда за «Бессмертном полком» на праздновании Дня Победы пойдут не ветераны войны и труженики тыла, а мы, дети войны и послевоенных лет.

В память о войне и тех, кто завоевал и отстоял мир, издан коллективом «Гармонии» сборник «Немеркнущая память».

Стихи авторов сборника полны горя и надежд, призывают живущих сейчас, беречь самое дорогое в жизни — мир!

*«...Чтоб не пришлось стелить к помину скатерти
По городам и деревням,
Мир берегите, люди, чтобы матери
Не плакали, войну кляня».*

Н. Огородова

Военное лихолетье надолго отложилось в людской памяти.
И взрослые, и дети просили Бога об одном, чтобы не было войны.

*«...Свеча горит пред образами.
Лампада в копоти под ней,
Я помню, как молились с мамой
Бессонных множество ночей.
Молили здравия калекам,
Молили здравия живым,
Ещё просили мы при этом,
Чтоб больше не было войны».*

Ю. Малышев

Многие стихи в сборнике по своему содержанию патриотичны и призывают к тому, чтобы из памяти живых никогда не исчезали имена павших.

*«Стою у обелиска,
И мысли вдаль летят,
А имена из списка
«Не забывай!» — кричат».*

В. Овсянников

Неописуемой болью и страданиями вошли в сердца россиян события в братской Украине, в том числе и в сердца северчан, многие из которых связаны родственными узами с её гражданами.

Другие в недалёком прошлом, уезжали из Северска на Украину помогать укреплять оборонный щит отечества и заставлять мирный атом служить на благо процветания тогда ещё общего государства.

Страх за возрождение фашизма, сражаясь против которого во время Великой Отечественной войны погибли миллионы людей, ядовитой змеей вполз в наши души, в души россиян.

*«...Фашисты ожили опять:
Дома бомбят, в людей стреляют,
Готовы всё с землёй сравнять,
Свой след кровавый оставляют».*

Л. Арсенова

Дети военно-послевоенных лет, авторы коллектива делятся с читателями той мыслью, что война украла их детство и делала жизнь невыносимо тяжёлой.

*«...Обездолено детство,
И на все времена
Подарила в наследство
Вам сиротство война.
Беспризорные дети,
Как осколки войны!
Вы живёте на свете
Светлой грусти полны.*

Л. Арсенова

А вот что запомнилось Нине Михайловой из далёких военных лет:

*«...На улицах много ходило калек:
Безруких, безногих, увечных,
Сейчас, оглянувшись на минувший век,
Чреду вижу бед бесконечных».*

Но несмотря на то, что пришлось увидеть, пережить, прочувствовать в войну и после, в сердцах людей остаются жить — оптимизм и вера в будущее, свободное от насилия, бед и потрясений.

*«...Быть счастливым можно где угодно,
Даже, если жить в дни перемен.
Лишь собой распорядись свободно,
Был же счастлив в бочке Диоген!»*

С. Глебова

Прося защиты и процветания Отечеству у Небес и Всевышнего, Маргарита Сенчило пишет:

*«...Обогреть суровую Россию,
Обласкать безмерность площадей
Сколько ни проси, я не осилю.
Боже, обогрей и возледей!»*

Какие бы испытания не выпадали на долю российского народа, на нашу долю, мы остаёмся верны традициям предков, главной из которых является бесконечная любовь к отчизне, России, малой родине, родине своих детей и внуков.

*«...Не довелось родиться мне
Ни в Питере, ни в Ярославле,
В суровой нашей стороне
Не их в строках своих я славлю.
Мой город молод, угловат.
По меркам времени — подросток,
Немного, может, маловат,
И называется он просто —
Мой Северск, мой любимый град».*

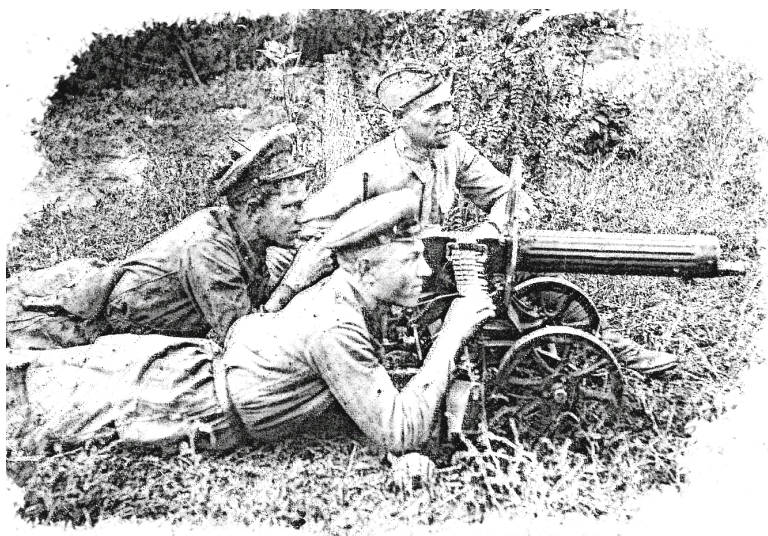
Н. Лубкина

Надеемся, что все материалы сборника «Немеркнущая память» найдут своего читателя и поспособствуют возрождению в сердцах людей чувств: патриотизма, любви и гордости за свой город и своё многострадальное Отечество.

Т.А. Гончарова.

Кандидат педагогических наук.

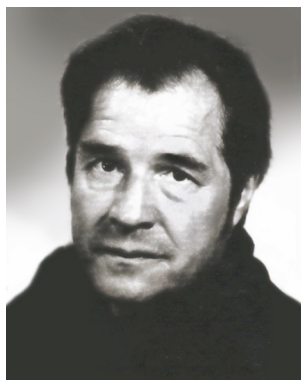
*Войны
кровавые
следы*

КАРБЫШЕВ Михаил Михайлович

Родился в селе Десятово, Томской области. О войне писал не понаслышке, сам участвовал в боевых действиях. Знал, что такое военное лихолетье? Почётный гражданин города Северска, член Союза писателей РФ, был талантлив не только как поэт, но и как художник и музыкант. Ушёл из жизни, оставив яркий след.

Так мало слов сказал тебе я, Родина,
Всё больше пел про травы да цветы,
Про речку, что течёт за огородами,
Но вдуматься, так это же всё ты.

Да можно ли мне жить без речки маленькой,
Без горки Покатиhi можно ль мне?
У речки я сидел, как возле маменьки,
На горке — как на баькиной спине.

И песня, что неслась по-за околицей,
Она в себя всё счастье вобрала.
О малом скажешь, и большое вспомнится —
Понятья эти, будто два крыла.

На этих крыльях с юга и до севера,
С востока и на запад полечу.
С родных полей простой букетик клевера
О Родине на память захвачу.

Храни огонь

Да, мы герои были на войне.
Не каждый золотой звездой отмечен,
Но звёздочкой на шапке, на ремне,
И звёздами, что озаряли плечи.
В бою из нас никто не пасовал,
И после боя ротный перед строем
Коротенькое — выше всех похвал —
Произносил нам: «Молодцы герои»!

Да, жаль, не все стояли в том строю:
Друзья мои, сражённые бедою,
За городком в донском степном краю
Остались под фанерною звездой.
Звезду же мастерил, на всех одну,
Солдат-столяр и красил красной краской.
И вот она на всю мою страну
Свой яркий свет лила с могилы братской.

И тёмной ночью лился свет, и днём,
И из степи сиял, и с волжской кручи,
Пока не стал он вечным тем огнём,
Из недр земли проросшим в пятилучье.
Не покривить душой и не солгать
Пред тем огнём отныне и на веки.
К нему придя, любая верит мать,
Что похоронен сын её, солдат.
Храни, огонь, ту веру в человеке!

Враги

На морозе каркал снег, как ворон,
По донской степи неслось: «Крак! Крак!»
Это шёл ко мне навстречу ворог,
Это шёл к нему я — лютый враг.
Встану я, послушаю — он ближе.
Встанет он и слышит — я иду.
Он ли захлебнётся кровью рыжей?
Иль меня положат под звезду?
Волком тень мелькнула за лощиной,
Значит, скоро грянет смертный бой...
Мама говорила: «Будь мужчиной,
Если встанет враг перед тобой».
Вот мы сошлись, две страшных силы,
Ружья в снег, шинели с плеч долой.
На снегу холодном за Россию
В рукопашной схватке грянул бой.
Поначалу бились мы на равных,
Но матёрый враг несдобровал.
Около шинели иностранной
Вскоре чёрный ворон пировал.
Ночью звёзды вниз глаза скосили,
Я слезой политый хлеб жевал.
На меня надеялась Россия.
Я её надежды оправдал.

Памяти односельчанина

А. Ф. Михайлова

...И утверждая постоянно,
Из бездны миллионы лет
К земле идёт через пространство
Звезды потухшей яркий свет.
Он вздрогнуть вновь меня заставил:
Я получил сегодня вдруг
Письмо, которое отправил
Мне с фронта мой погибший друг.
На крохотном листке квадратном
Химическим карандашом
Он пишет, что под Сталинградом
Вступил в смертельный бой с врагом.
Его война не прекращалась,
Он всё ещё на той войне,
Письмо ж вокруг земли вращалось,
С кем было послано ко мне.
Не предъявлю претензий к почте,
Её вины тут вовсе нет.
Письмо возил с собою лётчик,
Меня искавший двадцать лет.
Читаю строки. Слёзы градом.
Не удержу я их никак.
И как посмертную награду
Держу письмо в своих руках.

*На фронте, устав от боёв,
в беседе с командиром роты
мы говорили: «Хоть бы заболеть
на денёк...» на что он отвечал:
«Болезнь будете после войны,
кто доживёт»*

Болезнь пришла, да, всё-таки пришла,
Ещё в войну предсказанная ротным.
И в гуще дел в цеху меня нашла
И срезала, как строчкой пулемётной.

Болезнь пришла с далёкой той войны,
Где шли сраженья и в жару, и в холод.
И ветры били в грудь, и со спины,
И с ног валили сон и лютый голод.

Был на привале сон накоротке,
А сверху дождь, а снизу снег ноздрястый,
Сомкнёшь глаза — и мать в цветном платке
Идёт навстречу: «Ну, сыночек, здравствуй!»

Ещё хотела что-то мне сказать,
Но тут: «Подъём!» — и в бой идти солдатам.
А я замёрз, и рук мне не поднять,
И не нажать курка у автомата.

А враг уж пулю выпустил в меня,
Она бы, знаю, намертво сразила.
Моя шинель — ледовая броня,
Меня тогда от смерти защитила.

Не заболел, сражаясь до зари,
В бою оттаял, пропотел изрядно.
А на снегу, как будто снегири,
Вокруг горели кровавые пятна.

Да, лишь болезнь в войну щадила нас,
Спасибо ей, нам не мешала биться.
Но дождалась, когда ушёл в запас,
И тут же не замедлила явиться.

Идут ветераны Девятого Мая
Навстречу весенним ветрам.
Пред ними с поклоном я шапку снимаю,
Хотя я и сам ветеран.

Звоном медалей заполнена площадь,
И утро светло от седин,
Знамя Победы над ними полощут
Ветры нелёгких годин.

Ведь это же — Армия! Это же — сила!
Духом солдаты тверды.
От смерти они защитили Россию,
И Землю спасли от беды.

Ниренберг Владимир

Владимир — ребёнок военного времени, познавший вместе с односельчанами все тяготы жизни, принесёнными войной в сибирские края. Как по всей России в село Мишутино летели страшные похоронки, извещающие о гибели близких людей и односельчан.

Страшная игра

Участникам локальных войн посвящается

Аллах Акбар, Акбар Аллах!
Призыв с горы и под горою.
И не боязнь за жизнь, не страх,
Не любованье собою.

Все, как в замедленном кино:
Оттуда снайпер и отсюда...
Пьянит кавказское вино,
Как боевик из Голливуда.

Но всё по правде, не впервой.
А молодая жизнь, как фишка,
Кто для истории герой,
Для матерей — сынок, мальчишка.

Какая страшная игра!
Игра в везенье-невезенье,
Аллах Акбар, Акбар Аллах...
И жертвы, жертвы во спасенье.

Первый класс

Первый класс. Послевоенный год.
Память оживляет давний снимок.
Где-то ты теперь, лихой народ,
Быстро выставший из ботинок?

Первый класс. Шинельное сукно —
Мой костюм для повседневной носки...
Я смотрю сквозь дырочки в матроске,
Словно в мир иной через окно.

Первый класс над партами застыл.
Слово «мир» впервые пишут дети.
Это слово через годы светит
И не стало лёгким, и простым.

Рано повзрослевшие друзья,
Тяготы войны на ваших лицах.
Я этих вырос россиян.
Мы — послевоенная страница.

И куда б ни разбросало вас,
В мыслях я за каждого спокоен.
Ты своих родителей достоин,
Мой послевоенный первый класс.

Семичева Галина

Рождённая за пять дней до войны, хорошо помнит о свалившемся горе на её мать. Отца не помнит. От него осталась только фамилия на обелиске погибших воинов в Томске.

Семеро дядёв и две тётки с маминой и отцовской стороны воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Домой вернулись не все. Многочисленные боевые награды подтверждают их мужество и стойкость.

Двоюродный брат, девятнадцатилетний боец, сгорел во время боя в танке. Второй брат, лётчик, погиб в первые месяцы войны.

Не забывают

Сметала огненная лава
Той, трижды проклятой войны,
Леса, поля, сады, дубравы
С лица моей родной страны.

Четыре года пол отчизны
Пахали взрывы к ряду ряд,
Война — навек лишала жизни
Безусых — тысячи ребят.

В местах боёв, как будто всходы,
Кресты поднялись по стране.
Не забывают же, народы,
О самой страшной — той войне!

Не забывайте, что пол света
Солдат — протопал под гармонь,
Неся Великую Победу
Сквозь боль и смерть, и сквозь — огонь!

О маме

*Маме, труженице военного тыла,
Лойко Екатерине Петровне, посвящается*
Всё глубже на лице морщин излучины,
И с каждым днём — сильнее тела крен,
Давно лежат измученные рученьки
На головах натруженных колен.

Измерить нечем всё, что ею — пройдено,
И нечем взвесить горе и тоску,
Ей всё казалось, что погибнет Родина,
Не будь её — в том трудовом полку.

Её дела — остались жить столетиями
В весёлом беге резвых поездов,
И в улицах, где светятся созвездьями
Живые окна белых городов!

Помним

Нам не забыть имён погибших,
(Пусть будет пухом им земля.)
Они — лежат, но всё же слышат,
Как вспоминают их друзья:

— За ратный подвиг ваш, герои,
На чёрно-огненных полях!
Сегодня снова, молча, стоя,
Блеснёт Шампанское в руках.

Во славу вас, сынов отчизны,
Во славу Родины святой!
Вы — за неё отдали жизни,
Был её последний бой!

Последней точкою сражений —
Стал над Рейхстагом алый флаг.
Десятки лет для поколений
Победы Главной — гордый знак.

Если б собрать

Собрать бы слёзы матерей
В России горестной моей,
То потекла и никогда бы не застыла,
Текла б река, а не ручей,
Текла б река, а не ручей
От стен московских и до самого Берлина!

Собрать бы слёзы наших вдов,
Невест — погибших женихов,
Среди морей — солёным самым было б море!
Те слёзы — с болью пополам,
Потоком огненным — к ногам,
Не погасить пожар того людского горя!

А из развалин городов,
Войной разрушенных мостов
Сложить могли бы — сразу десять «Эверестов!»
Засеять пеплом бы домов,
Полей сгоревших и лесов,
То для травинки б — не нашлось в России места!

Не дай нам, Бог, дожить до дней,
Отчизну — видеть вновь в огне!
Давайте чувствовать войну — на расстоянье!
Растите, мамы, сыновей,
Не для сражений, для полей.
Перед погибшими — склонимся — в покаянье.

Нужен только маме

По рассказу участника войны Скирюхе В. С.

С боями — Киев, Курск, Орёл,
И разлучала смерть с друзьями!
В него стреляли, а он — шёл!
Он — обещал вернуться маме!

У Вислы — взрыв. Он ранен. Плен.
(Так в чём его вина, солдата?)
Сочилась кровь с ушей и вен...,
И руки, ноги, словно — вата.

Познал Освенцим, Бухенвальд,
Болезни, голод, суп крысиный,
И был солдат — совсем не рад,
Что выжил он, не пал от мины.

Бывал везде. Пришёл домой,
В объятья мамы и любимой.
Но стал в отчизне он — изгой.
Всем — всё, ему — всё мимо..., мимо.

А были: Киев, Курск, Орёл,
И День Победы со слезами!
Он вынес всё, домой пришёл,
А нужен был — одной лишь маме.

На кладбище

Из воспоминаний сестры

На кладбищенском поле
У могилы родной
Заскулила от боли!
Холодок за спиной.

Вижу — тополь спилили
В пять обхватов моих,
На отцовской могиле
Он, упавший, затих.

В центре кладбища рухнул,
Не стащить, не убрать,
Будто шепчет на ухо:
— Извини, мне — не встать...

Через рану надгробья
Словно голос — отца,
С грустью мне — исподлобья:
— Не дойти до крыльца...

А в закатном стожаре
Засветились кресты,
Понесло перегаром,
Звон бутылок пустых.

Поминают кого-то,
Кто — вином, кто — слезой,
Там — старушка в потёртом
Разразилась грозой...

Вспоминаю, рыдая,
Блеск отцовских очей,
Бьётся память святая
Меж горящих свечей.

Горячий плед

Мелькали кадры, лица, лица...,
Был, явно, день, но всюду — тьма;
И самолёты, словно птицы,
Клевали до смерти дома...

Им — животы пороли алчно,
Струилась огненная кровь!
И потирая руки смачно,
Враги болтали про любовь.

Упала юная сестрица
На тело мёртвого бойца.
И их сердцам — уже не биться,
Не видеть им — войны конца!

И загорелся снег в округе,
Земля стонала, в небо — дым!
Они лежали, как супруги,
Под красным пледом огневым.

Как часто фильм тот вспоминаю.
И на висках — давно зима,
А я — сражаюсь, умираю
С бойцами, кажется, сама.

Кланяюсь им

Замели поля былых сражений
Временные вьюги и снега,
Бережит сознание поколений
Штормовой военный ураган:

Погибали и отцы, и деды,
Жизни отдавали, не страшась,
За салют на всех одной Победы,
За вождя, за землю и за власть!

И вмещалось всё в клубок желаний:
Выжить, защитить и победить!
Вынести атаки всех страданий,
Не в траншее — дома закурить!

Помолюсь за всех, отдавших жизни,
В пояс — всем оставшимся живым,
 Попрошу, чтоб юные в отчизне —
Кланялись тем годам огневым,

Прадедам и дедам всей России,
(И не важно — нации какой),
Ведь они — а вовсе не Миссия,
Отстояли мир нам и покой.

Бездна

Скирюхе Владимиру Станиславовичу,
участнику войны, посвящается
Слой брёвен круглых, слой людей,
Потом — такой же поперечный.
— Распяли б лучше на кресте,
Чем так, с людьми, бесчеловечно!

И слой за слоем — три ряда,
Бензин ...и факел к небу прыгнул,
Господь увидел, и тогда —
На убиенных — ливень хлынул!

Гроза! И дождик лил и лил...
Солдат средь брёвен — чудом ожил,
И голос подал, и молил:
— Ну, помоги, Великий Боже!

Какая сила помогла?
Солдату было неизвестно.
Враги и плен... Война ушла.
А после — дом. Отчизна. Бездна.

Он помнил брёвна и людей,
Фашистов, ливень, после — солнце,
Он — жаждал запаха полей!
Вернулся, чтоб за жизнь бороться.

А дома — взяли на учёт,
И каждый день за ним следили.
Война, раненья — всё не в счёт,
И упрекали, и гнобили...

Он был, как все, в атаку, в бой,
И он — не прятался за спины,
Он — защищал! Он — шёл домой!
А дома стал — презрением сына!

Вместе

И пока золотые рассветы
Мне приводят на землю зарю,
Буду помнить, ещё не допета
Песня та, что о жизни пою,

И пока белоснежной вуалью
Будет снег нависать над землёй,
Буду верить, прекрасно за далью,
Только край мне — любимее — мой!

Разведчица Тася

По рассказу участницы

Великой Отечественной войны Шитовой Т. В.

Остались позади — поля..., долины,
И пепелища сёл, и городов,
Пахали день за днём снаряды, мины...
И вот — бойцы — в столице у врагов.

— Привет, Берлин, разгадка, страх и ...точка!
Привет Берлин, в разрухе, не жилой,
Таисья я, моей отчизны дочка,
И знамя полковое — под полкой...!

А май кипел на улицах Берлина,
В кроваво-чёрном пламени — горел,
Конца войны — тяжёлая картина,
Но враг — сдаваться вовсе не хотел:

Остервенело, били пулемёты,
И танки громыхали с двух сторон!
В подъезде дома шевельнулся кто-то,
Застыл солдатик-немец. Удивлён!

— Руки вверх, кричала, — я стреляю! —
Взметнулись руки, обе сразу, вверх.
Разведчица — сама едва живая,
Не совершила перед Богом грех...

Там — юные, — друг друга пожалели:
— Конец войне, а жизнь — она одна.
Они стояли, молча, и глядели: —
— Война-война — не наша в том вина.

Сидит и вспоминает баба-Тася
Про встречу ту берлинскую тогда:
— А если б знал мой батальонный, Вася?
И дрожит тихонько борода.

Родительская боль

Кто скажет нам, с какою целью
Страна — детей отобрала?
Зачем их сделала мишенью,
Зачем — в пасть войнам отдала?

Погибших души — рядом с нами,
С дождями — в окна к нам стучат,
На встречу дети с матерями
Во снах приходят по ночам.

Нам две войны — исчадь ада —
Смертями — сыплют по домам.
Стал нынче Грозный — Сталинградом!
Чадят развалины в дымах.

И эта боль — для всей России,
Для матерей и для отцов,
Не будет встреч, под небом синим,
Солдат — с родительским крыльцом!

Давайте, молча, всех помянем
Парней, погибших на войне,
Такой ненужной нам в Афгане,
Совсем непрошенной — в Чечне!

Бесстрашие

Это было как будто вчера:
Закипала от взрывов река,
Фронтовые сто грамм у костра,
А назавтра — болота..., снега,

Умиравший друг на плечах,
Пулемётные лили дожди...
Избегал встреч с солдатами страх,
Потому — тот солдат — победил!

Победы сладкое вино

Мир праху вашему, бойцы,
Отдавших жизни за Россию.
Вы — День Победы нам, борцы,
Несли подарком от Миссии

На окровавленных плечах
Под пулемётными дождями
Туда, где плакала свеча
В домах людей под образами.

Победы сладкое вино
С утратой горькою смешалось...
Всё в День Победы над страной
В салюты радости вменялось!

— Пришёл конец, конец войне!
О павших — с болью вспоминали.
Черёмух белых майский снег
Ложился тихо на печали.

Погибшим томичам

— Томичи, томичи, томичи, —
По вискам словно молот стучит, —
Томичи, томичи, томичи —
Слава вам! Сердце снова кричит.

— Не погибли, не умерли вы.
Мы гордимся и числим в живых.
Никогда не встречался рассказ,
Чтобы кто-то стал трусом из вас...

Томичи, вы — герои мои!
Отстояли все земли свои,
И страну с обгоревшим лицом,
С ленинградским блокадным кольцом.

Юбилейный сегодня парад,
Нынче семьдесят лет к ряду ряд.
Сердце ноет опять и болит,
Что родных — поглотили бои.

Схватки

*По рассказу Марка Петровича Зеленова,
участника Великой Отечественной войны*
«Ого-о-нь! Вперё-ё-д! В ата-а-ку!»
И мы как будто — там,
Где подчинялись знаку
Руки иль мат-словам.

Подмяты страх и ужас,
Забыты — раны, боль,
И сердцу повинуюсь,
Мы — вместе с ними — в бой!

Разбиты переправы,
Разрушены мосты,
В боях — не ради славы!
Бурлит голодный тыл!

Открыла память в зале
Нам — сорок третий год,
Где пяди — не отдали,
Вперёд, вперёд, вперёд...

И схватки — за высоты,
И бой — за Сталинград...!
Застолье. Сто грамм водки
За подвиги солдат.

И снова — в зале — солнце!
Нет грохота, огня...
Кто плачет, кто — смеётся...
И ордена звенят.

Солдаты, офицеры,
Кто выжил, кто дожил,
Как символ вечной веры
В любовь, в Россию, в жизнь.

Россия

Не повторить Россию — дважды,
Она — такая вот — одна!
Её веками мучит жажда,
Но просит — вовсе — не вина,

Пьёт росы Родина утрами,
Пьёт — жар космических лучей,
И звёзды падают веками
Ей в ковшик с бодростью ночей.

Страдаю я — когда ей больно,
Грущу — когда не повезёт,
Всегда горжусь, что птицей вольной
Россия-матушка живёт,

Не знаю я её красивей,
Мудрей, загадочней, нежней,
И потому всю жизнь Россию
Зову я матерью своей!

На войне

*По воспоминаниям Грачёва Клавдия Ивановича,
участника Великой Отечественной войны*

И вновь под бомбовым дождём
Земля корёжится и плачет.
А мы — не ждём, а мы — идём,
И моет спины пот горячий!

А мы — вперёд, вперёд, вперёд,
А рядом — падают ребята!
Приказы ротный отдаёт:
— Вперёд! За Родину, солдаты!

Тела, тела..., фрагменты тел,
Горит земля! Горят машины!
На воздух — медсанбат взлетел.
И мины, мины, всюду — мины.

И небо, будто бы на нас,
Казалось, медленно ложится
И предстоит нам всем сейчас
В последний раз — за жизнь сразиться!

Бои, бои..., и вот — Берлин,
За нами — Киев, Днепр и Висла.
Война осела в пух седин.
Сломить Россию! Нет. Не вышло!

Сегодня май. И под дождём
Мы по ушедшим с Небом — плачем.
На встречу с ними всё идём,
И с каждым днём друзей нам — жальче.

Огородова Наталья

Мама Натальи всю войну выхаживала тяжелораненых бойцов и со своим эвакогоспиталем, в составе Первого Украинского фронта, дошла до Берлина.

Две маминих сестры были на фронте, а одна в тылу медсёстрами. Не вернулись с фронта дедушка и двое дядюшек.

Немеркнущая память о войне

Во время Великой Отечественной войны моя мама, тогда Сафонова Нина Георгиевна, несовершеннолетняя, пошла в военкомат, где ей предложили после трёхмесячных курсов обучения работу поваром в поезде — эвакогоспитале № 1094 (для тяжелораненых в челюсть и живот, нетранспортабельных) в составе Первого Украинского фронта. Победу встречала в Берлине, но ещё 8 месяцев долечивали раненых, и она вернулась домой только зимой.

Её старшая сестра — Анастасия была на фронте операционной медсестрой, а Мария — просто медсестрой. Александра, ещё одна мамина сестра, во время войны работала на лесоповале, а когда стали поступать в город раненые, ухаживала за ними, работая в Томских госпиталях. Ей часто приходилось сопровождать выздоравливающих из Томска домой на поездах (часто в «телятниках»). Подопечные сами выйти из вагона не могли, приходилось выносить их на руках.

В Прикарпатье орудовали тогда бандеровцы, устраивали засады, взрывали машины.

Два сына сестры моей бабушки, Ульяны, Александр и Иван Ромашовы, погибли в 1944 году. Одному было 19 лет, другому 20 (их имена есть в Книге памяти Томской области). В том же году погиб муж другой бабушки, Дарьи, Сыропятов Александр Дмитриевич, лётчик.

Александра дождалась своего одноклассника и будущего супруга, Огородникова Леонида Павловича, живого. На фронт он ушёл добровольцем. Воевал на передовой с февраля 1942 года (через два месяца был легко ранен, после двухнедельного лечения вновь в строю) сначала на Карельском фронте командиром миномётного расчёта в составе 143-го отдельного лыжного батальона. После выхода Финляндии из войны, в 1944 году в Вологде переформировали, и в составе 32-ой отдельной лыжной бригады 4-го Украинского отправили в Закарпатье для перехода через границу по горным дорогам в Чехословакию.

8 мая 1945 года в 80 км от Праги объявили о Победе. Пешком шли до Львова. А там — перестрелки с бандеровцами, а потом их отправили на Дальневосточный фронт, на войну с Японией. После победы над Японией дядя Лёня служил ещё два года на погранзаставе на Чукотке.

Вернулся в Томск в августе 1947 года. Жив, ему — 92 года.

Война была её работой

*Памяти мамы Сафрновой Нины Георгиевны,
участницы Великой Отечественной войны*

Там, где советские войска до горизонта
И танковые части вдоль шоссе,
В составе Первого Украинского фронта
На пограничной с Польшей полосе,

Эвакогоспиталь был срочно сформирован
В конце сорок четвёртого зимой.
Вольнонаёмными был штат укомплектован
И раненых готов принять весной.

В год сорок пятый на Берлин шли в наступленье:
Пехота, авиация, танкист...
Бои тяжёлые на главном направлении,
Спротивлялся бешено фашист.

Опасен даже при последнем издыхании,
Был страшен «зверь» агонией своей.
Бои упорные вели войска в Германии,
Ещё грозил из логова злодей.

Страх пред возмездием рождал упорство,
Но огневая мощь врага в боях,
И Гитлера пустое фанфаронство
Бессмысленны... Не отвратим был крах.

Война была её заботой
Ежеминутной и простой,
Война была её работой,
Но только — на передовой.

Под стук колёс на перегонах
За армией своей вперёд
Вёз поезд раненых в вагонах,
Тяжёлых — в челюсть и живот...

Едой, протёртою кормила
Нетранспортабельных ребят,
Картошку, кашу, суп варила,
Был шоколад трофейный и шпинат.

Сил придавала эта травка.
Шли те, кто уж одной ногой
В могиле были, на поправку.
Рвались мальчишки снова в бой.

Ночами в госпиталь летучки
Везли израненных бойцов,
А если не было горючки,
На бричках их везли без слов.

Льняные коски, тонкая шеёнка,
Лопатки острые не может скрыть бушлат.
Шла повариха, та же всё девчонка,
Везла на бричке лёгкой раненых солдат.

Проста задача: под покровом ночи
Быстрее бойцов с полей сраженья вывозить.
Глаза слипались, и уж нету мочи,
Усталость с ног валила. Всё же ухватить

Успела бричку. В сон вдруг погрузилась,
Как будто в омут тихой речки с головой.
Спала, но шла. Ей мамочка приснилась,
Весна на улице Татарской, дом родной.

Хватило тех минут, чтоб снова утром
Варить бульон на кухне, раненых кормить,
Работы переделывать попутно
За сутки много приходилось и не нить.

Не полагалось ей военной формы:
Ни гимнастёрочки на ней и ни погон.
Работы было выше всякой нормы,
И долг пред Родиной — неписанный закон!

По бездорожью, по оврагам
С походной кухней полевой
Шагала пегая коняга
Туда, где шёл кровавый бой.

Годков семнадцати девчонка —
«И ездовой, и кашевар» -
Ту направляла лошадёнку
Туда, где смерть и битвы жар.

Слыла девчоночка отважной!
Путь по урману пролегал,
Но русский мат многоэтажный
Им заблудиться не давал.

Ориентиром был он верным,
Как путеводная звезда.
Везли солдатам хлеб, консервы
Лошадка и девчонка та.

Всё ближе грохот раздавался,
Рвались снаряды тут и там.
Но враг в атаку устремлялся,
То наши били по врагам.

Шарахалась коняга, ржала.
Страх потом выступал на круп.
Девчонка, плача, ей кричала:
«Пошла, скорее! Стынет суп.

Задачу выполняй, «хозрота»!
Должна накормленной быть
Родная славная пехота,
Фашистов чтобы победить.

Не бойся!» — В ухо ей шептала,
Шагая рядом (легче той),
Девчонку лошадь понимала
И шла, кивая головой.

В час тишины. Пред новым боем
Стирала, парила бинты,
Пропитанные кровью, гноем,
И до стерильной чистоты

Их доводила едкой хлоркой.
Болели руки и глаза,
С ладоней кожа, будто тёркой,
Снята. Солёная слеза

Катилась с потом вперемешку
И заливала ей лицо,
Но некогда ей было мешкать,
В уме рождалось письмецо.

Родным своим она напишет,
Лишь только дело завершит,
Но в небе мессеров вой слышен...
Письмо придётся отложить.

И снова на живых и мёртвых
Бомбёжка делит всех бойцов,
Неопытных и жизнью тёртых,
Совсем мальчишек и отцов.

Фашисту кулачком грозила...
Воздушный переждав налёт,
В эвакогоспиталь тащила
Бойцов с ранением в живот.

Тащила их на волокуше,
В оглобли впрягшись, как в хомут,
Шептала Ванечке, Андрюше:
«До свадьбы — раны заживут!»

И шла с хозяйством управляться
У той, у огненной черты,
Ей было некогда бояться
Войны, фашистов, темноты.

Реквием

Мы в день Победы вспомним о солдатах,
Мальчишками ушедших в мир иной.
Печальная и дорогая плата
За мир сегодняшний и наш покой.

Не для того детей рожали матери,
Чтоб голосить по сыновьям.
И чистые стелить к помину скатерти,
Пить горькую, войну кляня.

С мальчишками плечом к плечу — девчонки
Сражались, падая в час роковой.
По всей России письма — похоронки
Летели черной птицей в дом родной.

Не для того детей рожали матери,
Чтоб голосить по дочерям
И чистые стелить к помину скатерти,
Пить горькую, войну кляня.

Над рощами, садами и полями
Набата звуки плыли над страной.
И на защиту Родины под знамя
Вставал народ многострадальный в строй.

Своих любимых ждали дома женщины,
Детишки малые — отцов.
Лежат в земле, ромашками увенчаны
Останки святые бойцов.

Пусть знает недруг — помним о блокаде,
Разрухе и сгоревших деревнях,
О Курске, Ленинграде, Сталинграде,
О голоде и лагерных печах.

Замученных, расстрелянных, сожженных
Минутою молчания почтим
Героев, сединою убеленных,
Мы в памяти народной сохраним.

Чтоб не пришлось стелить к помину скатерти
По городам и деревням,
Мир берегите, люди, чтобы матери
Не плакали, войну кляня.

Холокост

*Вершина зла, жестокости и мрака.
Тревожит сердце слово «Холокост»,
(автор неизвестен)*

Когда советские войска вошли в Освенцим —
Концлагерей фашистских комплекс содержащий,
Четыре крематория, что спешно немцы
Забили до отказа, запахом смердящим

Сгоравших тел, освободителей встречали...
Здесь жертвы умирали холокоста.
Расстреливали заключённых и пытали,
До смерти голодом морили просто.

Травили газом и в печах сжигали
Цыган, поляков, украинцев, русских,
Евреев семьями и белорусов,
Детей еврейских сразу истребляли,

Старух и стариков, увечных, заболевших...
Из рук бесцеремонно деток вырывали,
У матерей, от страха помертвевших,
И главврачу, Йозефу Менгеле, вручали

Для медицинских опытов жестоких.
Любил использовать тот изверг близнецов
И, выжав за ребёнка кровь, все соки,
Приказывал отправить для сожженья в ров.

Идея параноика и кровопийцы:
Стереть с лица земли народы, уничтожить.
Мечтал создать он расу новую — арийцев,
Рождаемость немецких женщин приумножить.

Людей сажали в камеры без окон,
Чтоб умирали от нехватки кислорода.
Сопровождал несчастных дикий хохот
Губителей еврейского народа.

Одиннадцатый блок — для наказания
Мужчин и женщин, правила не исполнявших.
Жестокие мы помним злодеянья
Фашистов, смертью медленной их убивавших.

Над входом в лагерь надпись означала,
Что «труд ведёт к свободе». Противоположность:
Труд — формой геноцида стал и вёл к финалу,
Жизнь человека становилась невозможной.

В бараках узников и узниц истощённых,
В живых оставшихся семь с половиной тысяч,
Врагом на смерть мучительную обречённых,
Нашли солдаты Красной Армии. Всё взыщут

За преступления с палачей-фашистов.
Суд Божий и народный гнев неистов!
Священна память о погибших! Песнопеньем
Почтим в Международный день освобождения!

В музее

Освенцим-Биркенау — лагерь умерщвления,
Теперь Музей здесь создан, чтобы не забыли...
Нацистов гитлеровских преступления
На фотографиях правдивых разместили:

Вот крематорий, печи для сжиганья трупов,
Остервенев, лизали небо языками.
Дым, поднимающийся по кирпичным трубам,
Висел над лагерем, смешавшись с облаками.

Двор пыточный, за пядью пядь залитый кровью,
Стена. По ней расстрелянные оседали.
Смотрю, осознавая всё со скорбью,
Глаза невольно наполняются слезами.

Жилой барак, трёхъярусные нары.
Матрасов нет, подушек, простыней.
Одиннадцатый блок, в его подвалах
Травили газом взрослых и детей.

Сюда беременных евреек, обречённых
Везли в вагонах грязных, для свиней.
Топили в бочках, как котят, новорождённых
Младенцев на глазах у матерей.

На сортировку женщин, сразу после родов,
От горя сломленных духовно, отправляли.
Больных и слабых в крематории сжигали
По злому умыслу губителей народов.

Одежду, кости, черепа сортировали,
Очки, игрушки, обувь, женский волос...
Зажала рот, чтоб не заплакать в голос.
Со снимков будто предостерегали:

Пусть страшно помнить, забывать нельзя!
Нацисты новые до новых дней дожили.
За родину, народ им заплатили —
Был выбран путь бессмысленный — ВОЙНА.

Она — нажива, гибель, ненависть и злость,
Планету в ад ведущий неизбежно путь.
Её для счастья и любви создал Господь!
Не дайте, люди, мир перевернуть!

Шёл январь. Рождество приближалось
Той далёкой, холодной зимой.
Мама в город родной возвращалась
С нерождённой ещё, со мной.

По дорогам войны девчонкой
Шла с любимым своим, не страшась.
В май победный зачата звонкий,
К Рождеству я как раз родилась!..

Что случилось тогда между вами?
Вот, на фото — сержант боевой,
Мой отец, что любовь свою к маме
Разменял на роман фронтовой.

Может, в этом война виновата?
Только я благодарна судьбе,
И за муки январскою датой
Мой поклон, дорогая, тебе!

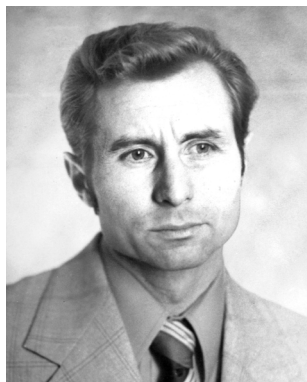
Про отца был газетный очерк.
На войне он слыл храбрым бойцом,
Для меня — лишь анкетный прочерк,
Что чертила всегда со стыдом.

Малышев Юрий

Война для отца Юрия, Максима Сергеевича, война закончилась в Ленинграде в 1943 году. При кровопролитных боях, получив тяжёлое ранение и контузию был демобилизован инвалидом II группы. Награждён медалью «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Мама — труженица тыла. Всю войну работала в полеводческой бригаде в колхозе.

Отец

Отцу моему Малышеву М. С.
инвалиду Великой Отечественной войны
защитнику Ленинграда, посвящается
Даже долю свою не сосватал,
И судьбу ты себе не молил —
Та война навалилась, и с братом
Военком вам повестки вручил.

И в заполненном болью и смрадом,
Сорок первом проклятом году,
Ты поклялся стране, и солдатом,
Зубы стиснув, ушёл на войну.

Ты познал, что такое блокада,
Но об этом — ни строчки домой.
Замерзая у стен Ленинграда,
Бился насмерть за город родной.

И вернувшись в деревню калекой,
Измождённый, на двух костылях,
Ковылял, как из прошлого века,
Весь седой с вещмешком на плечах.

За себя и отчизну ранимый,
Как предстать пред детьми и женой?
Ведь когда-то, и я был любимый,
А теперь кому нужен такой?

Эти мысли напрасно терзали,
За порог лишь ступил он ногой,
Мама бросилась с криком: «Заждались!
Слава богу, вернулся живой!»

Всё уходят от нас ветераны
Той Великой кровавой войны,
Не успев залечить свои раны,
И дожить до заветной мечты....

Почему мы, страна-победитель,
Хуже, стран побеждённых живём?
До сих пор наш Верховный правитель
Их не смог обеспечить жильём.

За державу до слёз нам обидно,
Хоть сырьём и богата страна,
Но богатств этих только не видно,
Олигархи их взяли сполна.

Строят яхты, дворцы, даже замки
На виду с нашим ветхим жильём.
Миллиардами доллары в банки
Им стекаются словно ручьём.

И под стать им чиновники ныне,
И избранники Думы самой:
Не считаясь со званием и чином,
Грабят все у России родной.

Наш народ ведь своими руками
Может разом покончить с жульём,
Если сам Президент будет с нами,
Вмиг порядок в стране наведём.

*«Свеча горит перед образами...»
Суровцева Людмила*

Свеча горит перед образами.
Лампада в копоты под ней,
Я помню, как молились с мамой
Бессонных множество ночей.

Молили здравия калекам,
Молили здравия живым,
Ещё просили мы при этом,
Чтоб больше не было войны.

Пред теми силами Всевышних
Хотелось на колени пасть.
Так за живых, и за погибших
Учила нас молиться мать.

Российский Крым вернулся

«Сменяя гром войны на тосты пира»

Сенчило Маргарита

Смените гром войны на тосты пира, —
Всю жизнь сквозь слёзы матери молят,
Лишь только изверг не приемлет мира,
Да нелюди с огнём играть хотят.

Вновь стало в мире шатко, беспокойно,
Хоть на дворе уж двадцать первый век,
Планету также раздирают войны,
По-прежнему в них гибнет человек.

Теперь фашизм поднялся на Майдане,
Его вскормили Запад, дядя Сэм,
Так было в сорок первом — россиянин
Один держал ответ пред миром всем.

Бандеровцы невинных истязают,
Бесчинствуют, глумятся, как тогда,
Но только эти изверги пусть знают —
Расплата возвращается всегда.

Наш Президент заслон тому поставил —
Российский Крым вернулся снова к нам.
И сколько бы Обама ни «майданил»-
Ему тот уголок — не по зубам.

За плечами мамы — целая эпоха

Нередко приходится наблюдать не только со стороны молодёжи, но и более старших людей, какое-то неуважение к пожилым и немощным людям: в больницах, автобусах, магазинах, на улице и других общественных местах. За что? За то, что они ещё живы?

Отзвенел шестидесятипятiletний юбилей Победы, а в этом году исполняется уже 70 лет знаменательной даты, но до сих пор в стране далеко не все ветераны войны получили обещанные квартиры, а тружеников тыла так и не приравнивали к ветеранам войны, хотя вся её тяжесть легла на их плечи, и живут они на нищенскую пенсию.

За плечами моей матери Александры Алексеевны Малышевой пролегла тяжелейшая эпоха XX -го века со всеми его катаклизмами. Миллионы страниц различных изданий повествуют нам о событиях тех лет и о людях, ставших легендами, но основная масса простых тружеников города и деревни оставалась как бы в тени.

Об одной из них, своей матери, вдове инвалида Великой Отечественной войны, труженице тыла, с её слов я хочу рассказать.

Родилась она в 1916 году в глухой деревушке Высоково Костромской губернии. Как и большинству сверстников, ей не пришлось познать безоблачного детства, так как события в ту пору в стране развивались по особому сценарию.

В годы первой мировой войны произошёл Октябрьский переворот, за ним грянула Гражданская война, приведшая к разрухе и безработице с миллионами беспризорных детей и подростков. В 1921–1922 годах Поволжье, где жили её родители, было охвачено небывалым голодом, в городах люди поедали собак, кошек и грызунов, на улицах валялись трупы лошадей, люди умирали с голода. По продразвёрстке у крестьян изымалось всё до последнего зёрнышка. Жизнь моей матери начиналась с борьбы за выживание.

С семи лет она работала в поле, помогая родителям, а с тринадцати — с отцом на лесоповале, куда он был сослан в числе так называемых «кулаков». Здесь для каждого работника устанавливалось «твердое» задание выдать пять кубометров дров в день. Дерево нужно было спилить вручную с корня, очистить от сучков, раскряжевать на чурбаны, расколоть и уложить в поленицу. За невыполнение нормы отправляли туда «где Макар телят не пас». Для одного работника эта норма была непосильна, поэтому отец взял тринадцати летнюю девочку с собой, поскольку на подростков это задание не распространялось.

Жили ссыльные в бараках-коммуналках по двадцать человек в одном помещении, пропитанном гарью, табачным дымом и зловонью от портков и портянок, висевших над нарами. Целых два нескончаемо-длинных года длилась эта непосильная, изнурительно-каторжная жизнь.

Рассказывая о каждом периоде своей жизни, не могла мама удержаться от слёз. Слишком нелёгкая долюшка выпала на плечи её поколения. Больно ворошить свою память. Тем не менее, на мою просьбу рассказать о своей жизни, она продолжала вспоминать: о раскулачивании, где под «общую гребёнку» попадали простые крестьяне; о коллективизации, когда крестьян насильно «загоняли» в колхоз, отняв при этом лошадь, корову и весь сельхозинвентарь. Работали в колхозе без выходных дней от зари до зари, а сам дневной труд оценивался «трудоднём», который оплачивался не деньгами, а зерном в зависимости от собранного урожая. В иные годы на один трудодень приходилось по 200 - 300 граммов ржи. Как можно было прожить? Уйти из колхоза крестьянин не имел права. К власти на местах пришли бездари да «голодранцы», которые всячески измывались над теми, кто жил исправно. Всё это вызывало недовольство среди колхозников. До них доходили слухи о крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии, которые закончились жестоким кровопролитием, но об этом говорить было нельзя.

«Самым большим испытанием стала Великая Отечественная война, казавшаяся бесконечной. Вашего отца призвали на третий день войны.

Сейчас я даже не могу представить, как мы только выжили?

На моих руках вас было трое в возрасте от четырёх месяцев до пяти лет, при этом я возглавила полеводческую бригаду, в которой женщины, старики и подростки работали, не считаясь со временем под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы!» Мы прекрасно понимали, что нужно кормить солдат — там наши мужья и братья, поэтому почти весь собранный урожай уходил на фронт, а самих выручали лебеда да картошка.

Всякий раз с работы домой я летела словно на крыльях; обе груди распирало от молока, нужно сперва накормить младшенького сыночка (автора этих строк), сцедить ему оставшееся молоко на следующий день, и чем-то накормить старшеньких, которые плача, причитали: «Мама, мы есть хотим!»

И вот пришла долгожданная Победа! Вся деревня ликовала и плакала, большинство из наших женщин остались вдовами, а мой муж вернулся инвалидом на костылях с тяжёлым ранением, но зато живой. А сколько было радости!

После войны наступила мирная жизнь, казалось бы, можно передохнуть, но голод в Костромской области заставил переехать нашу семью на Урал в деревню Пятково, где ещё до войны обосновались мои родители. Вступили мы в колхоз, не чурались никакой работы, а оплачивалась она всё теми же трудовыми. Чтобы женщине заработать трудовдень полагалось сжать серпом три сотки ржи, пшеницы или овса. Сжатый сноп нужно перевязать (жгутом, свитым из тех же стеблей) и составить в суслоны. От стерни руки были изрезаны словно бритвой, а спина разгибалась с великим трудом от постоянной работы в наклон.

Тяжёлым бременем для всех колхозников был сельскохозяйственный налог, которым облагалась каждая семья: за корову нужно заплатить молоком, за свинью — мясом

и шкурой, с овцы — мясом и шерстью, с куриц — яйцом и т.д.

Кроме этого, над нами непосильным ярмом висел Государственный заём для народного хозяйства. Все, без исключения, обязаны на него подписаться, то есть, дать государству указанную сумму денег взаймы, без последующей отдачи. Никаких исключений не было, даже для инвалидов войны. Откуда взять деньги — никого не интересовало. Семья едва сводила концы с концами.

А мне нужно ежедневно накормить, одеть, обуть, обстирать, починить ваши одёжки, управиться с домашним хозяйством, и всё это успеть после работы на колхозном поле. А в сутках те же 24 часа, так что на сон оставалось каких-то часа четыре.

В 1956 году мы переехали в Кишертъ, где была средняя школа, чтобы иметь возможность вас учить дальше».

Здесь более сорока лет мама отработала на различных физически тяжёлых и мало оплачиваемых работах: техничкой в школе, санитаркой в больнице, няней в детских яслях и дворником; причём добросовестно, с полной отдачей сил. Не случайно бывшие сослуживцы, а также школьники и «ясельники» помнят её добрым словом.

Потеряв в 1977 году мужа, постоянно загруженная работой и заботами о внуках, а они любили гостить у неё каждое лето, не задумывалась она над тем, что ждёт впереди, какова будет её старость. И она подошла, даже не подошла, а подкралась как-то незаметно.

Мама ушла из жизни спустя три месяца после своего девяносто летнего юбилея. Всем на удивление в этот юбилейный вечер она пела песни, читала наизусть стихи и басни, давала напутствие внукам и правнукам, чтоб знали свою родословную хотя бы до третьего поколения, и не чуждались никакой работы.

К маме в гости

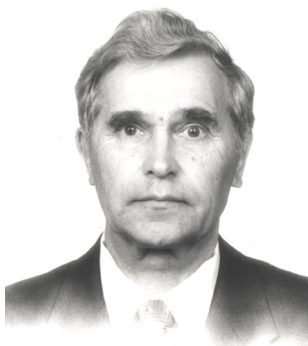
Октябрь, дождём рассыпав осень,
Сорил пожухлою листвою
И на побывку к маме в гости
Спешу из юности тропой.

Пройдусь в обнимку с речкой детства
В ладони Сылву зачерпну,
Совсем без лишнего кокетства,
Губами в синь её нырну.

Бальзам огнём в душе прольётся,
Хмельным затеплится костром,
На миг опять ко мне вернётся
Шальное детство босиком.

Нелегко нам любовь досталась,
Ничего не поделаешь тут.
Не судьба: даже эта малость —
Повстречаться на пять минут.

Что годы уходят — не плачьте,
Не бойтесь, что старость придёт,
Ведь жизнь не изменишь иначе,
Вперёд она только идёт.

Ромашов Анатолий

Отец, Ромашов Николай Васильевич воевал с первых дней войны, с фронта пришло одно единственное письмо и фотография, попал в плен, находился в польском концлагере «Шта-лаг» — 1В Оэништайн, Ольштынек, где и погиб первого сентября 1942 года.

Голос крови

Разбитый дом. Разрушена стена.
За нею три бойца у миномета.
Неравный бой. Кровавая война,
И в стену долбит враг из пулемета.

Боец увидел надпись на стене,
Прикрытую травой за кустами.
«Один я, ранен и патронов нет...» —
Кривые буквы, бледные местами.

Горячей кровью воин написал,
Но не успел свое оставить имя...
Ценою жизни Родину спасал.
Остался неизвестным пред своими.

В конце воскликнул: «Родина, прощай!
Я умираю, но врагу не сдамся!»
И, защищая свой любимый край,
Спасть солдат тот вовсе не пытался.

И голос крови до сих пор звучит
Безвестного, погибшего героя!
Живым бойцам по сердцу он стучит
И с зовом этим им не знать покоя!

Ветераны приюта

*Посвящается ветеранам войны
и труженикам тыла*

С тревогой встречая закаты.
Вам зорьки надежды дают.
Как молоды были когда-то,
Но годы и гнут, и гнетут.

Вы все отработали честно
На фронте, на стройках, в селе.
Своей дорожили вы честью,
И пели, чтоб жить веселей.

Но раны одна за другою
Ночами вам спать не дают.
— Эх, снять бы волшебной рукою
Все боли... Спаси вас, приют!

Облегчить бы тяжкую долю,
Утешить и старость, и грусть,
А душу подбросить на волю,
Голубкой летит она пусть.

Взовьётся в лазоревы дали,
Где райская синь и покой.
Такой красоты не видали,
И нет на земле ведь такой.

Пусть душенька с облачком вместе
Напьётся счастливых минут,
Небесной танцует невестой
И помнит земной ваш приют!

Расстрел дезертира

(Такое тоже бывало на войне)

На поляне построили полк,
Перед строем стоит осужденный.
И солдат не возьмет себе в толк:
Почему он стал как прокаженный?

Смалодушничал, струсил, ушел.
Дезертировал, значит — предатель.
Он товарищей к смерти подвел,
Когда был впереди неприятель.

Приговор прокурора: «Расстрел!»
И весь полк с ним в согласии замер...
Паренёк возмужать не успел
И не сдал свой солдатский экзамен.

Но на фронте живучий закон:
Если струсил и Родину предал,
Беспощаден к предателям он
И солдату исправиться не дал.

И стоит он у всех на виду,
Бледнолицый, потупивши взор...
Отвести невозможно беду,
Даже смертью не смоем позор!

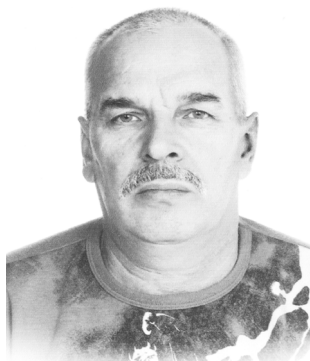

Овсянников Владимир

В родословной Владимира, как у многих, были участники военных событий 1941-1945 годов. Война никого не щадила.

Родственники, оберегая детскую ранимую психику детей, познавшие боль утрат и горечь потерь, предпочитали никогда им не рассказывать об ужасах военных лет. О войне Владимир узнавал по рассказам чужих людей и из литературы.

Один день войны

Я помню, как-то перед маем,
К нам в школу гость пришёл с утра.
Нам объявили, что встречаем
Мы бывшего фронтовика.

Расселись дружно все по партам.
— Каков же он, герой тех лет? —
Притихнув, ждали мы с азартом.
Вошёл знакомый наш, сосед.

Мы были сбиты этим с толку,
Услышав голос в тишине:
— Я расскажу вам про Николку,
О дне одном на той войне.

Я в партизанах был в то время.
Взрывали поезда, мосты —
Уничтожали вражье племя,
К ним пробираясь чрез посты.

В тот день, с заданием покончив,
Мы возвращались налегке.
Вдруг в тишине, как стая гончих,
Лай пулемёта вдалеке.

Очередей трель автомата
И пули деревянный стук.
«Ну что, помочь ребятам надо», —
Сказал нам тихо политрук.

По немцам жажнули мы с тыла,
Окончен был короткий бой!
А с чердака смотрело мило
Лицо. Мальчишка молодой...

Двенадцать лет от роду было,
Но много горя повидал:
Разрывом бомбы мать убило,
И в рабство враг сестру угнал.

Добыл оружие, гранаты,
(Их лишь ленивый не найдёт)
На чердаке родимой хаты
Соорудил отличный «ДОТ».

Возможно, не было бы боя,
Но мы врагов «достали» так,
Что немцы спали даже стоя,
Боясь попасть под наш кулак.

И вот карателей отряды
Снуют по сёлам и лесам,
Чтоб партизанские бригады
Найти и уничтожить там.

Вот так каратели попали
Под «огонёк» того мальчика,
Где пули роем «прошивали»
Их кровожадные сердца.

А наша помощь подоспела
Как гость к накрытому столу.
И вот застенчиво, несмело
Мальчишка спрыгнул на траву.

Его мы дружно окружили,
Пожали руку «мужику»
И ненавязчиво спросили,
Как наречён он на веку?

Пацан, помедлив чуть, ответил:
— Николка звал меня весь двор.
Тут я случайно вдруг заметил
Совсем седой его вихор.

Вот так я встретился с Николкой,
Но вот судьбы не проследил.
И в сердце острою иглой
Мне в память этот бой входил.

По сводкам «местного масштаба»

Шел за деревню смертный бой,
По сводкам: «местного масштаба».
«Объект взять малою ценой!» -
Пришел приказ из ставки штаба.

И все б закончилось давно,
Но дзот остановил отряды.
Иным подняться не дано,
Другие укладывал он рядом.

Была весна, цвели сады.
Всегда теплу природа рада.
И средь вот этой красоты
Немецкий дзот — исчадь ада!

Построен человеком был,
Чтоб смерть нести всему живому.
Строитель видно позабыл
Любовь к своей семье и дому.

Огонь прицельный и густой
Дзот извергал на наступавших,
Не разбирая, кто живой,
А кто давно уже упавший.

Вдруг на секунду тишина
Всех оглушила, после — а-ах.
Взрыв мощной силы, что до дна
Дзот разметало в пух и прах.

Деревню взяли, бой угас,
Но все хотели знать героя,
Того, кто их от смерти спас
И дзот взорвал во время боя.

Среди разбросанной земли
И тел поверженных врагов
Лежал мальчишка, десяти
Или двенадцати годов.

Солдаты, повидавшие не мало,
Роняли слезы, словно малы дети,
А по земле давно весна шагала,
Цвели сады на раненой планете.

Память

Стою у обелиска,
Читаю имена.
Мне кажется, так близко
Проклятая война.

Разрывы бомб, снарядов,
Предсмертный стон солдат.
И всё как будто рядом,
Но сколько лет назад!

Стою у обелиска,
И мысли вдаль летят,
Те имена из списка:
«Не забывай!» — кричат.

Как будто с нами рядом
Тут чей-то брат, отец.
Скольжу по списку взглядом,
Как молодой юнец.

Их подвиг чрез столетья
Живые пронесли.
Они, цветком бессмертья,
Сквозь сердце проросли.

Человек

Я шёл по жизни не спеша,
Дорог не выбирал,
А самолюбие теша,
Своей судьбой играл:

Двор, школа, служба, институт,
Работа — жизни бег.
Когда-нибудь меня поймут
И скажут: «Человек!»

А если даже промолчат,
Я не исчезну в мгле,
Ведь строк, рифмованных отряд
Оставлю на земле.

Дворецкий Андрей

Имя своё получил в память от деда, погибшего в самый суровый период войны. Родители его росли в сиротстве. А виной этому — жестокая, Великая Отечественная война.

Остались только фотографии

Только фотографии остались на память о двух моих дедах (по отцу и по матери), жизни которых легли на алтарь победы в Великой Отечественной войне. Моему отцу Николаю Андреевичу Дворецкому было чуть более трех лет, когда его отца (моего деда) Андрея Михайловича призвали на фронт в самом начале войны.

Мой папа почти не помнит своего отца. Андрей Михайлович погиб 24 декабря 1941 года под Москвой, а точнее, его могила находится в Калининской области, Емельяновском районе, в деревне Покровка.

Дед мой был офицером в звании старшего лейтенанта, и в силу этого, мой отец вместе с сестрой получали за него пенсию по потере кормильца.

Вскоре новое горе постигло моего отца. В мае 1942 года от тифа умерла его мама Марфа Степановна, в девичестве Спицина. Так мой отец и его сестра Валентина стали круглыми сиротами. Время своего раннего тяжёлого детства они помнят, конечно, очень плохо. Вообще, мой отец о детстве вспоминать не любит, но кое-что, все-таки, он мне рассказал. После гибели отца и смерти матери маленький Николай с сестрой воспитывались у тетки Евдокии Михайловны Ткаченко. У нее самой было трое ребятишек: Егор, Анна и Наталья.

Проживала тогда семья в деревне Крыловка, Кожевниковского района Томской области. Сейчас этой деревни не существует. Односельчане Евдокии Михайловны говорили ей, мол, у тебя самой трое детей на руках, а ты еще двоих берешь к себе, лучше отдай их в детдом. На что тетка им отвечала: «Это детишки моего родного брата и в детский дом я их не отдам. Будут жить со мной. Что мои дети будут есть, то и они».

То, что детство у моего папы было безрадостное, доказывать особо не приходится. Ели тогда все селяне картошку, лебеду и крапиву. Летом, конечно, были ягоды, грибы. С рыбалкой дело обстояло неважно, снастей в хозяйстве не было. Пескарей ловили на самодельные крючки, сделанные из проволоки.

Папа вспоминает один эпизод из детства. Как-то их, детей, угостили яблоками, невесть откуда взявшимися в Сибири, так они полдня носили их в карманах, любуясь плодами и оттягивая момент, когда яблоки можно будет съесть.

Под Новый год детям дарили кулечки с нехитрыми сладостями. Что там было конкретно в кулечке — папа уже не помнит. Был случай, когда тетка достала где-то сахар. Так маленький Николай вместе с двоюродным братом Егором потихоньку «шмонали» теткину заначку. Клади сахар в кружки, наливали молока с кипятком и пили с упоением.

О недостатке в семье тетки говорит один только факт: на двоих с братом Егором у маленького Николая были одни штаны, в которых они по очереди ходили в школу.

А что такое крестьянский труд, мой отец чувствовал на себе с раннего детства. В деревне строили всем миром плотину через реку Верхнюю Уртамку и все подростки участвовали в этом деле. Вложил туда свой труд. В том числе и мой отец приложил туда свои силы.

В 1953 году папа после окончания семилетки поступил в Ремесленное училище № 5 в Томске и приобрёл профессию слесаря.

На курсах ДОСААФ он сдал экзамен на водительские права и в 1957 году ушёл на службу в Советскую Армию. Служить пришлось ему на Сахалине и на Камчатке.

Моя мама, Анна Николаевна, (урожденная Михайлова), сирота, познала на себе, что такое значит слово «безотцовщина». Она два года назад умерла от инсульта и мне кажется, что здоровье свое женщина подорвала еще в детстве, когда, босая, вместе с сестрами, по осени убирала урожай у соседей — копала картошку. В награду за эту работу их «благодарили» тем, что разрешали взять немного гнилой картошки себе. В основном, мама вспоминает, что ели в войну очистки от картошки, крапиву и лебеду, как большинство людей в Сибири. Ведь всё тогда отдавалось фронту. Мама, к примеру, считала, что земляника в военную пору была намного слаще, чем сейчас.

Отец мамы, Николай Павлович Михайлов, последнее свое письмо с фронта написал из Баку в 1943 году. А через год пришло извещение, что он пропал без вести.

После окончания семилетки, мама так же проживала у своей тети Феклы Абрамовны Андреевой в районе спичечной фабрики «Сибирь». Тетя устроила маму работать на фабрику. Работа для женщины очень тяжелая. Нужно было переносить ящики с продукцией, спичками, от места изготовления до места складирования.

Вот такое детство: полуголодное, полу холодное, лишенное полнокровной родительской ласки выпало в жизни на долю старшего поколения. И, все-таки, мои родители, вопреки всему, выстояли, выдюжили, не сломались, не согнулись. Выросли порядочными, добрыми людьми. Это они на добрых славных традициях воспитали меня и брата. Дали нам возможность получить высшее образование, хотя сами так и остались малограмотными. Зато родители были настоящими профессионалами в своих специальностях. Например, мой отец имеет звание «Почетный автотранспортник РСФСР».

Награжден Орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями и другими знаками отличия. Мама выработала необходимый стаж для присвоения звания «Ветеран труда», но после 1990-х годов эту медаль уже не вручали.

Нам надо на генетическом уровне начать вырабатывать должное уважительное и внимательное отношение к тем, кто создавал материальное и духовное богатство, которое нас теперь окружает.

Возникшее и продолжающееся в стране движение «Дети войны» должно разрастаться и пропагандироваться по всей России, находить всё больше сторонников и соратников. В нашем единстве и нашей нравственности — наша сила в законном признании этой категории людей, которые не понаслышке знают и помнят суровые годы войны.

А я вырос, не зная любви и ласки бабушек и дедушек, никогда не видел их, разве что только на фотографиях.

Мой дед не вернулся с войны

Я вижу иногда цветные сны,
То жарким летом, то зимою стылой,
Как дед мой не вернулся с той войны —
Окоп под Ржевом стал ему могилой.

И хоть нисколько нет моей вины,
Что я живу и радуюсь покою,
Но дед мой не вернулся с той войны,
Ушедши предрассветною порою.

А все спешат, заботами полны,
И в суете не часто вспоминаю,
Что дед мой не вернулся с той войны,
Которую по книжкам только знаю.

Россия, помни, как твои сыны —
Тебя спасали, вставши полным ростом,
Как дед мой, не вернувшись с той войны.
Так освяти их поминальным тостом!

Мой дом

Песок под ногами
И ноги устали,
Но долго ещё идти,
А лунный рогалик
Плывёт над кустами
За мною, и нам по пути.
Свеча, догорая,
В оконце мерцает,
И значит, что дома не спят.
Змеёю петляет
Дорога глухая,
Но дома мне —
Чёрт — не брат.

Арсенова (Тимофеева)

Людмила

Людмила — дочь офицера-связиста, инвалида Великой отечественной войны, рано ушедшего из жизни.

Дядя, Тимофеев С. Ф., тоже воевал, вернулся живым. Оба брата награждены медалями. Другой дядя — Тимофеев С. Г. дошёл до Берлина. Погиб накануне победы, 29 апреля 1945 года.

Позже его родные получили его ордена и медали. Мама пережила все ужасы оккупации. Когда выбили немцев из села, состояла на службе военного аэродрома, а потом в органах Министерства внутренних дел.

Дед, Агапов А. М, погиб в 1942 году под Сталинградом. Дядя — Агапов Н. А. пропал без вести в 1944 году.

Мамочке

Очень жаль, что с мамой я рассталась рано.

Почему так рано мамочка ушла?

Я её любила, но была упряма.

Без неё осталась, словно без крыла.

Юность нашей мамы шла через невзгоды:

Трудная работа, голод и война.

Много было горя в грозные годы...

Все потери, беды вынесла она.

Маме, как подруге, тайны доверяла,
Вместе с ней сажали грядки по весне...
С нею рядом, словно крылья обретала:
С мамой все дороги легче и ясней.

Мне она казалась женщиной святою,
(Пусть простит родная дочку за грехи),
И всегда стояла за меня горою...
Маме посвятила первые стихи.

Сестры милосердия

Там, где горе, раненья, печали
Вы всегда и везде выручали,
Молодые девчонки, чей труд
Милосердным в народе зовут.

Не за звания, не за медали
В сорок первом сестрёнками стали.
Где стонала от боли земля,
В медсанбатах и госпиталях.

Вы с солдатами в тяжком бою
Защищали Отчизну свою.
Там, где плавилась даже броня,
Выносили бойцов из огня.

Пусть оставлен покой и уют,
Люди верят вам, любят и ждут.
До сих пор вы с болезнью в бою,
Как тогда, на переднем краю.

Спасибо! — памяти скажу

Рассказы

Все рассказы на эту тему написаны по воспоминаниям непосредственных участников и свидетелей реальных событий. К сожалению, не могу указать место событий, в связи с тяжёлым политическим положением Украины и опасностью попасть под репрессии (зачистку) членов их семей со стороны современных укрофашистов, или нацгвардейцев.

Историческая справка: в военные годы среди 1500 карателей в Бабьем Яру было 1200 полицейев из ОУН (Организация украинских националистов) и только 300 немцев. Руками УПА (Украинской повстанческой армии) воплощалась программа Гейнриха Гимлера по уничтожению славян.

Похоже, история повторяется, и неонацисты, теперь не только из западных стран, но и Украины маршируют по земле, вновь принося угрозу миру, разруху и смерть.

Тучи над полем

Марийка — молоденькая вдова, красавица, тоненькая, как лозинка, со стройными ножками и маленькими ступнями, была лёгкой и подвижной. Вставала засветло, ложилась поздно, когда управится с делами. И всё время пела, как залиvistая лесная птаха. От её песен любая беда, как шелуха отлетала.

Пробыла замужем Марийка всего 9 месяцев. Отдали за нелюбимого, богатого, но больного парня родители, которые всё время батрачили в богатых соседских владениях.

Семья Марийки считалась небогатой. Родители жили на дальнем хуторе, где всего-то стояло одиннадцать хаток, окружённых вишнёвыми садовками. Когда муж Марийки умер от болезни, она вернулась в родную хатку. Молодые парни из соседних хуторов, да и из села хотели бы взять в жёны такую ладную, работающую, певунью, да только Марийка больше замуж не пошла, осталась жить с родителями.

В то утро она встала, едва забрезжил рассвет. Накинула на себя старую юбчонку, белую ситцевую блузочку и направилась в дальнее село к кузнецу, которому отдали накануне серпы, загодя готовясь к жатве. Жито* быстро наливалось, и нельзя было упускать ни дня: вдруг дожди пойдут, колос поляжет, потери большими будут.

И всего-то надо было Марийке забрать отбитые косы, да отлаженные к жатве серпы в кузнице, но дорога предстояла дальняя, вот и встала она, как пичужка раным-ранёхонько, завязала в узелок тряпицы краюху хлеба и отправилась в село.

Солнце ещё не встало, но уже обозначилось светлой полосой на горизонте. Легко Марийка добежала до села по утренней прохладе, забрала инструменты для жатвы, присела перекусить на обочине, попила холодной воды из криницы.**

Женщина посидела немножко на зелёной лужайке, сплошь заросшей барвинком, отдохнула и отправилась назад.

Утро вставало тихое, ясное. Она шла по дороге босая, оставляя маленькие следы своих стройных ножек в придорожной пыли, тихонько напевая:

«Иванко, ты Иванко,
Сорочка вышиванка,
Высокий, тай стрункий,
На личко румьяный,
Ще'й на бороде ямка.

Вдруг Марийка увидела впереди себя что-то тёмное, словно туча поднималась за горизонтом.

Странная туча расплывалась во все стороны, не поднимаясь вверх, а быстро растекаясь. Одновременно, послышался со стороны тучи какой-то странный рокот.

*жито** (укр.) — рожь на корню
*криница*** — колодезь

«Может, гроза надвигается? — подумала Марийка, — не похоже, вроде.» Она пошла тише, но рокот нарастал, «туча» продолжала растекаться по всему полю, по дороге, захватывая почти всё пространство впереди.

Свернуть бы в сторону, но дорога проходила по житному полю. Полный колос ржи обещал богатый урожай. Крестьянка не могла себе позволить топтать ногами несжатое поле. По спине пробежал змейкой холодок страха. Отгоняя неприятные мысли, Марийка шагала по обочине дороги, постепенно замедляя шаги. Уже не порхая, а едва переставляя ноги, шла и шла к родному порогу. Петь и радоваться не хотелось.

Неясный гул и рокот всё нарастал, превращаясь в рёв машин. Неожиданно, молодая женщина поняла — это не гроза идёт. Серая мрачная туча, между тем стала обретать силуэты. Навстречу молодежи огромной серой массой приближалась, рыча и рокоча, армада танков, машин, мотоциклов. На них ехали, распевая и гогоча, солдаты в серых, какого-то мышиного цвета, мундирах.

«Немцы!» — обожгла Марийку мысль, — что делать? Бежать? Куда?»

Бежать было некуда. Серая мышиная масса, словно засасывала внутрь, обтекая со всех сторон. Танки и мотоциклы двигались огромной шеренгой прямо по несжатому полю, подминая грузный колос, смешивая жито с землёй.

Марийка сжалась от ужаса, но продолжала шагать по обочине дороги вперёд, моля: «Господи, помоги мне домой живой добраться, не погуби молодую душу, прошу тебя, Господи! Спаси, сохрани и помилуй, Боже, праведный!» — она старалась не смотреть по сторонам, но всё время ощущала эту гогочущую, лопочущую на своём, непонятном ей языке, серую массу.

Страх сковал, мешая передвигаться Ноги будто налились свинцом, переступали с трудом, медленно и осторожно. Молодая женщина боялась, что кто-то попытается посмотреть, что у неё за спиной, завёрнутое в тряпицу, сошла с обочины и побрела по краю поля, по борозде. Благо, что велосипедисты не могли там проехать. Она всё брела и брела сквозь эту серую толпу надвинув на глаза косынку, ставшую тоже серой от пыли. Казалось, этой серой «туче» конца не будет.

Время потерялось. Солнца не было видно от пыли, поднятой огромным количеством колёс. Хотелось пить. От жары и страха губы пересохли. В горле появился ком, но даже заплакать Марийка не могла.

Как она дошла до дому, не помнит. Запомнились только заплаканные лица мамы и сестры, и их глаза, полные ужаса. Родные думали, что её уже нет в живых.

Эта «серая туча» прошла сквозь их хутор, выгребая всё съестное, что было в хатах, оставляя в сердцах страх за себя, за семью и своих близких.

Это было лето 1941 года.

Месть бандеровцев

Андрейка, едва женившись, попал в армию. Оставил дома молодую красивую жену и пошёл служить. Каждую ночь видел он во сне свою Франочку, как наяву чувствовал мятный запах её волнистых чёрных волос. Франка мыла голову мятным отваром, иначе тяжелые чёрные косы невозможно было расчесать. Андрейка с нетерпением ждал отпуска, мечтая о встрече с любимой.

И вдруг, как гром среди ясного неба — это страшное слово: «война!» Всё случилось так внезапно, что на фоне мирной жизни в него даже не верилось.

Конечно, в народе поговаривали, что неспроста Гитлер так быстро оккупировал Польшу, но ведь был подписан Пакт о ненападении, поэтому молодой солдат слухам не верил, а продолжал мечтать о скорой встрече с женой. Ведь они и намиловаться ещё не успели.

Молодой семьянин даже и подумать не мог, что встреча произойдёт гораздо раньше. Часть, в которую он попал, была окружена и разбита в первые же дни войны. Бойцам пробиться к своим, как ни старались, не удавалось, поэтому те, кто мог держать оружие, ушли в лес — партизанить, оставив раненых в небольших хуторках на попечение местных жителей. Правда, многие потом погибли от рук бандеровцев вместе с семьями, которые лечили и прятали солдат в доме.

Однажды ночью появился на хуторе и Андрейка. Но только три дня пробыл на хуторе: отдохнул, собрал выпеченный свежий хлеб, снова оставив свою любимую, вернулся в партизанский отряд.

Пройдя пол Европы победным маршем, фашисты не ожидали встретить на украинской земле такого ожесточённого сопротивления. Партизаны орудовали в тылу не только отважно, но и достаточно нагло: отбивали фураж, подрывали машины и железнодорожные пути, а потом, как на «летучем голландце» исчезали в лесах, прячась в маленьких хуторках.

Никакого житья немцам от них не было.

Оккупационные власти, озадаченные таким раскладом, решили привлечь на свою сторону местное население, пообещав хорошее вознаграждение тем, кто будет им служить. Их выручили бандеровцы. Жили эти люди рядом, знали и хуторки, и неплохо лес, знали, кто и где прячет раненых солдат. Им опять очень хотелось стать панам! И пошли бандеровцы в полицаи, в старосты, в карательные отряды: своих соседей, знакомых украинцев убивать.

Вскоре каратели разбили и партизанский отряд Андрейки. В ожесточённой схватке мало кому удалось тогда выжить. Раненый в плечо, чудом он смог спрятаться и убежать.

Тёмной зимней ночью слышали Франка и Марийка какой-то шорох за стеной хаты. Марийка, сестра Франки, бросилась к окну и в страхе отпрянула. За окном появилось страшное, заросшее, исхудалое лицо. Человек в лохмотьях стоял во дворе, покачиваясь. Потом осел, завалился как-то на бок, потеряв сознание.

Сёстры выскочили наружу, наклонились над умирающим, который вдруг застонав, произнёс: «Франка, это я!» Женщины внесли Андрейку в хату, занавесили окно и стали снимать с него грязную, порванную одежду. Мужчина стонал, а Франка тихо плакала навзрыд.

Снятое с раненного тряпье сожгли в печке. Потом отмыли и побрили Андрейку, стали решать, что же делать дальше? Франка горько плакала и всё время твердила, что никуда больше не отпустит мужа. Так и порешили: будь что будет. На хуторе немцев не было, полицаев тоже, может, пронесёт. Так и остался Андрейка дома. Любящее сердце каждый день прибавляло силы душе и телу. Рана зажила, благо Марийка загодя наготовила трав. Франка усердно лечила мужа отварами этих трав. Андрейка обрёл вид здорового мужчины. Молодые не могли налюбоваться друг другом. Вскоре родился Митенька. Шла война, но семья, хоть и тяжело, но жила и радовалась сынишке.

На беду, прознал староста про то, что Андрейка вернулся и живёт в семье. Жаден был пан староста. Придёт, получит выкуп, на работу Андрейку занарядит, да подальше от села, чтобы полицаи не увидели. Андрей старался, работал на старосту, как на пана настоящего. Так и жили. Да беда пришла неожиданно-негаданно.

Зерно на мельницу для пана-старосты вёз Андрейка. Тяжело был воз нагружен, ехали через мост, а тут колесо возьми и отвалилось. Вот и подставил он своё плечо вместо колеса, да держал воз, пока староста его чинил.

Защемило у Андрейки грыжу, нажитую ещё раньше на тяжёлой работе. Операция нужна была срочная, да где там.

А если бы узнали, что это бывший партизан, убили бы тут же бандеровцы. Они никого не щадили: ни здоровых, ни больных, ни старых, ни малых.

Вернулся Андрейка к своей Франке чуть живой и слёг. Потихоньку угасала жизнь в ясных прежде Андрейкиных глазах. Маленький Митенька, тербя отца, лопотал: «Тату, тату, дём»! Плакала бедная Франочка, а помочь ничем не могла. Андрейка умер, осталась она молоденькой вдовой, а сынишка — сиротой.

Схоронили беднягу на сельском кладбище, а потом и крест из камня тёсанный, собрав последние деньги, на могилку поставили. Война закончилась, но долго ещё вылавливали бандеровцев по лесам Украины.

Вырос Митенька, так и не узнав сильных отцовских рук, не зная мужской защиты. Приехал как-то он с молодой женой к матери. Пошли на кладбище, отца проведать.

Подошли к холмику, на котором стоял обломок креста. Тётка Марийка поведала молодым правду. А правда такова.

Когда пришла Красная Армия, и стала пособников нацистов повсюду вылавливать, бандеровцы подались в леса, но по старой привычке делали на хутора набеги, убивая мужчин, женщин, детей. Перед очередным набегом Франку предупредили, семья успела спрятаться. Злости предателей не было предела: никого не нашли, так они расстреляли крест на могиле Андрейки.

Так и остался стоять среди барвинка только каменный обломок, как символ бандеровского бандитизма и ненависти к людям.

Неволя

Не может птичка петь в неволе,
В неволе голос пропадает.
Цветок роскошен только в поле.
Сорвешь — он тут же увядает.

Славянка жить не сможет в рабстве —
Её душа подобна птице.
Пусть даже в сытости, богатстве,
Душа страдает и томится,

И что есть сил на волю рвётся.
Не держит клетка золотая:
Воды напиться из колодца
Во сне в родимый край летает.

Почти четверть века прошло со дня победы в Великой Отечественной войне. Шёл 1969 год, но ещё живы и молоды были свидетели тех тяжёлых дней и ночей, которые держали в напряжении и страхе миллионы людей.

Был тёплый летний день, когда мы с тётушкой Марийкой шли по обочине сельской дороги далёкого украинского села в тени могучих грецких орехов, отягощённых обильным урожаем слив; под сенью раскидистых вишен и черешен, словно обрызганных небрежным художником алой и бордовой краской по зелени. Радостно любоваться таким великолепием природы.

Навстречу нам понуро брёл какой-то пожилой мужчина в надвинутой глубоко, почти до самых глаз, кепке. Мужчина, несмотря на жару, шёл по самой середине дороги, наклонив голову, словно сомнамбула, не глядя по сторонам.

Поражало то, что кто бы ни проходил мимо, или шёл навстречу, останавливался, плевал вслед и провожал мужчину озлобленным взглядом.

Тётка Марийка сделала то же самое, когда этот человек поравнялся с нами, а затем прошёл дальше по дороге мимо. Поразил яростный возглас добрейшей, улыбчивой тётушки: «А щоб ты згинув*, злыдня!»! Увидев мой вопросительный взгляд, она добавила: «Це ж — нэ людына**», це — бывший староста».

Марийка — голубоглазая красивая молодлица, всё делала, напевая мелодичные красивые песни. Голос её, словно, весенний ручеёк, переливался и звенел то тут, то там. Где бы ни ступала маленькая ножка Марийки, везде слышалась звонкая песня.

Война ворвалась в жизнь внезапно, наполняя даже воздух страхом смерти. Но страшнее смерти была мысль о «неметчине».

Немцы, завоевав земли западной Украины, прошли с боями дальше, оставив «для наведения порядка» в Виннице гаулейтера*** Эрика Коха, назначенного самим Гитлером.

Оккупационные власти сразу же привлекли к установлению «нового порядка» украинских националистов, объединённых в 1942 году в УПА (украинскую повстанческую армию).

Вот и в этом селе немцами был назначен староста и подобраны верные псы — полицаи из числа националистов. Староста жил в селе богато, верно служил оккупантам, но на хутора наведываться не любил, разве что в сопровождении двух полицаев — побаивался партизан.

Более верного пса, чем староста трудно было найти: вёл себя, как вельможный пан, никто не имел права даже слова сказать против него.

згинув* — пропал

нэ людына** — не человек

гаулейтер*** — (гауляйтер) — должностное лицо в нацистской Германии, осуществлявшее всю полноту власти на вверенной ему административно-территориальной единице, гау). Назначался непосредственно самим фюрером.

Вот он-то и обязан был поставлять в Германию молодые силы для работы. Уже много девушек и молодых парней из села были отправлены в Германию. Очередь дошла и до хуторов.

Как-то староста явился к Марийке в хату, объявив ей о необходимости отправления на работу в «неметчину». Молодица побледнела, услышав такую новость.

Страх противной холодной змеей пробежал по спине. Горькие слёзы полились из глаз. Родители стали уговаривать старосту не трогать Марийку, которая сказалась больной.

В качестве отступных унёс в мешке староста поросёнка. На некоторое время семья успокоилась, думая, что откупились от жадного старосты. Но не тут-то было. Поводился наведываться староста, «как кувшин к реке по воду», регулярно посещать семью, унося с собой чужое добро платой Марийкиной жизни на родине.

Молодая женщина трудилась, не покладая рук, пытаясь хоть что-то собрать на выкуп своей жизни, но становилось всё труднее и труднее зарабатывать: шла война — жестокая и беспощадная. Богатые хуторяне нанимали теперь батрачку только за еду.

Молодица похудела и побледнела. Потухли искорки в глазах, в них поселился страх. Марийка перестала ночевать в хате, боясь, что внезапно нагрянут полицаи и силой уведут её в село, а там угонят на станцию, посадят в «телячий» вагон, и «прощайте, родные места».

Всё чаще красавица на ночь зарывалась в сено, или пряталась в скирде, стоящей на подворье.

Стройные ножки до крови были исцарапаны колючей соломой. Животный ужас не покидал её ни днём, ни ночью.

Однажды староста вновь явился за очередной данью. Но семья вконец обнищала, платить было нечем. На сей раз, староста приехал в бричке, в которую была запряжена лошадка из соседнего хуторка. Видно отняли кобылёнку у хозяина за что-то.

Был староста под хмельком и без полицейского сопровождения. Марийка вышла навстречу из-за скирды, держа в руках огромный нож, которым только что резала овощи.

— Видишь, — спросила молодичка, — нож, видишь? Мне всё равно не жить. Но и ты жить не будешь. Убью тебя сначала, а потом и себя, чтобы псы твои — полицаи надо мной не издевались. Готовься, гад, к смерти.

Марийка побледнела, вся душа её трепетала, на миловидном, исхудавшем лице каким-то неистовым огнём горели глаза. А в её «металлическом» голосе проявились отчаяние, ненависть, и решимость. Чего больше, определить было трудно.

Не понять, что сильнее напугало старосту, но он вдруг отпрянул в сторону, перекрестился, чертыхнувшись, замахал на женщину руками:

— Ты що, сказалась?*

Староста, оглядываясь и чертыхаясь, быстро пошёл, почти побежал по тропинке прочь от скирды, сел в бричку, хлестнул кобылку и покатыл по направлению к селу.

Больше на хуторе старосту не видели. Может и не женщину вовсе испугался грозный начальник, а почувствовал, что скоро «новой власти» придёт конец. Красная армия наступала на всех фронтах. В воздухе пахло не только весной, но и гибелью захватчиков, топтавших многострадальную землю.

Староста, хитрец и пройдоха вовремя сбежал из села. Некоторое время скрывался в лесу, а потом с чужими документами под видом партизана прибил к наступавшим красноармейцам и пошёл дальше, уже как солдат.

Только в конце войны разоблачили пособника фашистов, судили, но не расстреляли, потому что к тому времени он воевал и был ранен.

сказилась — сошла с ума*

Не расстреляли, но осудили на 20 лет, которые он провёл в сибирских лагерях от звонка до звонка.

Отсидел и вернулся в родное село в надежде, что люди забудут за столько-то лет про его «геройство» на службе у немцев.

Только люди не забыли ничего. Да и как можно забыть сыновей и дочерей, сгинувших в фашистской неволе.

Из «неметчины» после войны в родное село никто не вернулся, не было о них никаких известий.

Рассказывая эту историю, тётушка не раз и не два вытирала всё ещё красивые глаза краешком платка. Людское зло долго хранится в закоулках памяти, а некоторые эпизоды из жизни люди и хотели бы забыть, да не забываются.

Страшная правда

Во время военных действий на Доманском острове привезли молодого парня в цинковом гробу. Хоронили его всем селом. Казалось, никого дома не осталось, все пошли проводить солдата в последний путь и поддержать мать в неутешном горе.

Народ обступил свежую могилку, но в глаза бросалась одинокая фигурка скорбящей женщины в чёрном одеянии. Худенькая, седая, с опущенными плечами, повисшими вдоль туловища руками и потухшим, невидящим взглядом, стояла она в сторонке, смотрела куда-то вдаль, шевеля беззвучно губами, словно разговаривая с кем-то, или читая свою, одной ей известную, молитву.

Как только толпа удалилась в сторону села, женщина подошла к свежей могилке, встала перед ней на колени и заплакала в голос, запричитала. Слов нельзя было разобрать. Никто к ней не подошёл, чтобы успокоить. Выплакавшись, женщина поднялась с колен и понуро побрела в сторону села, продолжая шевелить губами беззвучно молитву.

— Какая странная старушка.

— Да не старушка она вовсе, ей ещё и пятидесяти нет, — произнесла тётушка Мария, — Это горе её старухой сделало. Горе и смертный грех. Не в себе она.

— А что случилось? — поинтересовалась я у тётушки.

Она поведала мне горькую историю. Страшнее той правды, случившейся в войну, я ещё никогда до этого не слышала.

«Она в войну совсем молоденькой осталась с пятью деточками: мал — мала — меньше, начала рассказ тётушка Мария. Самому старшему было семь или восемь лет, младшему и года ещё не было. Немцы и свои полицаи, да староста выгребли всё съестное. Так случилось, что все спрятанные припасы к зиме съели. Женщина по миру ходила. Сначала подавали добрые люди, а потом и им нечего было подать бедняжке.

Ослабела. Детишки начали болеть. Всё время плакали и хлебушка просили, а потом слегли все — не было сил ходить. Смотрели на мать пять пар голодных глаз, сводили с ума. Самый маленький умер первым. Обезумев, она стала варить его щуплое тельце и кормить голодных ребятишек. Растягивала это варево насколько могла.

А как только первая травка появилась, щипала её, варила и малышей кормила. Детишки выжили, уже выросли. Ребятки друг дружке помогали всё время.

Сердце плачет и душа искалечена.

Молит смерти для себя эта женщина.

Всё звучит её мольба покаянная...

Вот что сделала война окаянная!

Боль души

И вновь на многострадальной украинской земле не спокойно. Многие россияне, связанные многовековыми кровными узами с украинцами, взволнованы возрождением в соседнем государстве неонацизма и фашизма.

Украина! Что стало с тобою?

Мой отец воевал с фашистом,
Чтоб жилось нам под небом чистым,
Чтоб жилось мне в тепле и неге
И стихи сочинять о снеге,

О разливах, пшеничном поле,
Чтобы внуки росли на воле:
Не в подвалах, не в казематах,
Не рыдали в больничных палатах.

Только вновь народились нацисты,
И жнивья нет с зерном золотистым.
Содрогнулась земля от боли,
От пролитой фашистами крови,

От убитых детишек и женщин...
И войной весь Донбасс изувечен.
Покрывается поле золою.
Украина! Что стало с тобою?

Отцовская мольба

Участникам локальных конфликтов
Изранен мой сынок, лежит в бреду.
Без помощи не может приподняться.
Не брошу я его, не подведу...
Ты помоги мне, Боже, не сдаваться.

Хочу, чтоб снова был здоровым он,
Чтоб больше жизнь его не омрачала,
И горе растворилось, словно сон.
Пусть всё начнёт с нуля опять, с начала.

Вновь испытает нежность и любовь,
Шутить и улыбаться снова станет.
Молю Тебя, о Боже, вновь и вновь:
Будь милостив, беда пусть в Лету канет.

Всё выдержу я, всё переживу,
С утра готов в любой хомут впрягаться.
О, Господи, дай только моему
Сыночку снова на ноги подняться.

Семейный «интернационал»

Наполовину русский
Сыночек у меня.
Есть хутор украинский
Там вся живёт родня.

Был муж мой украинец,
Два языка. И вот —
Отведайте гостинец —
В стране такой разброд.

Мать из-под Тулы родом,
Прапрадед был казак...
Какие-то уроды
Устроили «бардак».

Такая же «петрушка»
И у снохи моей:
Полрусской, полхохлушки
Намешено и в ней.

Люблю напевы русские,
Но в праздник за столом
Мы песни украинские
С сестрёнкою поём.

Вот подвожу итоги:
Хохлушки мне — родня,
А лучшие подруги —
Татарки у меня!

Хотела быть единой
Всегда Святая Русь!
Я от снохи и сына
Живя, не отрекусь!

Киевские поскакушки

«Хто не скачэ, той — маскаль!»

«Маскаляку на гиляку»

(Лозунги современных бандеровцев, укронацистов)

Скачут на лужайке
Серенькие зайки.
Белка, словно мячик,
По деревьям скачет.

Скачут Гали, Пети,
Потому что дети.
С ними, словно детский мяч,
Украина мчится вскачь.

Рядом с бабкой скачет дед,
И соседка, и сосед.
Скачут вдоль дороги,
Посбивали ноги.

От натуги плачут,
Со слезами скачут.
Даже дьяк пошёл скакать,
Москалём боится стать!

Почему все скачут?
Что всё это значит?
Землю не пахали —
Всю весну скакали.

И не сеяли хлеба,
С «москалями шла борьба»!
Что в стране? Голодомор?
Украина, стыд! Позор!

Украинской хуцпе*

Мы — ватники, кацапы, москали**,
Порой бываем грубы, может, слишком,
От Бога сердобольность обрели,
Донецким помогаем ребятишкам.

Бежит из Украины молодёжь.
В России двери для друзей открыты.
Насилье не в чести у нас, грабёж...
И мы — не оккупанты, не бандиты!

И вся многострадальная страна
За Русь и Украину воевала,
Сегодня за хуцпу на ней вина,
Ей Нюрнберга как будто было мало.

*хуцпа** — (евр.) вопиющая свержнаглость, бессовестность, бесцеремонность; особо циничная и подлая, наглая ложь.

*ватники*** — прозвище, абсолютно непрактичный человек. Он не даёт деньги под проценты, может отдать другу последнее.

*кацапы*** — пренебрежительное прозвище русского человека. (прост. бородатый мужик)

*москали*** — россияне. Ранее — прозвище, употребляемое к русским представителям московского государства, а также к солдатам

Возмездию быть!

У бандерлогов* нет законов,
В душе — ни капельки добра:
Тельцу златому бьют поклоны...
Мы «проморгали» их вчера.

Сегодня разрушают хаты,
Сжигают заживо людей,
Забыв, что было в сорок пятом:
Восторженный гул площадей —

Суд над предателями мира
Раскрыл их чёрные дела...
Предателей и их кумира
К расплате злоба привела.

Грузин, казах, мордвин и русский
В одном строю, в святом бою
Всем доказали, что не пустят
Врагов на Родину свою!

И спят спокойно россияне.
Всем снятся радужные сны!
Тунгус, еврей, чеченец с нами,
Все — против всяческой войны!

бандерлоги — легко поддающиеся влиянию и зомбированию люди; украинские националисты (по созвучию с именем лидера — Степана Бандеры)*

Украинскому солдату

Солдат из Украины, мать послушай!
Зачем ты губишь ангельские души?
Ну чем тебя обидели детишки,
На русском говорящие мальчишки?

Остановись, одумайся, пока
Ещё ты в небе видишь облака.
Пока любить ты можешь и мечтать,
Не заставляй друзей в тебя стрелять.

Учились вместе и всегда дружили...
Враги меж вами мину заложили.
От взрывов дружба в клочья разлетелась.
Одной лишь хунте этого хотелось.

В рыданиях над тобой не бьётся мать...
Очнись, не заставляй её рыдать!
Ты стал врагом, но разве невдомёк,
Что за чужой воюешь кошелёк?

Добровольцу ополчения

Смотреть не мог: Донбасс бомбят фашисты,
И убивают женщин, и детей!
Когда и тишь, и солнце в небе чистом,
Покой и мир на Родине твоей.

Ты усидеть не мог, не удержался,
Не испугался, что убьют тебя,
И на войну за два часа собрался...
За плечи обнял женщину, любя,

Сказал: «Прости, терпенья не осталось!
Там, на Донбассе, льётся кровь детей!
Шахтёры бьются, чтобы не мечталось
Скотом в концлагеря сгонять людей

Бандеровцам, нацистам всякой масти,
Преступникам продажным, дикарям.
Над совестью моей никто не властен!
Свободу защищать я буду там!»

Войны кровавые следы
С землёю и золой смешались,
Но, чьи-то погубив мечты,
Навек кровавыми остались.

Фашисты ожили опять:
Дома бомбят, в людей стреляют,
Готовы всё с землёй сравнять,
Свой след кровавый оставляют.

Пусть в России не рвутся снаряды,
И давно отгремела война,
За неё погибали солдаты,
Светлой памятью их имена.

Вместо взрывов лишь грома раскаты,
И далёкая песня слышна.
Завоёванная в сорок пятом,
Пусть над миром стоит тишина.

Анохин Владимир

О родных, принявших участие в войне против фашистов, Владимиру почти ничего не известно. Знает, что его дедушка Чайка Фёдор Евсеевич воевал на фронтах Великой Отечественной войны. За всё время прислал домой только два письма. В память внука врезались слова одного из писем: «Будем бить фашистских гадов до конца...!»

Встретиться с дедом внуку было не суждено. Он погиб в одном из тяжёлых боёв за Родину.

Перед третьей атакой

Памяти солдата-пехотинца

Вечер наступает. Залегла пехота.
Миномёты долбят, небо в трассерах.
Подо мной застыло мёртвое болото,
Надо мною Вечность звёздная в огнях.

Небо жутким воем падает на нервы.
Я вгрызаюсь в землю мёрзлую во мгле.
Будь навеки проклят, год тот, сорок первый
И холодный вечер в стылом декабре.

Темень. Не подняться. Окопалась рота.
Снег летит и тает на лице моём.
В ста шагах чернеет амбразура дота,
Он стучит, сверкая режущим огнём.

Командир за сутки поменялся дважды,
Дважды поднимались смерти вопреки,
Но в атаку трижды ходят лишь однажды.
С «молодых» за сутки выйдут «старики».

Уходили девчонки

Уходили девчонки, уезжали родные,
Положив свою жизнь на победы алтарь,
Километры дорог — вам пройти фронтовые,
Застучали колёса, унося грусть — печаль.

Сапоги и шинель, гимнастерок наряды...
Не дождались вы свадеб, свиданий, любви,
Сколько жизней спасли медсанбатов отряды,
Медсестричкам родным, вам, поклон до земли.

Не смыкали вы глаз в полевых лазаретах,
И собой вдохновляли на подвиг бойцов,
Где исток ваших сил — нет другого ответа:
От родимой земли — матерей и отцов.

Вынося с поля боя, всех раненых наших,
Не жалели себя — вы со смертью на ты,
Не забудем любимых, девчонок отважных,
Унеслась ваша юность — остались мечты.

Возвратиться не всем — дорогим, и желанным,
Не получится вам говорить о любви,
Будем песни слагать — посвящать долгожданным,
За Россию отдали, вы жизни свои.

Безымянно-рядовой

Надо мной трава и ветер,
Я давно в земле чужой,
Бой короткий, на рассвете,
Завершил мой путь земной.

Помню вспышку в щели дота,
Запах скошенной травы.
Вот и все..., ушла пехота,
Я остался... до поры.

Я не дома, не в России,
Мне язык их не знаком,
Но однажды говорили,
Вроде, нашим языком.

Солнце светит надо мною,
Но его не вижу я.
Голубою вышиною,
Проплывают облака.

Весь истлел, и не осталось
Уж мундира моего.
Жизнь, она лишь начиналась,
Как короткое кино.

Ярославцева Татьяна

Детство прошло на Дальнем Востоке. Отец, Карандашов Степан, воевал с фашистской Японией. Был ранен. Вернулся домой. Умер после войны в пятидесятые годы. Награждён медалями.

Её дядя Ковбей Анатолий ушёл на фронт 17-ти летним добровольцем. Воевал в составе Балтийского флота. Войну закончил в Польше. Имеет боевые награды

Родина

Ни теплей, ни дороже нет слова,
Чем отчизна и Родина-мать!
Я готова всё снова и снова
Песни нежные всем напевать:

О просторах бескрайних и реках,
О глубинах российской души,
Что стремится открыть человеку
Величайшей природы дары.

Подарить вислокудрые ивы,
Да игривый весенний ручей,
Да луга, необъятные нивы
С яркой зеленью хлебных полей...

И за то, что все эти богатства,
Безвозмездно подарены мне,
Я у Спаса прошу постоянства,
Процветанья любимой стране!

Отец

В лётной форме с военного фото
Ты с улыбкой глядишь на меня.
И выносит мне память так просто
Эпизоды ушедшего дня.

У тебя будто снова в объятьях,
Ощущаю тепло сильных рук,
И сердечко ликует от счастья;
Никаких нет страданий и мук...

Над тобою летаю, как птица,
Возвращаюсь на крепкую грудь,
Это счастье так часто мне снится,
И в глазах неизменная грусть.

Время памяти бремя стирает,
Но сердечко твой образ хранит.
Мне отцовской любви не хватает,
И душа, вспоминая, болит.

Потеря

Врачам фронтовикам посвящается
Больничный корпус. Тишина.
И раненые спят в палатах,
А за окном бурлит весна,
Манит пьянящим ароматом.

Все двери настежь. Так тепло!
Гуляет ветер в коридоре.
И нам с дежурством повезло.
Мы в хирургии на дозоре.

Чужая боль рвёт тишину,
Счёт на секунды и минуты.
Бежим, лелея мысль одну,
Что мы должны помочь кому-то.

Окно. Кровать. Солдат больной,
Красивый, сильный, молодой.
Его страдания, мутный взгляд,
О близкой смерти говорят.

Он в схватке с нею, как в бою.
Неравный бой. Он — на краю.
Настрой наш тоже боевой:
Меняем шприц, укол..., другой...

Полны желания помочь,
Но в этот раз нам всё невмочь.
Взгляд тухнет. Падает рука.
Сияет солнце свысока.

Со смертью как смириться нам?
Рвёт случай сердце пополам.
Где «верхний» край, где «нижний» край?
Решить за миг ты успевай.

Не Боги мы. Молчим, стоим.
Виновны будто перед ним.
Страдаем вместе до утра.
Беззвучно плачет медсестра.

Быков Олег

Великую Отечественную войну Олег Быков встретил шестилетним ребёнком. Несмотря на малый возраст, осознавал, что в стране началось что-то страшное. Видел возвращение калек с фронта, был свидетелем времени, когда в дома врывались похоронки, ломая обычный семейный уклад болью и страхом потерь и утрат родных,

Лихолетье надолго осело в памяти пацана.

Став взрослым, занявшись хобби-поэзией, Олег писал в своих стихах о горе людей, народа, страны в военные годы.

Сегодня день большой печали.
Погибших помним мы, страна,
Кто не дожил. В живых остались,
И честь им тоже отдана.

А с каждым днём бойцов всё меньше.
Разлуку возраст создаёт.
Вы, молодёжь, вы внуки тех же,
Тех, кто ковал страны оплот.

А мы, ребята той войны,
Теперь на пенсии, конечно,
И тех, кто пал за честь страны,
Мы с вами помнить будем вечно!

Глебова Светлана

Дедушка по отцу воевал под Ленинградом и на Курской дуге. Домой вернулся с наградами. Он рассказывал, нехотя, родным о трагических событиях на фронте.

Дедушка по материнской линии, Павел Васильевич, уйдя парнишкой на фронт, поныне числится в списках «Без вести пропавший».

Я знаю твёрдо истину одну —
Любовь способна победить войну.
Пройти сквозь пули, мины и штыки
Дорогами, что не были легки.

Мир отстоять и победить врага,
Чья жизнь для мира тоже дорога.
Ведь он, солдат, приказы исполнял
Безумцев, кто их сверху отдавал.

А наш солдат на улицах Берлина
Кормил детей и матерей невинных.
Защитникам всем угнетённым стал,
Не зря ему воздвигнут пьедестал.

Священны жизнь и Родина, и честь,
Но нужно эту истину учсть:
Война ужасна, это смерть и кровь,
И победит её одна любовь!

Кинева Галина

Отец — орденносец, ветеран Отечественной войны, пришёл с фронта живым, но искалеченным. Во время ожесточённых боёв, раненый попал в плен, два раза бежал, немцы ловили, избивали, но дух не сломили. Когда Красная Армия освободила из концлагеря, снова героически воевал с фашистами, а мама — ветеран тыла, ждала отца, трудилась для фронта, для Победы, да детей поднимала.

Баллада об аллее

«Бессмертный полк»

Гляжу на стенд участников войны,
Придя на майский праздник Дня Победы,
И чувства неискупленной вины —
Во мне за гибель и отцов, и дедов.

А в горле от волнения ком застрял.
Ушёл отец-боец давно за жизни,
Ни разу младших внуков не видал,
Но долг достойно отдал он Отчизне.

В боях под шквальным огненным дождём
Хранит отца архивная страница.
Медалью «За отвагу» награждён,
Бесстрашно бил на фронте папа фрицев.

Упал на орден «Красная звезда»,
Шагая по странице, лучик солнца,
И всплыли снова страшные года
В открытые у памяти оконца.

Вот фото, как снаряды подносил
Отец, когда кварталы штурмовали,
Он лично девять фрицев уложил,
Другие с криком в панике бежали.

В боях не трусил папа и не ныл,
И презирая смерть, являл отвагу,
Бойцом Отчизны мужественным был.
Слеза моя катится на бумагу.

Нет давности у сроков той войны.
Родные ждут всех без вести пропавших,
И будут ждать до самой седины
Дедов, ни разу внуков не выдавших.

Разбередила душу я свою,
И сердце на куски от боли рвётся,
У стенда ослабевшая стою,
В аллее, что «Бессмертный полк» зовётся.

Михайлова Нина

Папа Нины Борисовны, Калинин Борис и его три брата в войну погибли на фронтах Великой Отечественной войны. Об ужасах и трагедиях военного времени извещали, приходившие в дома, похоронки.

Мама, труженица военного тыла, воспитывала детей одна. Вся жизнь после у мамы и детей проходила под общим для всех россиян лозунгом: «Только б не было войны!»

Словно время назад отступило внезапно,
Чтоб напомнить живым, каково на войне,
Что фашизм, к сожалению, жив, как ни странно,
И хозяйничать хочет опять на земле.

И взрывы, и стоны, и смерть, и разруха,
И пытки. и голод, беспомощность, страх...
У кого-то не стало родителей, внука,
Дома иль школы... Ужасом воздух пропах.

Это в дом к нам врывается с телеэкранов.
Поражают безумство, жестокость и ложь,
Беспощадность, коварство и варварство нравов...
Неужели затем, человек, ты живёшь?!

Запугать, отобрать, оболгать, отвернуться,
Не услышать, разрушить, убить, не помочь...
Верно, надо к священным истокам вернуться —
Снова станет тиха украинская ночь.

На Мамаевом кургане

Всё это было. Было, в самом деле.
Война настигла! Нам никуда не деться.
Со страхом и бессилием глядели
На всё и старцы, и на руках младенцы...

Зной беспощадно мучил всё живое.
К воде на Волгу было не пробиться.
Искали все убежище простое —
Никак. Никто не мог нигде укрыться.

Земля гудела, скрежеща от страха,
Немели люди, в ад попав живыми,
И пот, и кровь на выцветших рубахах
Не замечали взорами пустыми.

Бывалым воинам — и то порой невмочь,
По краю смерти рядом все ходили:
«Прогнать, прогнать фашистов с Волги прочь!»
Но было так, что сил не находили.

Эшелон за эшелонам вёз солдат
И молодых, и старых: каждый — в дело.
Здесь чей-то муж и сын, и чей-то брат,
Здесь воинство стремительно редело.

Вокзал, курган, где тракторный завод,
Притягивали оккупантов подлых.
Не перечесть потерь, утрат, невзгод,
Людей незащищённых и голодных.

Нам не представить прошлых бедствий всех.
(Такое просто не под силу людям),
Нам Богом в долг дан каждый наш успех,
Давайте забывать о том не будем.

Какой-то добрый, умный человек
Часовню на кургане взял построил,
Чтоб успокоились здесь павшие навек,
Ведь каждый воин — памяти достоин!

Мамин балкон

Мне не избежать его глазами,
Тот балкон на пятом этаже.
Сердце обливается слезами,
А лицо — спокойное уже.

Много лет назад сюда летели,
Чтоб услышать: «Кто пришёл, а-ба!»
Посидеть у маминой постели...
В общем-то, обычная судьба.

Только не меняется с годами
Та привычка — на балкон взглянуть,
Будто бы ещё платочек мамин
Мы увидим там когда-нибудь.

Кутергина Людмила

Людмиле, родившейся в семидесятые годы прошлого столетия, известно о войне в основном из школьных учебников и литературы. Об участии родственников в военных действиях ничего не знает. Ей об этом дома не рассказывали. Однако, тема войны не является совсем чуждой.

Она ярко высвечивается в некоторых её стихах.

Берегите мир

«Ещё вчера огнём горела роща»
(Суровцева Л. А.)

Ещё вчера огнём горела роща,
От артобстрела плавилась земля.
В таком аду солдаты побывали,
Что, умирая, позабыть нельзя!

В том грозном, сорок первом, все, кто выжил,
Границу защищали до конца.
С винтовками от танков отбивались
В одном строю: от старца до юнца.

Природа плачет и грустит, как прежде.
Вновь двадцать первое июня на дворе.
Я заклинаю, слышите, потомки!
Не нарушайте мира на земле!

Расторгуев Николай

В родословной Николая были и те, кто с миллионами соотечественников сражался на фронтах Великой Отечественной войны. Однако, рождённый в послевоенные шестидесятые годы, практически, не помнит рассказанных родными историй за их жизни военных лет. Но в семье и поныне свято чтят традиции, связанные с войной. В духе патриотизма много лет воспитывает тренер у своих спортсменов.

Русь жива

Сегодня отмечая День Победы,
Мы про Катюшу песенку споём,
Чтоб слышали и прадеды, и деды,
Что Русь жива, и мы с тобой живём.

Огонь священный озаряет лица,
На обелиске звёздочки горят.
Пусть никогда война не повторится,
Про мир спасённый люди говорят!

Здесь говорят о жизни и о лете,
Благодарят за подвиги отцов,
Ведь Родина одна у нас на свете,
Несут к «Огню» пусть тысячи цветов.

Мы каждый день надеемся, живём,
Любовь, науку жизни постигая,
И пусть поплачет маленьким дождём
Природа, всех героев вспоминая!

Танцует невеста-весна,
Забыв про морозы и беды,
И нашей душе не до сна
От вальса Великой Победы.

Надели листву тополя,
И радость от края до края.
Мы слёзы смахнём, не тая,
Героев войны вспоминая.

Становится небо родней,
И солнышко выше и выше,
И стая чужих голубей
К тебе прилетела на крышу.

Закружится в вальсе весна
С цветами, с листвой, со стихами.
И снова душе не до сна,
Ведь Родина милая с нами.

Земля протянула цветы,
Своей красотой удивила.
Спасибо, что Родина, ты
В Великой войне победила!

Спасибо, что всё же живёшь,
Становишься лучше и краше.
Роднее тебя не найдёшь!
Ты в сердце и в голосе нашем.

Надели листву тополя,
И радость от края до края.
Мы слёзы смахнём, не тая,
Героев войны вспоминая.

Салют Победы

Шагают дети, воины идут,
Герой войны с медалью за Победу,
Сегодня будет праздничный салют
За все страдания, горести и беды.

Сегодня крикнем громкое «УРА!»
Поднимем тост за славную Победу
За всё вам благодарна детвора,
Спасибо вам, и прадеды, и деды!

Взлетают птицей тысячи огней,
Звенят колокола по всей России
Горжусь Победой Родины своей,
Чтоб жили мы, поля чтоб колосились!

Горит салют и светятся глаза,
Герой войны склонился на колено.
Спадает наземь памяти слеза
Уже детей другого поколения.

Сенчило Маргарита

Одни воевали на фронтах, другие ковали победу в тылу. Всю войну отец почти не появлялся дома. Дни и ночи работал на железной дороге для фронта, приближая победу трудом; руководил погрузкой, комплектовал и отправлял эшелоны на фронт.

К победе

Рассказывала мать: «Перед войной
Заря на небе разлилась кроваво,
Никто не видел магии такой,
Как будто кровь, или отрава».

Четыре года шёл священный бой;
Народ-герой не допускал уступки,
Настойчиво долбил фашиста в ступке.
Страна была натянутой струной.

Так всю войну жила в тылу Сибирь:
Работа, голод, рваная одежда,
Заводы, мастерские и пустырь...
Но грела, грела впереди надежда.

Мы думали: едим по крошке хлеба,
И на снегу от рваных туфель след,
Но вдруг по радио объявят: «Чисто небо!»
И впредь уже не будет страшных бед.

Левитан провозгласил: «ПОБЕДА!»
Лишь пять минут, как был окончен бой.
Все поняли — фашизма песня спета!
Народ скорей на улицы гурьбой.

В том сорок пятом майский небосвод
Гремел салютом — славилась победа.
Теперь мне душу бережит восход:
Где молоко, и кровь смешало небо.

Когда б смогли подняться из могил
Убитые на той войне солдаты,
То рассказали бы, как их фашист гнобил,
Как гибли, не узнав победной даты.

Но, если бы увидели парад
На Красной площади в начале мая,
Уверена, что каждый был бы рад
Пройтись под марш, Победу прославляя.

Дым отечества

Как верно сказано у Блока:
«И вечный бой... Покоя нет —
То с запада, а то с востока
На Русь мою угроза бед.

Как землю жгла орда Батия,
Сминая колос сапогом,
И храмы, осквернив седые,
Опустошала всё кругом.

На мир пролив огонь и беды,
И, растоптав полей посев,
Враги, обрушившие гнев,
Полягут от мечей Победы.

И в наше время ты, Россия,
За наши жизни — ты оплот.
Нам «дым Отечества», как мёд.
Так защитим края родные!

Планета Крым

В мои глаза перетекали звёзды,
Душа да сохранит их ясный свет;
Ведь счастья большего на свете нет,
Чем на планете той, куда завёз ты.

Чудесна, хороша планета эта —
Я с упоеньем узнавала Крым.
И радовалась, наслаждаясь им,
И сердце в счастье плавилось в то лето.

Ещё скажу — страна была прекрасна
И морем ласковым и пляжем золотым...
Но вне России Крыму быть опасно.
Теперь ты наш!

Ну, здравствуй,
добрый Крым!

Канцедалов Александр

Воевал отец, пришёл живой, повезло, но всегда болью в сердце отзывалось то, что родные и близкие когда-то говорили о войне и её разрушительной силе, о бедах и потерях. К теме войны и патриотизма относился серьёзно

О правде

Как будто холст, при частом полоскании,
Ветшает правда в трудные года,
Она, как очищение в покаянье,
Сегодня всем нужна, как никогда.

Как эдельвейс её в горах альпийских,
С молитвой божьей трудно отыскать.
Но больше нет Указов экстремистских,
Чтоб запрещали жить ей и дышать...

Человеку

Человек — звезда большой Вселенной.
Каждому — орбита, время, свет.
Всякому в свой час, в своё мгновенье
Надо прочертить по небу след.

Шар земной велик. Не всяк увидит
Свет звезды, мелькнувшей в вышине,
Но «хрипатый лебедь» души будит.
И грустит народ о Шукшине...

Обида

Беженцы — горькое слово.
Сразу пахнуло войной.
Этой «занозы» основа
Раною стала сквозной.

Все мы в Советском Союзе
Жили под небом одним.
И для казахов и русских
Был наш Союз неделим!

Может, земли не хватало?
Может, рабочих рук?
Вместе мы в поле пахали,
Русский казаху был друг.

Что же теперь приключилось
С нашей любимой страной.
Распря змеюкой таилась
В нашей отчизне большой.

Дух беспредела смердящий
Выманил эту змею,
И шовинизм настоящий
Кормит гадюку сию.

Русские — всем оккупанты?
Русские — стали чумой?
Русские — репатрианты?
Был Казахстан — дом родной.

Горестно мне и обидно.
Жил много лет в Акмоле.
Как вам, казахи не стыдно
В злобном вариться котле?

Честно скажите, на совесть:
Кто вас и где притеснял?
Так почему же сегодня
Я для вас беженцем стал?

Женщинам войны

О, женщина! Как должное воздать
За подвиг твой, святой и неподкупный?!
Любить, терпеть, прощать умеешь, ждать.
Не блещет этим люд мужской беспутный.

Когда идёт жестокая война,
Всех больше наши женщины страдают.
Смерть сыновей и близких — вот цена,
За то, что похоронки получают.

Сердечная! Душа твоя болит.
За всё, многострадальная, в ответе!
Любовью, добрым словом исцелит.
Нет милосердней «медсестры» на свете.

Морозова Наталья

Наталья родилась в конце шестидесятых годов прошлого века в семье немцев-переселенцев из Поволжья. Отец и её родственники не участвовали на фронтах Великой Отечественной войны, но тяготы военного времени испытали на себе сполна.

Тыл в военные годы был вторым главным фронтом, где люди не досыпая и недоедаая, приближали час Великой Победы народа. И бесконечно трудолюбивые и ответственные родные Натальи были в их числе.

Память потомков

Война закончилась вот уже семьдесят лет назад, но память — хитрая штука: одним не даёт покоя, другим отказывает. А казалось бы, по всей стране разбросаны памятники воинам и их могилы, как их можно забыть? Даже в Томске, далёком тыловом городе, есть большое кладбище героев, умерших от ран в госпиталях города. Что уж говорить о Европейской части нашей страны и зарубежных странах, где проходили боевые военные действия.

В Германии, на берегу Северного, как там называют его, моря есть памятник всем погибшим морякам и подводникам.

Мемориал очень велик по площади, туда входит высокая, тридцати восьми метровая башня со смотровой площадкой наверху и музеем на первом этаже. Площадка выложена плиткой, по кругу установлены корабельные пушки, мины, а в центре громадный гребной винт корабля.

Но впечатлило меня не это. Есть ещё часть мемориала под землёй. На входе надпись: «Обнажи голову свою, и храни молчание».

По длинному коридору, стены которого увешены венками, от моряков, посетивших мемориал, под звуки траурной музыки мы попадаем в круглый зал, в центре которого горит «вечный огонь», а по кругу выставлены флаги воевавших государств. Нашли мы и Российский флаг. Посетителей в тот день было мало.

На юге Германии, в Баварии, посещая могилы знакомых, видела ухоженные захоронения немецких солдат ещё времён первой мировой! Уже и потомков, наверное, не осталось, но эти захоронения теперь являются памятником далёкому прошлому.

Фашизм родился в Нюрнберге, поэтому там и судили главарей, и, как памятное место, в назидание потомкам, оставлен стадион, на котором впервые маршировали сподвижники Гитлера. Над ним возвышается трибуна, с которой выступал фюрер.

Мемориал оформлен стендами с фотографиями, надписи на которых сделаны на четырёх языках: немецком, русском французском и английском.

В Праге, в районе Вышеград, набрали мы на одинокую могилу советского офицера Белякова и услышали удивительную историю. Надпись гласит: «Освободителю Праги».

Оказывается, Беляков был ранен при освобождении Праги. Монашки ухаживали за ним, как могли. Но раны были настолько тяжёлыми, что монахини как ни старались, не смогли сохранить офицеру жизнь. И лежит он вот уже семьдесят лет, в чужой земле.

Нет в живых тех женщин, которые ухаживали за раненым, но могила не заброшена, не забыта. По-прежнему, монашки бережно ухаживают за ней.

Неизвестно, знают ли родные люди офицера Белякова, где закончилась для него война, остались ли в России его родственники? Жаль, российское посольство об этой могиле не заботится.

Низкий поклон тем, кто хранит в памяти боль от потерь той страшной, жестокой войны и передаёт эту память другим.

Наверное, только в России до сих пор работает программа поиска воинов и перезахоронений. Печально, что это растянулось на такой длительный срок. Но следует помнить и о том, что на территории нашей многострадальной Родины шли настолько кровопролитные бои, что некогда и некому было заниматься захоронениями. Вот потому и растянулись поиски на 70 лет. И теперь уже вместе хоронят и советских солдат-победителей и побеждённых, если нельзя установить, чьи останки лежат на сырой земле, зарастая травой.

У огромного количества погибших, найдены именные медалионы, которые были переданы на родину.

А вместе с павшими в боях, отряды поисковиков поднимают и уничтожают мины, снаряды, гранаты — то что до сих пор может угрожать жизни мирных людей, спустя семьдесят лет.

Жаль, что о ветеранах вспоминают, чаще всего, девятого мая. А помнить о тех, кто отстоял свободу Родины, надо всегда!

Вдовин Алексей

Алексей, кадровый офицер, появился на свет в мае, спустя ровно четверть века после окончания Великой Отечественной войны. Воспитанный на патриотических традициях в семье, избрал для себя военную профессию. У него, подполковника северской дивизии, выполнение долга перед Родиной стало смыслом жизни. Его родословную война тоже не обошла стороной.

На страже мира

Защитники — солдаты, офицеры —
России верный щит и острый глаз,
Вы мужества полны, полны вы веры,
В сражениях вы крепче, чем алмаз,

Служите, чтоб не плакали берёзы,
Не плакали от пуль и от огня,
Чтоб никогда не лили мамы слёзы,
Рыдая о погибших сыновьях.

Защитники солдаты офицеры,
Спасибо вам за мир и за покой,
Российской молодёжи быть примером,
Отечества наказ для вас такой.

В одних рядах солдаты, офицеры —
Бесстрашный и напористый народ!
Судьба вас держит вечно под прицелом,
А жизни ваши Русь побережёт.

Звезда

Мне в бескрайнем небе светит
Очень яркая звезда.
За мою судьбу в ответе —
Офицерская мечта.

Через тернии пройду я,
Сквозь невзгоды и года,
Упадет и не минует
На погоны та звезда.

Офицера гордым званьем,
Дорожил и дорожу,
И России по призванию
Беззаветно я служу.

Бойцам атом-охраны Северска

На страже покоя,
На страже объектов
Стрелки каждый день, каждый час,
Во время любое,
В закаты рассветы —
Стрелки выполняют приказ.

Стоят в караулах,
Идут ли дозором —
Ребята всегда на чеку!
Защитники дома,
Заслон от террора —
Истории пишут строку.

Зимарева Татьяна

Татьяна всегда чутко и с пониманием относилась и относится к людям старшего поколения. Особое уважение вызывают у неё те, кто сражался на фронтах Великой Отечественной войны и трудился до пота, без сна и отдыха в тылу. В её родословной немало участников страшных событий.

Не все вернулись с фронтов домой, а те, кому посчастливилось выжить, принесли на груди ордена и медали, полученные за проявленное мужество в годы войны. Ещё жива девяносто семи летняя двоюродная бабушка Аня, прошедшая с боями белорусские болота, Латвию и Эстонию.

Бессмертный полк

Май. Бойцы в «Полку бессмертном»
С фотографий вдаль глядят.
Приближали День Победный
Для детей и для внучат.

Вот они — отцы и деды,
Чьи-то братья и мужья —
Принесли стране ПОБЕДУ!
Это помнить буду я!

Буду помнить, как солдаты,
Несмотря на боль и страх,
В бой — с последнею гранатой:
«За отчизну!» — На устах.

Я горжусь своим народом
Тем, который в дни войны
Отвоевывал свободу
У фашистской зло-чумы.

Я горжусь своим народом,
Преклоняюсь перед ним!
Пусть проходит год за годом,
Память в сердце — сохраним.

Молоденькая девушка

Совсем ещё девчущечка
Мечтала о любви,
Чтоб друг ее Илюшечка
На ушко говорил,

Как любит и надеется,
Как хочет малышат...
Но вдруг она услышала:
«Война! На фронт, солдат».

Совсем ещё девчущечка
С войны его ждала,
Но друг ее — Илюшечка
Без весточки пропал.

Совсем ещё девчущечка
Вдруг сделалась седой.
С тех пор всё ждёт Илюшечку,
Надеясь, что живой...

Подземный гарнизон Аджимушкая

Под впечатлением от посещения музея в Крыму в 2014 году

Памяти полковника Ягунова П. В.,

подполковника Бурмина Г. М.,

комиссара Парахина И. П.

и свыше 10 тысяч солдат и офицеров,

а также населения поселка Аджимушкай,

державших оборону Керченского полуострова

с мая по октябрь 1942 года

Спустились мы в каменоломни

Нам оборону здесь держать

И под землей мы будем помнить:

«Россию надо отстоять!»

Пусть нет воды и хлеба мало...,

Хороним жён своих, детей,

Пусть взрывом ногу оторвало,

Но из души: «Фашистов бей!»

Травили нас угарным газом,

Взрывали бомбы, жгли огнем,

Но мы держались час за часом —

Мы воевали за свое:

Свои просторы голубые,

Свою родную землю-мать,

Мы — офицеры, рядовые

Готовы насмерть все стоять!

Полгода стойкой обороны,

Полгода жизни как в аду,

Пока не кончились патроны,

Воюет каждый, хоть в бреду...

Война-злодейка, Боже, Боже!
Мы стойко выдержим удар,
Россия-мать — всего дороже!
Запомни это млад и стар!

Защитникам Отечества

Идёт парад. Вновь юбилей.
Как в сорок пятом солнце светит.
Давно повергнут в прах злодей.
Войны герои — нынче — деды.

Поют как прежде ордена,
На солнце светятся медали,
Страшней войны — она — война!
Не понаслышке это знали.

Руси защитники идут,
Слезы непрошенной стыдятся.
Герои! Были, есть, уйдут...
Как далеки бывшие двадцать.

А память будет вечно жить,
Замост время боль и беды...
Не дай нам, Боже, позабыть
Цены достигнутой Победы!

Кононенко Нина

Нина — дитя послевоенного времени. Отец Нины Мироненко Александр Григорьевич воевал на фронтах Великой Отечественной войны, как миллионы других. Под Ленинградом в бою получил ранение и был демобилизован. Вернувшись домой, поправив здоровье, работал физруком в одном из ремесленных училищ города Омска.

Мама в войну работала сестрой-хозяйкой в санитарной части учреждения. Является труженицей военного тыла.

В День Победы народ к монументу идёт,
О войне нашу память гранит бережёт.
Здесь гвоздики, горя, у подножья лежат,
Здесь не плачут родные, и ветры молчат.
Здесь священный огонь, не сгорая, горит
И в молчанье святом память лишь говорит.
В карауле почётном солдаты стоят.

О погибших друзьях ветераны скорбят.
В их сердцах незажившею раною — боль,
Да на чистых рубашках волнения соль.
С той поры пронеслось много лет, много зим
Как разбили врага. Слава павшим, живым!
Обелиски стоят, как потомкам завет:
— Миру — мир на земле! А войне скажем — нет!

Кулямина Лариса

Отец Ларисы Кондрашов Борис Александрович участвовал в кровопролитных боях под Москвой и на Курской дуге. Окончив Ленинградское военное училище, служил в полковой разведке. За отвагу был награждён Орденами «Красной звезды» и «Отечественной войны».

Россия

Россия! Русь, страна моя родная!
Повсюду слышен звон колоколов,
Ты плачешь, матушка моя больная,
Что не смогла сберечь своих сынов.

Сыны твои рождались в бедных хатах
И в поле средь пшеницы золотой,
А ты, Россия, в тоненьких заплатах
Растила тех, кто защищал покой.

Громил Батый, французы наступали,
Потом фашизм хотел жизнь задушить.
Сыны Отечества оружие сжимали,
Чтоб в схватках Русь Святую защитить.

Ты, обращая к Богу свои взоры,
Просила мира детям, старикам,
И сохранить бескрайние просторы,
Ни пяди не отдать земли врагам...

И были слёзы и твои стенанья
За все ошибки, пролитую кровь,
Пусть никогда ни беды, ни страданья
Потомков не коснутся в жизни вновь.

В кругу друзей

Круглый тульский самовар,
Пирожки, варенье...
На столе и русский взвар —
Чудо-угощенье!

Посидим с друзьями вновь,
Вспомним про былое:
«Сорок первый. Страх и кровь...
Бой! Снаряды воют!»

Не вернулся дед. Пропал.
Сын теперь — калека.
Он Берлин когда-то брал...
Трудно человеку.

«Как живём?» — спрошу я вас.
— Май победный скоро».
Но не радует всё нас.
Нет в стране опоры.

Выпьем, стоя, за страну,
За любовь, за счастье!
Чтоб не жил народ в бреду,
Будем, люди, братья!

С Днём Победы тебя, ветеран!

Умывается зорькою город.
Распускается всюду сирень.
Ты красив и душой вечно молод.
Майским солнцем разбужен твой день.

Город с запахом тёплого хлеба.
Северск — труженик, город берёз.
И шары в майский день рвутся в небо,
Не пройти без улыбок и слёз.

Ветераны рядами шагают,
И блестят на груди ордена.
Внуки рядом идти помогают, —
Нашим дедам поддержка нужна.

День в заботах прошёл, все устали,
Поулёгся страстей ураган.
И салюта огни отплясали.
С Днём Победы тебя, ветеран!

Нашим защитникам

Смотрю в музей «Трёх богатырей».
За Русь они, за Матушку вставляли.
Ведь богатырской силушкой своей
Всегда от лиха землю защищали.

И дух былинный вечно в нас живёт.
На подвиг ратный так же вдохновляет,
К победам русских ратников ведёт,
И ценности России охраняет

— Мужья, а вы под стать богатырям,
Во славу Родины своей живёте.
Передаёте опыт сыновьям,
По верному пути вперёд ведёте.

Берёте штурмом в спорте и в труде,
Летаете в космические дали.
Стараетесь быть первыми везде,
Сияют на груди у вас медали.

И женщину умеете любить,
Обворожить романтикой свиданья,
И на руках богинь своих носить,
Дарить цветы и нежность, и вниманье.

Так пусть не пропадёт ваш честный труд,
И процветают в счастье семьи наши.
О мире, дружбе люди все поют.
Земля становится с годами краше.

Шабанова Вера

Родилась перед войной, отца, как инвалида по зрению, на фронт не призывали, но отправили на военный завод в город Новосибирск. Всю войну дети не видели его. Завод был на военном положении, поэтому отец вернулся, как солдат с фронта, когда закончилась война.

Мать, работала в селе, как миллионы женщин, снабжая фронт продовольствием и растила детей.

Во время войны вместе с ними жила эвакуированная семья из Ленинграда, потерявшая родных во время бомбёжки. Жили трудно, голодно, но всегда помогали друг другу. Кормил в основном лес. Ели всякую съедобную траву, сосновые побеги, ягоды, грибы. Выжили.

Все родственники — мужчины воевали в разных родах войск. Был даже один морской офицер, родной дядя. Не все вернулись домой, трое навсегда остались на той кровавой, жестокой Отчужденной войне.

Навеки молодые

Его сразило насмерть сразу,
Убийца — подлый терроризм,
Не целовавшего ни разу,
Ещё не видевшего жизнь.

Мальчишка был, салага, зелень.
За что погиб в чужом краю?
И не поняв, обнял он землю,
Чужую землю, как свою.

Глушили горе папиросой
Такие парни, как он сам,
Тяжёлые мужские слёзы
Катились скупно по щекам.

И за погибшего солдата
Всё, что страна сумела дать,
Ей вышла к пенсии доплата —
Кормильца потеряла мать.

И не от лишнего достатка,
А на помин его души
Те деньги раздаёт солдатка
И плачет по ночам в тиши.

Цена победы

Осиротевшим детям и вдовам
С войны отец мой не пришёл.
Остался далеко лежать.
А где покой себе нашёл,
Не знали ни жена, ни мать.

Письмо писал солдата сын,
Слетала горечь с детских губ:
«Зачем нас, папа, разлучил
Проклятый Гитлер, душегуб»?

Ещё пылал в огне Рейхстаг,
И враг сдаваться не хотел,
А над Берлином красный стяг
Победным факелом взлетел.

Не зря погиб солдат в бою.
Он жизнью землю защитил,
И кровь горячую свою,
Спасая Родину, пролил.

На всё готовы для детей,
Не в страшной сказке, не в кино
Испили на пиру смертей
Солдатки горькое вино.

Пока горит свеча

Горит свеча и мне немножко жалко,
Что догорает до конца она.
То тускло светит или вспыхнет ярко,
Как жизнь прошедшая, моя.

Любили вы меня когда-то страстно
И встретились мы с вами неспроста.
Пока горит свеча — светло и ясно,
А догорит — всё мрак и пустота.

Стучит в окошко веточка сирени,
А я устала одинокой быть,
Впущу любовь, открою настежь двери
И буду ждать, надеяться, любить.

Лубкина Надежда

До Надежды, родившейся спустя пятнадцатилетие после войны, дошли рассказы родственников о страшных событиях 1941-1945 годов.

Её дедушка погиб на фронте. Его брат Василий, водитель, с боями дошёл до самого Берлина. Вернулся домой живым. Второй брат дедушки был узником концлагеря, но остался жив. Ещё один дядя, Бурков Пётр, пропал без вести. Мама приближала победу в глубоком тылу тяжелейшим трудом.

Отец мужа Надежды восемнадцатилетним артиллеристом участвовал в боях. Имел ранения. За мужество и отвагу был награждён орденом «Красного знамени».

Эхо войны

Вот уж 70 лет на земле тишины,
Покидают наш мир ветераны.
Но тревожит далёкое эхо войны
Кровоточащей свежее раной.

Мы знакомы с войной лишь по фильмам цветным,
Да рассказам скучным наших дедов,
Шрам на сердце навеки достался родным,
Что вернулись живыми с победой.

Но кровавый уродливый призрак войны
Вновь встаёт возле нашей границы.
Гибнут чьи-то в Донбассе мужья и сыны,
И в огне города и станицы.

Я хочу, чтобы нашей земли горизонт
Полыхал лишь от мирных закатов.
Чтобы белого облака солнечный зонт
Защищал лишь от грома раскатов.

Чтобы в капельках утренней свежей росы
Сотня маленьких радуг рождалась,
Чтобы времени бег отмеряли часы,
И свободно жилось, и мечталось.

Чтобы связь вековая народов родных
Растопила лёд злобы и мести,
Чтобы строчки вечерних программ новостных
Приносили лишь добрые вести.

На большом Утрише*

На большом Утрише волны бьются о берег,
Над волнами чайки белые кричат,
В заповедной роще можжевельник зелен,
И от ветра скалы старые звучат.

Я вернусь домой и северные сосны
Будут за окном верхушками качать.
Шум морской волны то ласковый, то грозный
Тёмными ночами мне напоминать.

**Большой Утриш — черноморский ландшафтный и морской заказник*

Не любила рассказывать мама

Отрывок из поэмы о маме

Не любила рассказывать мама
Про военное детство своё.
А мы, дети, просили упрямо
Про то время поведать её.

«Не досталось мне лёгкой судьбины,
Что имею, трудом добыла.
А вспомнив, душа с сердцем стынут,
Жизнь моя не из лёгких была.

Не успела поднять ребятишек,
До войны умерла моя мать,
Двое девочек, трое мальчишек,
Было нас у неё ровно пять.

Не легко мне тогда приходилось,
Я из девочек — старшей была,
Да ещё на «отлично» училась,
Вся работа по дому легла.

Засижусь допоздна над тетрадкой,
Только лягу немножко поспать,
Окунусь в сон предутренний сладкий,
Утро в окна — трудиться вставать...

Украденное детство

Семичева Галина

Детство

Когда злой рок войны впивался
В земные жизни матерей,
Мне — ангел детства улыбался,
Стелил — рассветы у дверей,

Дарил — стрижиный берег речки,
И звон кузнечных молотков,
Янтарный луч горящей печки
И вкус — картофельных кружков...

Я всё брала в подол холщёвый:
Зимою — снега серебро,
А летом — целый луг медовый,
Потом — опята, как в ведро...

Жила — затянута туго
Холодным поясом войны:
И горечь — днём, страдания, мука,
Но снились — радужные сны.

Хлеб

Ломоть картофельного хлеба
В холщовой сумочке несу,
(В голодный год — он манна с неба!)
Щекочет сладостно в носу.

В фуфайке, в стёганных штанишках,
В худых пимах не по ноге
Спешу домой, а ребятишки —
Бегут за мной невдалеке.

Краюха хлеба в сумке стынет,
(Гостинец мне под новый год),
Боюсь, что кто-нибудь отнимет,
Такой пошёл теперь народ.

Но вот и дом. Навстречу — мама,
Меня, счастливую — к груди,
А мне в висках стучит упрямо:
— Скорее хлебом угости!

Поныне — помню вьюжный ветер,
И запах — хлебушка того,
С тех пор — я знаю, нет на свете
Дороже хлеба — ничего!

Картинка детства

В позолоченной солнцем избе
Подрастало холщовое детство,
Неуютно военной злобе
Было в детском моём королевстве.

Жизнь в войну — мне и маме — полынь,
Голод, страх! Так несносно бывало!
Но прижмусь и от мамы — теплынь,
Хоть душа у неё горевала.

Ходило солнце

Каталось солнце над землёй
С востока путь — опять на запад,
Вопрос и летом, и зимой:
— Скажи мне, мамочка, где папа?

Бывало, кудри потрепав,
Вздохнёт глубоко, духом сникнет,
И на траву, ничком, упав,
Меня тихонечко окликнет:

— Вернётся скоро твой отец,
С войны придёт, к тебе вернётся,
И долго вновь с конца в конец
Ходило, плачущее, солнце.

Безысходность

В дому холодном, обветшалом,
Моя, солдатка-мать, отца
Ждала, тоскуя, увядала,
У ветра кланчила гонца:

— Ты — там бывал? Ты с ним встречался?
Ответь мне — ранен, жив ли муж?
А ветер шалый, лишь смеялся,
И извивался будто уж:

— Быть может, был, быть может, видел
Его, другого ли бойца...
И мне войны дух ненавистен
Устал носить я пыль свинца.

И он припрятал похоронку,
Не зная, как вдове отдать:
— Она ж — почти ещё девчонка,
Не надо горькой правды знать...

Посвящение

*Отцу Лойко Ивану Людвиговичу
посвящается*

Слабый свет от свечи — пьёт людскую печаль,
И, насытившись, тихо ложится в ладони,
Взгляд прошёл сквозь окно, где стремительно в даль
Мчат отца моего в ночь — хрустальные кони.

Вслед безмолвно кричу: «Эй, постойте же вы!
Не хочу я с отцом этой вечной разлуки!»
Только кони — ушли в тишину синевы,
И беспомощно виснут дочерние руки.

За окном потускнел яркий жемчуг зимы,
И не радуют ветра шального сонаты,
Не вернуть никогда мне отца, хоть на миг,
Не уснуть на коленях его, как когда-то.

Подскажи-ка мне, сердце, мой преданный друг,
Где душа во Вселенной отцовская бродит?
На земле — всё ищу я похожих вокруг,
Только образ родимый — во сне лишь приходит.

Пламя слабое плавно колышет рассвет,
А пурга за окном будто ладит карету,
Тройке снежной к утру прошепчу я вослед,
Что отцовской душе быть в раю — без билета.

Пуговица

Сестре Нине посвящается

Пока родня с солдатом обнималась,
Пока рассказы слушала его,
С шинелью тихо пуговка прощалась.
У дочери — настрой был боевой.

Среди людского шума, слёз и гама,
Девчушка незаметно — к ножницам.
Не досчиталась пуговицы мама
На шинели мужа и отца.

Запрятав быстро пуговку за щёку,
Шмыгнула мышью девочка во двор.
Ну что, казалось, в пуговице толку?
Но пуговка хранится до сих пор.

Блестящую красавицу с шинели
Всегда носила Нина на груди,
И лучшие друзья её не смели,
На пуговицу — руку занести.

Как талисман её дитя хранило,
Определив себе на целый век,
Считая, что недюжинная сила
Вселилась в тот отцовский оберег.

Однажды

Мороз! Не выгнать и собаку.
Настало утро — за порог.
Кусок овчины делим в драку,
С горы бы съехать — хоть разок...

Деревня. Вдовьи ребятишки,
(И нам плевать на злость зимы!)
На нас ведь — ватные штанишки
И безразмерные пимы*.

На лбу испарина дымится.
От жажды вдруг — немоготу,
Колодец — вот! Могу напиться!
Хватаю льдину — и ко рту.

А после, помню, дома — маму
Ударил больно в сердце страх,
Когда с примёрзшими губами
Внесла я льдину на руках...

Схватила мама малолетку,
Да в воду — льдину и губу...
Лила, бывало, и не редко,
Я — горечь маме на судьбу

Военное детство

Будто тысячи звёзд — мне ромашки
Загорались на летнем лугу!
Только вспомню — по телу мурашки
У меня, повзрослевшей, в мозгу:

— Как ромашковый снег на опушке
Помогал охлаждаться в покос?
Отдыхали в ромашках старушки,
Старики, кто — хромой, кто — раскос...

*пимы** — валенки

Мужики — под Орлом, Сталинградом,
Позабыв про луга и про ширь...,
Защищали отчизну от «гадов»,
Бились на смерть за Русь и Сибирь!

И в покос — за отца и за маму
Наслаждалась цветочками я,
В сорок третий кровавый год самый
Забавляли ромашки меня.

Образ друга

Забуть не в силах ничего,
Что сердце помнить обещало,
Тот звёздный дождь над головой,
Любви девчоночьей начало,

Идёт ли дождь, ложится ль снег,
Капель звенит, иль злится вьюга,
Всю жизнь мне грезится в окне
Из детства светлый образ друга.

Аист вернулся

Как до войны — вернулся аист.
Гнездо своё найти не смог.
И встрече — небо не смеялось,
А было — чёрный потолок.

Прошёлся враг по всей деревне.
Торчали трубы вместо хат.
Как после тягостной болезни,
Жилища ветхие стоят.

Была в растерянности птица,
— Где примоститься мне и как?
Им что — захватчикам-убийцам...
Война и птицам — смерти знак.

Сон

Я в берегу ловлю стрижей у речки,
Весёлый ветер треплет платье мне,
Проводят конкурс песенный кузнечики
У берега на выпуклой спине.

Под песни их — вальсируют стрекозы,
Гоняя одуванчиковый снег,
И манят в тень меня к себе берёзы,
И лёгок к ним девчоночий мой бег.

Из кузницы, как будто с колокольни,
Доносится металла перезвон,
Мне радостно и весело, спокойно,
Что день — счастливым детством напоён.

И вот — рассвет. Будильник с позывными...
Из бездны лет — уж детство не вернёшь.
Как быстро мы становимся седыми.
Бросает ностальгия тело в дрожь.

Деда слово

Брату Борису посвящается
Чёрным стал весь купол неба,
Молнии сверкают,
День, родившийся, как не был,
В грозных тучах тает.

Был Егорка слаб, да хил,
Вспомнил деда слово,
Дед — под дождиком бродил,
Вот и стал здоровым.

Страх Егорку — не берёт,
Дождь вот-вот польётся,
А малыш — мужать идёт,
Ожидая солнца.

Кормилица Нюрка

Частенько — стадо из-за речки
Бежало. Рё-ё-ёв! И всё — в пыли!
Хвосты свои как будто свечки
Коровы с ужасом несли!

В войну и люди голодали,
В тайге — и хищник голодал,
Медведи, волки, рыси ждали,
Чтоб в стаде — немощный отстал.

Паслись коровы и телята
Настороже в полях, лугах,
Понять ли было нам — ребятам,
Падёт корова — в доме — крах!

И ради нас — в нужде и муке
Лечила мама на боках
Все раны, труженицы-Нюрки,
Дававшей — литр молока.

Жар-птица

Ходить любила в гости к тётё
И в зной, и в снег, и в злой мороз.
Мне так хотелось на комоде
Схватить жар-птицы синий хвост!

Придя, глядела долго-долго
На это чудо, чуть дыша,
И тут же мысленно с восторгом,
Носилась с птицей, не спеша,

Жар-птицу в руки — не давали,
(Была трофейная она.)
А краски — так на ней сияли,
И привлекали: «вот я — на! »,

К замороженной, вдруг однажды
Она — «слетела» в руки мне!
Не показалась трёпка страшной.
Ведь я — летала в тишине!

Жёлтый цвет

Мне — неприятен жёлтый цвет,
А предпочтенье — голубому,
На этот счёт — сомнений нет,
Душа ответит по-простому:

За то, что жгла слеза от свеч,
На грудь мне, капая, у гроба,
И не поднять, бывало, плеч
От боли, горя и озноба...

Мне в детстве — всюду желтизна.
Весь мир желтел перед глазами:
Хлеба — сгорели. Зной. Война!
И желтый цвет лица у мамы...

А у соседки — жёлтый хлеб!
И в кринке — жёлтая сметана!
А я — бродила между верб,
Цветы — в холщовые карманы.

Сосала жёлтые цветы,
Слюной питалась сладковатой,
Потом — воды до тошноты
Пила из речки желтоватой.

Уже седа, но жёлтый цвет
Никак на сердце не ложится.
На этот счёт — простой ответ,
Для счастья — мне он — не годится.

Родине

Ты помни, матушка-Россия,
Люблю тебя, как жизнь свою,
И чтоб с тобой была счастливой,
Сынов заботливых дарю.

Зову тебя — своей любовью,
И ты меня люби, прошу,
Мы общей связаны судьбою.
С надеждой в новый век гляжу.

Арсенова
Людмила

РАССКАЗЫ

Молчун

Витёк родился в июне, перед самым началом Великой Отечественной войны. И кроме него, у матери ещё было двое шустрых пацанов, которые всё время хотели есть. «И куда ещё третьего-то?» — горевала женщина. Обсудив дома эту проблему с мужем, решила Витька бабушке отвезти, которая жила в деревне и могла помочь, в воспитании мальчика, как и раньше помогала со старшими.

Недолго думая, Мария взяла котомку, положила в неё пелёнки, немного городских гостинцев, закинула котомку за плечи, и с ребёнком на руках отправилась к вокзалу. Мать Марии жила в деревне в Липецкой области. Мария с семьёй жила в Подольске, и все проходящие на юг поезда, останавливались на её станции. Женщина без труда купила билет и села в плацкартный вагон.

Поезд немного не дошёл до станции назначения, как послышался какой-то ноющий звук, потом рёв, а следом и грохот. Состав остановился. Кто-то истошно закричал, все стали выпрыгивать из вагонов на насыпь. Ещё ничего толком не понимая, бросились к ближайшему лесу, влекомые какой-то неведомой силой, словно прося укрытия у стройных берёзок и мощных дубов.

Мария взяла ребёнка на руки, выскочила из вагона и тоже побежала вслед за толпой. Бежала трудно, мешал свёрток в руках. Споткнулась, выронила из рук своё сокровище, и тут увидела надвигающуюся беду: прямо на неё летел на «бреющем» самолёт. Ужас сковал ноги, но кто-то на бегу дёрнул её за руку, увлекая за собой вперёд, к лесу.

Часть пассажиров уже добежала до опушки и, прячась за деревьями, смотрела на происходящее. Вдоль насыпи то тут, то там поднимались, разлетаясь в стороны, огромные фонтаны земли и травы, лежали, не шевелясь, люди. Самолёты быстро улетели, но люди в оцепенении долго ещё стояли, сидели, или лежали на траве. Кто-то громко, не веря даже себе, произнёс: «Да ведь это война, братцы!»

Мария похолодела от ужаса. Только теперь женщина заметила, что нет в руках ничего. Вскрикнув, она бросилась искать младенца. Пошел дождь, платье намочило и, прилипая к телу, тянуло вниз. Обезумев, женщина металась от куста к кусту, всё время повторяя: «Господи, да где же, где ты, отзовись», — но никак не находила свою потерю. Загудел паровоз, созывая пассажиров. Надо было возвращаться в вагон, но как уйти, оставив ребёнка?

Марии помогали люди, узнав, почему она бежит по опушке, а не идёт к поезду. Вдруг какой-то мужчина крикнул: «Вот же, вот же он». Мать подхватила сверток с ребёнком, всё ещё рыдая, побежала к вагонам. Удивительно, но ребёнок молчал, только ёжился в мокрых пелёнках и смешно морщил носик.

Доехав до места, молодая женщина оставила младенца на попечение бабушки, вернулась домой и даже подумать не могла, что эта война будет такой долгой, и их родная деревенька попадёт в оккупацию.

А Витёк рос у бабушки спокойным, тихим малышом и почти не плакал.

Пока не пришли немцы, бабушка кормила внука коровьим молоком, да жиденькой кашкой. Но, зайдя в деревню, немцы угнали весь скот. Голодно стало жить.

Бабуля славилась чистоплотностью и считалась в деревне знаменитой кухаркой, наверно, именно поэтому к ней в дом поселили немецкого интенданта. Это был немолодой уже,

вероятно, нездоровый, худощавый офицер, который всё время глотал какие-то пилюли и требовал, чтобы бабушка варила ему овсяную кашу и делала протёртые супы. Ел постоялец только после того, как пожилая женщина сама попробует приготовленное блюдо. Когда немец отдыхал, бабуля говорила шепотом, или уносила внука из дома, боясь, что тот разбудит офицера-немца и накличет беду. Ребёнок словно понимал, что надо сидеть тихонечко. Мальчик вообще долго ничего не говорил, а, главное, почти не плакал.

Офицер умилялся, глядя на русоволосого, синеглазого малыша, начинавшего ходить вперевалячку.

«О, киндер, киндер! Гуд!» — показывал немец на Витьку и часто отдавал бабушке сахар и галеты, показывая на мальчугана. Так и жили. Витёк — спокойный, молчаливый мальчишка, и непонятно было: сможет ли вообще разговаривать. Он заговорил, но всё равно как будто понимал, что надо помалкивать во благо спасения.

Красная Армия погнала немцев на запад, деревню освободили, продолжалась жизнь без мужиков. Всё лежало на плечах женщин и детей.

Витёк у бабушки воспитывался до восьми лет.

Когда подросток, понял, что он у бабули в доме за главного мужчину. Игрушек у него не было, но было взрослое занятие — выполнять мужскую работу.

Помогал, чем только мог. Сначала научился щепу собирать, ходил за хворостом вместе с деревенскими ребятами. После как-то отремонтировал бабушке примус. И потянулись к мальчишке вдовы соседки.

Кому примус починить, кому кастрюлю залудить. Малец, как заправский мужичок, молча, брался за работу, улыбаясь всем своей белозубой притягательной улыбкой.

За годы войны двое старших братьев умерли. Отец воевал, потом раненый и больной вернулся домой. В семье появился младший братик, а потом и сестрёнка. Только тогда Витёк покинул бабулю и очень скучал без неё. Дома рос мальчишка молчаливым мужичком. Но зато любую работу выполнял безукоризненно. Про него так и говорили: нашёл — молчит, потерял — молчит.

Ниночка

По воспоминаниям Нины Никаноровны Башмаковой

У Ниночки в Томской области жил родной дядя, который всё время звал к себе брата с семьёй. Наконец, они решились на переезд. Никто не знал, что впереди всех ждёт горе, слёзы, невосполнимые утраты и потери.

Ниночкина семья, в которой было пятеро детей, а она — самая младшая, приехала в Зырянку Томской области из Кировской накануне войны.

Не успели обжиться в сложных сибирских условиях, как громом прогремело: «Вставай, страна огромная!..»

Повестка отцу пришла в первые дни войны. Многодетная семья осталась без сильных мужских рук и кормильца, как потом оказалось, навсегда.

Отец погиб защищая Ленинград в 1944 году. А в 1942 году ушёл на фронт и старший брат, которому всего было семнадцать лет от роду.

Ниночка из-за войны не попала в школу сразу. Но отец писал с фронта: «Нину пора отдавать в школу!» Эти слова стали завещанием отца. Навсегда запомнила девочка этот год — год поступления в школу и гибели отца.

Дети, опалённые войной — особые дети. Они познали все тяготы жизни военных лет. Постоянно донимал голод. Нина всегда, особенно перед днём Победы, вспоминает свои школьные завтраки:

им, как детям погибших, выдавали в сутки по крохотному кусочку чёрного хлеба, величиной со спичечный коробок, и щепотку соли.

Мать почти сутками находилась на работе. Ребятишки по дому делали всё сами: летом косили траву, выкармливали колхозных овец, за это получили ягнят для собственного хозяйства.

Работали все, и взрослые, и дети, не покладая рук.

Голод и нужда оказались постоянными спутницами войны, преследовали семью в военные годы и после. Добрые соседи помогали семье обжиться без кормильца и не умереть с голоду. Сердобольные соседки и сами-то жили скудно, но, жалея ребятишек, несли кто картошки немного, кто капустки, кто брюкву... Ниночка всё время хотела есть, но просить милостыню стеснялась. Ждала, вдруг кто-нибудь позовёт в дом, да покормит, «чем Бог послал», а когда получала овощи, как гостинец к празднику, радовалась и торопилась домой, поделиться с сестрёнками.

Сельчанки с жалостью смотрели на худенькую, малорослую девчушку и всё время подкармливали её. Так и росла девочка среди новых соседей на селе.

И вдруг — гуманитарная помощь. Никто и не знал, откуда её прислали, но гадали: наверное, из Америки. За годы войны все пообносились. Много раз латанные вещи плохо грели хрупкое тельце и расползались, но и такую одежду берегла аккуратная школьница. Ниночке досталась зелёная военная форма какой-то военнотружущей женщины дружелюбной армии. От неё «вкусно» пахло духами.

Её перешили, но, даже и после стирки, остался этот обвотрительный запах. Девочка вдыхала этот аромат и была просто счастлива от того, что ей так повезло.

Из блокадного Ленинграда во время войны привезли худых, больных и голодных ребятишек. Увидев их впервые, Ниночка уже никогда не забывала ужас, боль, отчаяние, скорбь, светящуюся в огромных глазах детворы.

Казалось, что на бледных, худых личиках жили только глаза. Ленинградские дети разучились даже улыбаться.

Взрослые женщины, ухаживавшие за ними, не могли удержаться от слёз. Ниночка видела, как нянечки смахивали слезинки со щек ладонью или краешком головного платка, не показывая их пострадавшим, хлебнувшим горя утрат, малышам. Многие из них были круглыми сиротами, а некоторые даже имени своего не помнили.

Отгремели победные салюты, война осталась позади, и в 1946 году случилось долгожданное чудо — вернулся с войны брат. Их радости не было предела. Жизнь понемногу налаживалась.

В 1954 году Нина окончила 10 классов и поступила в Томское педагогическое училище, которое в 1956 году окончила с красным дипломом, навсегда связав свою судьбу с детьми. Потом — педагогический институт, интересная, сложная и ответственная работа. Но это было всё потом, в другой, мирной жизни. Прошло много лет, но до сих пор незаживающей раной остался у Нины в душе след от утрат и голодного сиротского детства.

СТИХИ

Беспризорникам военных лет

Беспризорные дети —
Память огненных лет.
Не бывает на свете
Без потери побед.

Обездолено детство,
И на все времена
Подарила в наследство
Вам сиротство война.

Беспризорные дети,
Как осколки войны!
Вы живёте на свете
Светлой грустью полны.

Вы познали усталость
И жестокость утрат.
Сколько в жизни досталось
Униженья, преград...

До сих пор обжигает
Память ваши сердца:
Тем, кто мамку не знает,
Не дождался отца,

Кто просил «Христа ради»
Хоть немного еды!
Ныне — тёти и дяди.
Нахлебавшись беды,

Пережившие голод,
Лихолетье, нужду,
Труд тяжёлый и холод,
И, познавши вражду,

Всей душой вы хотите,
Чтобы в жизни всегда
Были счастливы дети,
А в сердцах — доброта!

Украденное детство

«Моё лето украла война...»

Марина Красильникова

Моё детство украла война,
Написала в тетради девчонка,
И весёлая песнь не слышна,
Смех утих переливчато-звонкий.

Повзрослели подружки, друзья,
Мама вдруг поседела до срока...
Беспощадно из «Градов*» гвоздя,
Убивают детишек жестоко

Нацгвардейцы, как свора собак,
Обкурившись какого-то зелья,
По больницам, по школам, и так...
Расстреляли роддом для веселья.

Поздравляют с победой себя
И кричат в кураже: «Мы — герои!»
Но не ведают, жизни губя,
Что героем назваться достоин

Тот, кто жизни своей не щадил
Не потребовал денег, награды,
Грудью землю свою заслонил,
Стал фашистам живую преградой.

«Град» — реактивная система залпового огня. Дальность стрельбы до 15 километров.*

Дети Донбасса

Не желая быть фашистским,
Стал Донбасс «сепаратистским».
Профашистской стала Рада!
Ей Донбасс зачистить надо.

Вот попала под зачистку
Ганночка — «сепаратистка».
На горшке сидел речист
Митька — главный «террорист».

Нацгвардейцы бьют по цели:
«Оккупанты» здесь засели!
Школы, садики, роддом...
Накрываются огнём.

По панамкам бьют и бантам —
Малолетним «оккупантам».
Артострелы мощным «Градом»,
Хунта киевская рада.

Вот малыш убит речистый —
Справились с «сепаратистом»!
Нет ни Ганночки, ни Мити...
Порошенко — «победитель»!

Где ЮНЭСКО? Где ООН?
Красный Крест и Вашингтон?
Почему фашистов рать
Деток может убивать?

Лишь Россия, между прочим,
Помогает, что есть мочи,
Детям жить в покое, в мире,
Не в подвале, а в квартире!

Горе матери

Убивается мать над сынишкой:
— Ну, кому он и чем помешал?—
Лишь вчера ещё был шалунишкой,
За собачкой вприпрыжку бежал.

А сейчас её мальчик не дышит,
Неподвижный, тихонько лежит...
Разнесли артснаряды полкрыши
И сыночек осколком убит.

Кто назвал малыша террористом,
Приказал по детишкам стрелять?
Украина! Ты стала фашистской!
По-другому тебя не назвать!

Скорбь Донбасса

Жестокий мир — жестокие сердца!..
А есть ли что-нибудь милей на свете,
Дороже в жизни матери, отца,
Святых минут, когда смеются дети?!

Что может быть страшней, больней свинца,
Что разъедает душу едким ядом?
Увидеть — по приказу подлеца,
Ребёночка, убитого снарядом.

Детей хоронит каждый день Донбасс.
У ополченцев гнев и месть вскипают.
Теперь земли и пяди не отдаст
Шахтёр. И пусть нацисты это знают:

От мести не укрыться никому!
Убийцам никогда не спать спокойно!
Приводит зло к итогу одному:
Проклятье и воителям, и войнам!

Повторение пройденного

Мы росли в офицерской семье,
С детства знали, как гибли солдаты,
Как победу несли на крыле
Наши лётчики в том, сорок пятом!

И поверьте, не ели мы всласть.
Во дворе в «партизанок» играли,
А одежда... Посмотришь, хоть плачь.
Как и все всё трудом добывали.

День Победы всегда был святым.
Мы с сестрёнкой до зорьки вставали,
Чтоб блестела огнём золотым,
Пастой «Гойя» медаль натирали.

Что теперь не хватает панам?
Мало денег? Последнее съели?
Объясните, украинцы нам,
Почему славянин на прицеле?

Ромашов Анатолий

Дура ненормальная

Воспоминание детства

Петьке шёл двенадцатый год, но он был шустрым и смыслёным, всегда помогал матери по хозяйству, не чурался никакой грязной работы.

Жила семья в небольшой деревеньке: мама, папа, две младшие сестрёнки и Петька. Отца сразу взяли на фронт, как только объявили мобилизацию, в июне 1941 года.

Мама вставала очень рано и спешила на дойку колхозных коров. Дети ещё спали. А когда все просыпались, то Петьке приходилось быть за старшего. Ему предстояло чем-нибудь покормить сестрёнок и не оставлять малышей одних. Правда, старшей, Оле, шёл уже восьмой год, а младшей, Шуре, только исполнилось пять лет.

Война с вероломным и страшным фашизмом заставила мобилизовать все людские ресурсы, чтобы сельскохозяйственные работы никогда не прерывались. В колхозе работы много, а рабочих рук, особенно мужских, не хватало. Председателю колхоза приходилось «нажимать» на подростков. Селяне понимали, что солдатам на фронтах нужна пища, оружие, снаряжение, чтобы победить врага.

Поэтому был объявлен клич: «Всё — для фронта! Всё — для победы!»

Все подростки выполняли посильную работу и в поле, и дома. Работали на заготовке кормов для бурёнок и лошадей во время сенокоса. Конными граблями и вручную сгребали подсохшую траву в валки, затем валки — в копны, а копны на волокушах подвозили к месту, где скирдовали или ставили стог.

Пацаны сидели прицепщиками на плугах во время вспашки поля, стояли на копнителях, прицепленных к комбайну во время уборки хлебов. Целыми классами начальной школы выходили в поле собирать колоски. Это были военные и послевоенные годы.

Иногда Петьке приходилось подменять маму и пасти колхозных свиней, лошадей и коров. Однажды его маму вызвал на беседу председатель. Пришла она после этой встречи домой и говорит: «Придётся тебе, Петя, попасть колхозных коровушек с напарником, Гришкой Дроздовым. Давай, сегодня готовься, а завтра подъём в шесть часов утра, и — с Богом! Обед я тебе приготовлю».

Так началась Петькина трудовая биография. Раненько выгоняли коровушек за деревню и потихоньку выводили их на выпасные места, а там — смотри в оба, чтобы не потерялась ни одна корова или телёнок.

Прошло месяца полтора. Петя втянулся в работу и быстро поднимался утром рано, не хныкал, не жаловался. Матери рассказывал о характере бурёнок, о том, что одни хорошо пасутся, всегда находятся в стаде, другие норовят отойти от стада в сторону.

Пастухам от них никакого покоя, то и дело приходится бегать за ними и возвращать в стадо.

Как-то шло стадо по редколесью вдоль железнодорожного пути, метрах в ста от насыпи. Три коровы постепенно удалились в сторону железной дороги, и Петя побежал их возвращать обратно. Две коровы послушались и повернули к стаду, а одна, задрав хвост, как будто её окружила стая слепней, рванула к железнодорожному пути — не догнать. Петя за ней. Кричал на неё, ругал, но норовистая коровёнка не обращала на него никакого внимания.

Забралась на насыпь и, не останавливаясь, побежала по шпалам. Петя за ней, слёзы из глаз текут по щекам, сердце в груди стучит молотком. Кричал-кричал, а она не останавливается.

И что на неё нашло? Что случилось?

И тут видит Петя, что навстречу мчится товарный поезд. Машинист, видимо, заметил на путях помеху, начал подавать гудки и тормозить.

Скрипели тормоза, из-под колёс полетели искры... Петя кубарем скатился с насыпи, не помня себя, не чувствуя ног, но бурёнка не свернула.

На глазах у Пети локомотив ударил бурёнку, смял её и отбросил в сторону. Она, окровавленная, скатилась с насыпи, а поезд медленно продолжал двигаться вперёд. Петя бегом к бурёнке, а та лежала с разорванным брюхом, без задних ног, в конвульсиях. Это были последние минуты её жизни.

Петя стоял в слезах от жалости к животному и от страха от этой страшной картины. У мальчишки перехватило дыхание, сердце стучало так, словно вот-вот вырвется из груди, и, всхлипывая, со страшной обидой он произносил только одно: «Дура ты ненормальная, дура, дура, дура...»

Придя домой, Петя рассказал матери обо всём случившемся и наотрез отказался от дальнейшего пастушества. Ребёнок был потрясён и не скоро пришёл в себя, а в голове у него всё время повторялись слова: «Дура ненормальная, дура ненормальная!»

Самым страшным для Пети было то, что это была корова председателя колхоза.

Дети войны

Посвящается Раисе Алексеевне Каштаковой (Конопелькиной)

Есть в Брянской области деревня Непарень, которую фашисты почти всю сожгли. В этой деревне и жила семья Раисы, в которой было трое малолетних детей.

Как только немецкие солдаты появились в деревне, отец Раисы сразу ушел с односельчанами в лес, где создавались партизанские отряды. А мама с детьми тоже укрылись в ближайшем лесу. Рае ещё не было и пяти лет, старшей,

Вале — восемь, а младшему, Васе, ещё и года не было. Мать, чтобы накормить детей, иногда пробиралась в темное время суток к своему дому, брала что-нибудь из продуктов и снова возвращалась в лес.

Односельчане за короткое время сумели построить в лесу землянку, в которой все скрывались некоторое время, пока немецкие солдаты их не обнаружили.

Один из немцев, не прицеливаясь, дал очередь из автомата, заставляя всех покинуть землянку. Шальными пулями у девочек Раи были прострелены обе ножки выше колен, благо, что пули не заделли кости.

Всех жителей, прятавшихся в землянке, пригнали в деревню, собрали остальных сельчан, кто мог еще нормально двигаться и под конвоем отправили в концентрационный лагерь «Режика», находящийся в Латвии.

Старшенькая из детей, Валя, в лагере сильно заболела, и ее перевели в барак для умирающих.

Лечить больных никто не собирался, а скорее всего, от них просто избавлялись. И мама решила как-нибудь выкрасть Валю из этого барака. Однажды ей удалось сделать это. Мама ещё кормила маленького Васю грудью, и своим грудным молоком стала подкармливать Валю. Этим и спасла дочку от смерти, но сама долго не продержалась, умерла. Без маминого молока умер вскоре и Вася, остались сестрички без мамы и братика, но им стала помогать подруга мамы, которая всё-таки спасла их обеих от гибели.

Девочки находились в лагерных деревянных бараках, обнесенных колючей проволокой до тех пор, пока в 1944 году их не освободила Советская Армия.

Валя и Рая никогда не разлучались, поддерживали друг друга везде и во всём.

Девочки нашли заброшенный сарай, там и ночевали, а днем выходили к людям и просили что-нибудь поесть.

Вале давали редко и мало, упрекая: «Вас таких много ходит сейчас попрошайек». Рае подавали милостыню чаще. Раненный ребенок вызывал у людей жалость и сострадание.

После освобождения Латвии девочкам удалось добраться до родных мест, в свою деревню, но там встретили только одну сводную сестру. Жить детям было негде, и кто-то из взрослых похлопотал, чтобы их взяли в детский дом.

В детском доме тоже было всем не сладко, плохое питание, мало одежды, да и воспитатели иногда вели себя не лучшим образом, наказывали ребят порою несправедливо.

Так, Валю и Раю однажды провели перед строем детдомовцев, заставив раздеться догола в наказание за то, что они в праздник ходили к людям калядовать.

Пусть не сладко было детям, но в детском доме всё-таки кормили и была возможность учиться в школе.

Сестрёнки выросли, выучились, обзавелись своими семьями, но на всю жизнь война им подарила метки, которыми фашисты метили людей, выжигая номер на детских нежных ручках: у Раи № 6405, а у Вали № 6406.

Дети войны... О них в послевоенные годы старались не говорить. Миллионы их было таких — обездоленных, осиротевших, запомнивших цепкой детской памятью эти страшные странички своей жизни.

Малышев Юрий

Гроза

*«Цвели сады и с туч срывались ливни»
(Ирина Волобуева)*

Цвели сады и с туч срывались ливни,
С утра об этом промолчал прогноз.
Июль...Дожди... Росла трава обильно,
Богатый, значит, должен быть покос!

А мама стол готовила к обеду,
И всей семьёй уселись мы в кружок.
Отец серьёзную завёл беседу:
Скосить бы завтра травки на стожок.

Стемнело вдруг в деревне как — то разом,
Сверкнула где-то молния вдали.
Как пёс цепной ворвался ветер с градом,
Ломая крыши на своём пути.

Камнями градины с небес летели,
И слышен был повсюду плач и стон,
А молнии метались, словно стрелы,
Как будто бы всё целились в наш дом.

В войну бок обок смерть с отцом шагала,
Погибнуть, видно, не судьба была.
А тут беда его не миновала,
И за столом, проклятая, нашла.

Сравним удар грозы с разрывом бомбы,
Как будто снова грянула война.
С отцом что было дальше, я не помню,
Очнулся, вижу: «скорая» пришла.

Отец лежал на лавке неподвижно...
Мать свечку под иконою зажгла.
В избе народ. Грозы уже не слышно,
Беду она неожиданно принесла.

Пятково

Мне часто видится Пятково,
Наш дом к дороге в три окна,
Стоит, как детище отцово,
В размахе крыльев, старина.

И печь в дому — всему основа,
Не зря полдома заняла,
Она, как счастья подкова,
Как мать, кормящая, была.

Из нас простуду изгоняла,
Когда, открыв чело печи,
С молитвой мама отправляла
Снимать недуг на кирпичи.

А как в деревне без полатей?
Изба немыслима без них.
Они — крестьянские кровати.
Мы так любили в детстве их!

С полатей этих я ночами
До зорьки слушать был готов,
Дремля под мирными речами
Степенных мудрых стариков.

Ещё всплывает, как отрада,
Семейной редкости деталь:
Из бронзы в копоты лампада
В углу мерцала сквозь вуаль.

Под образами сил Всевышних
Хотелось на колени стать,
Здесь за живых, и за погибших
Учила нас молиться мать.

Приехал к родителям в гости,
Привет им сыновий привёз,
В поклоне стою на погосте,
Нет силы сдержаться от слёз

Не вижу улыбок при встрече,
Не слышу: Ну, здравствуй, сынок!»
В церквушке поставил им свечи,
К могилам принёс свой венок.

Покрасил надгробье, и фото
Промыл ключевой водой.
Вдруг слышу, что шепчет мне кто-то:
«Спасибо, сыночек, родной!»

Михайлова Нина

Папе

Я росла без тебя. И таких было — море!
Мы росли вопреки, все привыкшие к горю.
Несговорчивы были порой и упрямые,
Но смягчались при виде страдания мамы.

От чего она только у нас не страдала!
И к какому-то деду ходила, гадала.
Дед сулил ей удачу, но только с годами,
И она всё ждала за компанию с нами.

Мы так верили! Папа придёт, возвратится,
Нас увидит, узнает и так удивится,
Что мы взрослыми выросли все без него.
Не в обиде, удачливы мы. Ничего.

Годы шли или мчались, а папы всё нет.
На глазах молодец старый папин портрет.
Уже я ему в матери просто гожусь,
Но с надеждою детской встаю и ложусь.

Вдруг придёт? Вдруг найдётся? Бывает же всяко.
Жизнь не так и щедра к тебе, папа, однако.
Мамы нет уже с нами, а мы ещё ждём,
Хоть напрасно, конечно, мы всё сознаём.

От мечты, от привычки так взять, отказаться,
Не получится. Точно могу вам признаться.
Ведь сказал же старик, что придёт наш отец,
Значит ждать ещё будем, ещё не конец.

Я помню

Мне было три года, когда, наконец,
Война на восток откатилась.
Мы ждали, когда возвратится отец,
Сердечко с надеждою билось.

На улицах много ходило калек:
Безруких, безногих, увечных,
Сейчас, оглянувшись на минувший век,
Чреду вижу бед бесконечных.

Победа, салюты, парады — тогда
Вселяли в нас радость надежды
На то, что война не придёт никогда,
Мы будем счастливей, чем прежде.

Мы ждали, надеялись, верили — вот
Слегка заскрипят половицы,
М папа наш в форме солдатской войдёт,
И будем мы так веселиться!

Года за годами, сменился уж век,
Но не суждена, видно, встреча.
В сознании светлый живёт человек,
И к папе любовь моя вечна.

Суровцева Людмила

Людмиле, пятилетней девочке, пришлось в первые дни войны ощутить тяжёлый груз страха и переживаний, свалившихся на семью, Родину. Её папа воевал на Первом Украинском фронте. В одном из боёв был тяжело контужен. От гибели его случайно спасли друзья, заметив при луне блеснувшую подкову на сапоге засыпанного землёй солдата. За храбрость, проявленную в бою, отец Людмилы был награждён орденом «Красной звезды».

Воевали на фронтах Отечественной войны четыре отцовских брата, трое не вернулись домой. Воевала с фашистами и её тятя, молоденькая девушка-миномётчица. К счастью, вернулась домой.

Маленькая партизанка

Рассказ

Всё происходило в горькие, тяжёлые годы войны. Маленькая еврейская девочка, Ирида, со своими родителями попала в гетто. Никто не ждал от этого ничего хорошего, всем было известно, что в первую очередь, немцы не щадят коммунистов и евреев. Обречённые люди безропотно ждали, что будет с ними дальше.

Однажды родителей Ириды и других узников, измученных и измождённых людей, вывезли в лес, где была выкопана большая, глубокая траншея, построили и стали расстреливать сразу спереди и сзади. Мать прикрыла девочку и шепнула: «Беги!». Всех расстреляли, а Ирида, чуть живая от страха, лежала, прикрытая телом убитой матери. Немцы просто чудом не стали повторно стрелять в лежащих, а только присыпали всех землёй.

Когда стемнело, девочка с большим трудом сдвинула неподвижное тело матери в сторону, выбралась из ямы и пошла по лесу.

Утром она набрела на полуразрушенный, разбитый бомбой дом, собрала тряпье, оставшееся от прежних хозяев, укрылась под ним, спрятавшись в уголке. Проходили немцы, проверяли, не убежал ли кто. Ирида, затаив дыхание, зарывалась поглубже в тряпье и лежала не шевелясь, пока немцы не проходили мимо. Однажды она услышала русскую речь, но побоялась и не вышла из своего убежища. Очень осторожно выходила девочка из своего уголка только ночью. Но и тогда, заслышав шаги, или речь, пряталась и под корягами, и в норах.

Ужас от одного воспоминания о тех днях одиночества и безысходности не покидал её и после войны, спустя много лет.

А в то время однажды, бродя по лесу, Ирида почувствовала запах дыма. Очень хотелось есть, но было страшно даже приблизиться к костру. Однако, как только стемнело, вышла к костру, увидела людей в зелёной форме, в пилотках, на которых были красные звёздочки, обрадовалась. Она тихонечко подкралась и села у костра.

Заметив девчушку, караульный, спросил, кто она. Девочка рассказала, как спаслась от расстрела и показала свой лагерный номер на руке. Её сразу же отвели в палатку, накормили, дали помыться, уложили спать. Так она попала в партизанский отряд.

На следующее утро она снова всё рассказала командиру отряда, а ещё сказала, что знает, где был лагерь военнопленных и гражданских «временных» узников. На карте показать ничего не смогла, поэтому пришлось пойти к тому месту с разведчиками. Привела в тот дом, где пряталась. Всё показала. Обратное её отправили в партизанский лагерь с солдатом. Так в семь лет Ирида стала разведчицей.

Маленькая девочка ходила по сёлам, просила милостыню, не вызывая подозрения ни у немцев, ни у полицаев. При встрече с немцами, просила покушать. Ей удивительно везло, на маленькую худенькую девчонку в тряпье никто не обращал внимания, её отпускали, иногда, если везло, давали кусок хлеба. Юная разведчица ходила по деревням, где не могли появляться взрослые, стучала в указанное окно, просила еды Христа ради, ей подавали, завернув всё в мятую бумагу, на которой были написаны важные для партизан сведения, и уходила в лес.

Иногда сама передавала в дом бумагу, её уносили и выносили из дома еду в другой, мятой бумажке. Из своей «квартиры» девочка наблюдала за полицаями, рассказывая потом всё партизанам. На ночь часто пряталась в какой-нибудь разваленной избёнке.

Однажды партизаны сделали налёт на штаб фашистов. В селе стояло много военной техники. Завязался тяжёлый бой. Ирида в это время пряталась в старой «развалюхе».

Поблизости разорвался снаряд, избёнка развалилась, осколками снаряда ранило Ириду в лицо и ногу. Поутру её, маленькую, хрупкую, израненную, нашли партизаны, сделали перевязку и увезли в лагерь к разведчикам.

После Ирида вспоминала, что очень долго болела. Шрамы на лице и изувеченная осколками нога не давали покоя и беспокоили спустя много лет после войны. Когда наладили связь с Большой Землёй, её переправили через линию фронта и определили в детский дом.

В детском доме девочка полной мерой хлебнула лиха. Никто не знал, кто она, откуда. В то время много было сирот, покалеченных войной детей. Кормили плохо, чай-вода, или что-то похожее. Уже после войны этот детский дом расформировали. Ириде к тому времени исполнилось 15 лет, и её отправили работать. Выросла девочка замкнутой, не смотря на роскошные волосы и точёную фигурку, очень стеснялась шрамов на лице и хромоты, поэтому тяжело сходилась со сверстниками.

Спустя много лет, уже в мирное время, Ирида получила военные награды за помощь партизанам во время войны. Но она неохотно рассказывала свою печальную, и в то же время героическую историю, маленькой партизанки.

Одиночество

Маленькая девочка, четырёхлетняя Люсенька совершенно неожиданно для себя осталась одна. Её мама тяжело болела, лежала в больнице, на побывку домой приходила очень редко. Дома едва передвигалась и всё время кашляла. Люсенька её всегда ждала, скучала, часто видела во сне.

Мама Люсеньки — женщина высокая, с длинными чёрными, густыми волосами, собранными в большой пучок. Говорила она на украинском языке, и девочке казалось, что это весенний ручёк весело журчит по камешкам.

Люсин папа работал в городе Свердловске на строительстве завода «Уралмаш». Домой приезжал не каждый выходной. За Люсей присматривала баба Анна. Бабушка часто оставляла девочку одну, закрыв избушку на замок. На её попечении был ещё внук Витя семи лет от роду — озорник, какого ещё надо было поискать. Он частенько напевал, приплясывая:

*На палубе матросы
Курили папиросы,
А бедный Витя Быков
Окурки собирал...*

Это было смешно и забавно, потому что мальчишка пытался изображать Чарли Чаплина. Люся смотрела на эти выступления и смеялась от души. Проказам Вити не было конца. Он мог открыть замок, зайти в избушку в отсутствии бабушки и изрядно там нашкодить.

А самое главное, пока дома никого не было, он мог напугать до слёз Люську, скрутить её, даже шлёпнуть просто так, ради озорства.

Однажды, он залез на печку, где обычно сидела девочка, начал её тискать, толкать и уронил девочку на пол. Было больно и обидно. Люсенька громко плакала, растирая кулачками слёзы по лицу. Мальчишка испугался и убежал, оставив дверь открытой.

На крик прибежала бабушка, узнала, что произошло, девочку прижала к себе, успокоила, принесла ей пирожок, пригрозив Вите:

— Ну, погоди ты у меня, шельмец, уж я тебе чуб-то надеру!

Игрушек у Люси никаких не было. Сидеть весь день на печи скучно и неинтересно. Одиночество для такой малышки было тяжёлым испытанием. Как-то раз, слезла Люсенька с печки, вышла из избушки, да и пошла по дорожному настилу в сторону леса. Дошла до конца лежнёвки, погуляла вдоль опушки.

Глубоко в лес пойти побоялась, повернула в сторону дома и пошла назад. Какое это было счастье — оказаться на свободе! Девчушка шла по дороге, попрыгивая с ноги на ногу, довольная и счастливая. Это не то, что сидеть на печи весь день, когда кругом такая красота: птички поют, ветерок развеивает платице. Свобо-о-о-да-а-а!

А тем временем на дворе случился настоящий переполох: хватились, дверь распахнута, а ребёнка нет! Бабуля сразу побежала искать девочку, вышла за ворота и увидела — вот она! Так свобода и закончилась после этого случая. Да и война надолго разлучила всех.

В начале 1942 года отца мобилизовали на фронт, девочку увезли в Свердловск к тёте, а вскоре и мама у Люсеньки умерла, и опять девочка осталась одна.

Но долго-долго ещё малышка вспоминала свою прогулку на свободе.

Руфочка

Воюют всегда взрослые люди, но как часто и тяжело страдают от войны дети. Вот и Люсю, чтобы не отдавать в детский дом, папа получив повестку на фронт, привёз под наблюдение своей знакомой тётё Марусе в Свердловск, Мама у девочки умерла. Девочка хорошо запомнила, как отец в зимней шапке и шинели сидел в землянке, где они жили, за столом, прощаясь. Попрощался и ушёл на долгие четыре военных года.

Прошло несколько дней, и тётя Маруся принесла из больницы маленькую сестрёнку, Руфочку. Ей было всего полтора года, она долго лежала в больнице, и вот теперь дома. Беленькая красивая крошка никогда не плакала.

Тётя Маруся работала в госпитале, а по ночам прибегала, чтобы протопить в землянке печь, да покормить детей.

Часто приносила с собой окровавленное бельё и бинты. Стирала бельё и парила бинты до утра. Девочки почти всё время сидели одни под замком.

Вместо игрушек играли с собачками — Тобиком и Землёй и котом Кузьмой.

Руфочка болела и выглядела бледненькой и слабенькой. В отсутствии тёти Маруси Люся играла с сестричкой, сама кормила её и поила кипячёной водичкой. Неожиданно днём, когда никого не было дома, Руфочке стало очень плохо. Крошка металась по кровати, но не плакала, а постанывала. Люся прижала её к груди, гладила и целовала.

Сестричка успокоилась, прижавшись губами к Люсиной щеке. Девочки уснули.

Вечером пришла тётя, стала расспрашивать, как день прошёл. Люся пожаловалась на то, что Руфочка не хочет с ней играть: всё спит и спит. Тётя Маруся подошла к кровати, посмотрела на крошку... и упала в обморок, испугав девочку.

Оказывается, Люся пыталась разбудить уже мёртвую сестрёнку, чтобы поиграть с ней. Бедняжку похоронили, а Люсенька снова осталась одна. Теперь ещё больше страдала от одиночества и частенько тихонько плакала, вспоминая сестричку.

«Соломкины» дети

Памяти воинов, спасших маленьких детей под Белой Церковью

Война катилась на запад. Шёл 1944 год. Красная Армия освобождала Украину, поливая её кровью своих бойцов. Оккупанты яростно сопротивлялись.

Особенно жестокими были военные действия дивизии СС «Галичина» против мирного населения Украины.

Кроме немецких фашистов, зверствовали и бандеровцы подразделений УПА (Украинской повстанческой Армии).

Сжигались тысячи домов. Уничтожались в дикой злобе жители городов, сёл и хуторов. Красной Армии приходилось выбивать из сёл не только немцев, но и бандеровцев.

Этот случай произошёл в небольшом селе близ Белой Церкви. Одному наступавшему подразделению пехоты пришлось «защищать» это село. Фашисты могли прятаться в хатах, хлевушках, погребах — где угодно.

Красноармеец откинул засов амбара и, с автоматом наперевес, вбежал внутрь. Следом бежали однополчане на помощь. В амбаре могли укрываться и немцы, и бандеровцы.

В полутьме амбара плохо было видно, но в глубине на соломе явно кто-то возился. Послышался какой-то писк, но быстро затих. Выстрелов не последовало. Автоматные очереди слышались слева и справа, а здесь стояла напряжённая тишина.

Солдат распахнул дверь шире, впустив луч света в помещение, и стал приближаться к куче соломы в углу.

Сбившись в кучку, там сидело десятка полтора малышей, со страхом ожидающих, что будет дальше.

На солдата смотрели большущие испуганные детские глаза. Видно было, что дети напуганы, но никто из них не плакал.

Подросли друзья. Забегая в амбар, останавливались, с недоумением спрашивали: «Что там?»

— Да вот, «военнопленные»!

— Что же с ними делать?

— Освободить!

Солдаты вывели и вынесли из амбара малышей. Этим «военнопленным» было от четырёх до восьми лет. Босые мальчишки и девчонки, худенькие, испуганные, дрожащие, выходили из амбара, цепляясь за гимнастёрки своих освободителей. Детей быстро увели в безопасное место и стали выяснять кто они, как их зовут. Просили назвать фамилии.

Некоторые ребяташки назвали свои имена, но фамилии не назвал никто.

Скорее всего, это были дети-сироты, собранные для проведения известных теперь уже всему миру опытов.

Детей накормили, помыли, как смогли, одели, обули и решили отправить в тыл. Надо было записать каждого. Что делать? Не по номерам же их записывать, как это делали немцы.

Имена дали тем, кто не помнил своего имени, остальных записали под своими именами. А фамилию придумали ребята, освободившие этих маленьких узников войны.

— Раз нашли их в углу на соломке, пусть носят фамилию Соломко. И поехали ребяташки в тыл большой, многодетной семьёй — Соломко.

Яма

Низина у села, которую на селе все называли ямой, была излюбленным местом для ребятишек. Там зимой и летом не затихали детские игры. Особенно нравилось ребятам бывать в яме зимой. Вместо саночек использовали для катания пустые облитые несколько раз водой и замороженные коробки. Места для катания хватало всем.

Летом природная яма привлекала детей другим. На этом болотистом и замшелом месте росли растения, которые мы в детстве называли «пучки».

Нежданно начавшаяся война, принесла холод и голод. Именно в войну эти «пучки», сладкие на вкус, становились для детей лакомством. Но чтобы её добыть надо было лезть в болото, проваливаясь по колено в коричнево-моховую жижу. Мальчишкам в этом деле было проще, ведь их ноги защищали штаны, а вот девочкам, конечно, доставалось.

В болотистом месте водилось несметное количество пиявок. В такую замшелую впадину я полезла за «сладостями». Пучка манила своими крепкими стеблями. Решилась. Полезла в болото. Нарвав растений и выйдя на сушу, увидела, что мои ноги сплошь покрыты присосавшимися пиявками. После тётя Маруся дома отдирала мне их, крестясь и читая молитву. Кровь стекала по ногам вниз. Зато пучки я наелась в тот день досыта.

Яма зимой

Яма зимой притягивала детей нисколько не меньше, чем летом. Нам, ребятишкам военных лет, для хорошего настроения достаточно было прийти на яму, скатиться пару раз, кто на чём, с крутой обочины внутрь котловины. Почти ежедневно наша детская компания с восторгом скатываясь вниз, делала «кучу малу». Случалось, всякое, бывало, разбивали о горку носы,

расцарапывали лицо колючим снегом, но это нас никогда не останавливало от походов в яму.

Один из таких выходов на излюбленное место мне запомнился на долгие годы, а напоминанием о том дне отдыха на яме стал шрам.

В тот день тётя Маруся занималась хозяйством, а я, под видом, что захотелось в туалет, быстро оделась и подалась на яму. Подружки, увидав меня закричали: «Землянка, иди кататься!».

А «Землянкой» окрестили меня друзья, потому, что мы жили в хиллом домишке-землянке.

Я бегом, по снегу через огороды, помчалась к детям. Тётя Маруся вскоре обнаружила моё отсутствие, вышла на улицу и закричала: «Людмила, домой!» Мне удалось всего-то пару раз скатиться с горки.

Тётя Маруся за непослушание (уход без её ведома на горку), схватила меня за шиворот и потащила в дом. Телогрейка, к несчастью, была расстёгнута, а порог при входе в дом — высокий. Я запнулась за него и рухнула вниз, выскользнув из телогрейки, и заорала. Налетела на рог (вышербину) коряги, находившейся у порога.

Тётя Маруся, испугавшись, посадила меня на кровать, обработала рану йодом, приложила мороженую берёсту, чтобы остановить кровотечение и не осталось синяка. Мой тайный выход закончился трёпкой. Теперь об этом случае мне всегда напоминает оставшийся шрам на месте раны.

Кутергина Людмила

Людмила, родившейся в семидесятые годы прошлого столетия, известно о войне в основном из школьных учебников и литературы. Об участии родственников в военных действиях ничего не знает. Ей об этом дома не рассказывали. Однако, тема войны не является ей совсем чуждой.

Она ярко высвечивается в некоторых её поэтических произведениях.

*«...Помните! Через века, через года — помните о тех, кто
уже не придёт никогда.*

Помните!

Детям своим расскажите о них, чтобы запомнили!

*Детям детей расскажите о них,
чтобы тоже запомнили...»*

Роберт Рождественский. «Реквием».

Эти слова Роберта Рождественского были и остаются главным призывом к современникам и потомкам, чтобы не забывались страшные годы войны, чтобы мы, живущие сегодня, прилагали максимум усилий для стабильности в государстве, в обеспечении свободы и независимости Отечества и делали всё, чтобы над нами, нашими детьми и внуками всегда светило яркое солнце, а на всей земле господствовал мир, так нужный всем народам для жизни и процветания.

Мать

Оставила дитя в роддоме мать,
И ночью из палаты убежала.
Перетянула полотенцем грудь,
Чтоб молоко по телу не бежало.

Ей в спину шепчут: «Что это за мать.
И как Господь такую не удавит?
Ее волчицей даже не назвать.
Детеныша волчица не оставит».

Никто из них не знает, каково,
Выслеживая темной ночью фрица,
Сынишку, вспоминая своего,
За мужа мстить идёт, найдя убийцу.

От «каменной» груди хоть волком вой,
Что стянута больничным полотенцем.
Она, не замечая боли той,
Из автомата бьёт и бьёт по немцам.

Скажите, кто осудит эту мать?
Быть может современные сыны?
Я думаю, способны ли понять
Все ужасы Великой той войны.

Пусть мир всегда
прекрасным
будет

Суровцева Людмила

Одуванчики

Заехали мы как-то с мужем в деревню Калтай. Остановились недалеко от остановки, чтобы сходить в магазин за продуктами и набрать воды.

На другой стороне остановки зеленела под майским солнцем полянка, вся расцвеченная ярко-жёлтыми одуванчиками, по которой бегала девчушка лет пяти. Я залюбовалась этим ребёнком. Белокурая, в нарядном светлом платье, с пышными бантами на голове, она светилась, словно солнышко и сама была похожа на яркий одуванчик.

Девочка подбегала, срывала цветочки, собирая букетик, и что-то весело щебетала. Молодая женщина, вероятно мать, стояла ближе к остановке и наблюдала за дочерью. Букетик в руках становился всё больше и больше. Вдруг девочка заметила близ дороги памятник. Она подошла к матери и спросила:

— Мама, а это что за дяденька?

Я, затаив дыхание, слушала их беседу.

— Это памятник солдату, доченька

— А почему он тут стоит?

— Его специально сделали и поставили у дороги, чтобы люди видели и помнили, что солдаты защитили нашу Родину в войну от фашистов.

Девочка задумалась. Она внимательно смотрела то на маму, то на памятник.

— Мама, что ли вот здесь была война, и он умер, и его здесь похоронили?

— Нет, война была давно и далеко-далеко. На нашу страну напали враги. Они убивали мужчин, женщин, детей.

А здесь жили смелые люди, которые пошли в солдаты, чтобы защитить нашу землю и людей, которые на ней живут.

— И нас тоже?

— И нас тоже. Вон там враги одних солдат убили. А другие солдаты так хорошо воевали, что смогли выгнать врагов с нашей земли. А жители нашей деревни собрались вместе и решили сделать вот такого большого солдата, чтобы люди не забывали, кто защищал нашу землю, нашу Родину, нашу деревню и всех людей. Теперь люди девятого мая несут к этому солдату цветы. Они говорят как бы «спасибо» тем, кто нас защитил.

— Мапочка, а можно я тоже подарю ему цветы? — спросила малышка.

— Конечно, можно.

Девочка подошла к памятнику. Лицо её стало серьёзным. Она постояла немного возле изваяния, потом положила к подножию свой букетик одуванчиков и вернулась к маме. Обе пошли на остановку. Подъезжал автобус, идущий до города.

Я любовалась этими двумя сердобольными славянками: маленькой девочкой и взрослой женщиной и думала, что мы свою молодёжь недооцениваем, им не чужды мужество и патриотизм.

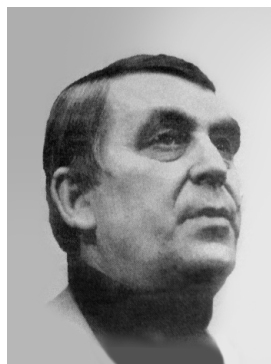

Шишкин Александр

Актёр северского музыкального театра, познавший беды, горе и несчастья, принесённые народам Родины в годы Великой Отечественной войны.

Вернувшиеся с фронта родственники, много поведали мальчишке о тех кровавых событиях.

После Александр служил в армии в Мурманске. Будучи взрослым человеком, стал всемирно известным радистом-любителем и вместе с другими способствовал спасению внезапно попавших в беду.

Точка опоры

Дайте! Дайте мне точку опоры!
Только точку. Не нужен рычаг.
Я не стану сворачивать горы,
Разложу возле точки очаг.

Пусть Вселенная будет на месте —
Я не стану разваливать мир.
Я не сволочь, не трус и не бестия,
И претит мне словечко «кумир»...

Не нужна мне дешёвая слава.
Просто жить надоело в бегах,
И имею я полное право
Жить, как речка. В своих берегах.

Дайте точку опоры! Скорее!
Жизнь и так коротка, словно миг,
Мой очаг всех озябших согреет,
Я откликнусь на зов и на крик...

Надоели извечные споры,
Надоел перед будущим страх...
Всё, что нужно мне — точка опоры,
Чтобы твёрдо стоять на ногах.

Меж дворов дожди косые
И в осеннем полусне
Загрустившая Россия
Вспоминает о весне.

О весеннем первом громе
Вспоминает в полудрёме,
О весеннем первом плуге
Вспоминает, как о друге.

Вкусный хлеб из русской печи,
Добрый голос человеческий,
Тихо песню выводящий,
Тёплый голос, чуть грустящий.

В песне той слова простые
И мелодия грустна...
В ней — душа твоя, Россия.
Не грусти! Придёт весна!

Ярославцева Татьяна

От счастья и люди бывают крылаты,
Но жизнь преподносит и боль, и утраты.
Удача, добро так всегда помогают,
А зло и бездушье всем крылья ломают.

Сегодня безоблачна даль и светла,
Назавтра вся в тучах, и плохи дела.
И жизнь нас, порою, бросает вниз круто
Из светлых высот — камнем вниз почему-то.

Зачем наша жизнь создаёт нам преграды,
Когда их не ждём мы, когда им не рады?
Сегодня влюбляемся, планы мы строим,
А завтра любовь нам не в радость обоим.

Растим мы детей и деревья сажаем,
И строим дома... А ещё обижаем.
Но разве нельзя жить, любя и не рая,
Стереть зла с добром прикасания грани?

А разве нельзя быть чуть-чуть терпеливей,
Чтоб жизнь наша стала полней и счастливей?
Нам в жизни всегда не хватает чего-то,
И в этом причина падений и взлётов.

И чтоб этот мир был всегда постоянным,
И чтоб каждый миг был успешным, желанным
Нам всем постараться, приложить усилие
И вновь обретём мы и веру, и крылья.

Напутствие

Шальной шторм гонит парус,
Но ты держись, сынок!
Подам тебе рук пару,
Чтоб выстоять ты смог.

Судьба тебя на прочность
Проверит и не раз!
В душе несёшь ты точно
Наш родовой запас.

Пусть из огня в полымя
С размаху угодишь-
Своё святое имя
Потомкамохранишь.

В тебе есть сила воли —
Подарок от отца.
Жми кулаки до боли,
Чтоб в деле до конца!

Я верю, на колени
Не встанешь ни пред кем.
Рабом не станешь лени,
И не создашь «гарем».

И если лихолетье
Настигнет, сын, в пути,
Не подпускай дух смерти
И смело вдаль гляди.

А те «огни и воды»,
Что встретить довелось,
В мешке «Мой горький опыт»
В поток бурлящий брось.

Просить я Бога стану
Тебя благословить.
Я открываю тайну,
Как может мать любить.

Кокетка

Милая кокетка,
Девочка-соседка:
Две тугих косички,
Рыжие реснички,

Май веснушки бросил
На курносый носик.
На щеках румянец
Яркий, как багрянец.

Скачут по дорожке
Маленькие ножки,
С ритма не собьются,
В травке не запнутся.

Губки веселятся,
Глазоньки дивятся:
Мир — такой прекрасный,
Словно лучик ясный!

Старые сказки

На дворе густые сумерки.
Из-за туч глядит луна.
Мы гурьбой девчонки-пугови
Собрались вновь у бревна.

Над бревном шумит черёмушка,
Нас пугая «колдуном»...
Бродят мысли по головушкам
Под дырявым зипуном.

А подружки сказки слушают,
Сочиняю их сама,
И мороз владеет душами:
Сводит всех «колдун» с ума.

Мы давно уже родители,
Вспоминаем о былом.
Сказок – память, ум – хранители,
Как проститься с «колдуном»?

Семичева Галина

Я люблю

Я люблю кандыковые сини
И горящий залив огоньков,
Что ещё? А ещё вдруг спросили б,
Пантомимы люблю облаков.

Я люблю одуванчиков море
И сиреневый запах весны,
Хмель цветущий люблю на заборе
И люблю безмятежные сны.

Так люблю вспоминать я про детство,
Часто в юность люблю улетать;
Я люблю, никуда же не деться,
На «плохое» — глаза закрывать.

За недобрых — люблю помолиться,
Чтобы души им Бог размягчил,
А чтоб не было зла и амбиций,
Запирать их люблю под ключи.

Всех и всё я люблю в этой жизни
(Ведь во чреве купалась в любви),
Если только «недобрым» кто брызнет,
Так меня лишь слегка удивит.

Я влюблённой останусь навечно
До последнего выдоха — тут,
А когда испарюсь в бесконечность,
То любовь и добро прорастут

Здесь, на вечной земле, огоньками.
Протянув нежно руки свои,
Говорить будут люди веками,
Нет ценнее — добра и любви!

Край родной

С неба льётся бирюза,
Наполняя душу,
Край любимый, скромный сад
Мил и в зной, и в стужу.

Снег в июле, в декабре —
Ватой — на ресницах,
Тот и этот всем и мне
Просветляют лица.

Как, Сибирь, ты мне мила!
Как тебя люблю я!
Мать меня здесь родила
В жаркий день июня.

За столом

Шуточное

На столе стоит картошка
Белоснежна и вкусна.
Я задумалась немножко,
Пусто в чашке. Вот те на!

— Не зевай, — сказала дочка, —
Это вовсе не секрет,
Объединение, картошка,
Потому её и нет.

Мой город

Жил город неприметным и неброским,
И с берега глядел на ширь и гладь.
Красивое название «Берёзки»
На Северск надо было поменять.

А может быть совсем и не напрасно
Прохладное название его
Наш колокол над Храмом громогласно
Наполнил с Божьей помощью — теплом.

И город будто выше и красивей,
И будто стал светиться он насквозь
В ладонях милой матушки-России...
Нам этот свет увидеть довелось.

Сияет Храм в торжественности светлой,
Звонят колокола на много вёрст,
И город словно юный лебедь белый
Предстал пред миром будто сразу в рост.

Теперь никто пройти не в силах мимо,
Не обозрев святые купола.
Над всеми — крест, над городом любимым
Владимирская Матерь подняла.

Огородова Наталья

Прекрасен мир

Тончайший аромат лазоревого утра,
И в тишине прозрачной — пенье соловья.
Шелк белых облаков в румянце перламутра
От солнечной зари проснувшегося дня.

Я к розовым лучам протягиваю руки,
Как будто струн касаясь пальцами слегка.
И тихий нежный стон — божественные звуки,
Откуда-то с небес слышны издалика.

В сметанной кисее нависшего тумана
Над речкою лесной нет повода для слёз.
Здесь искренни со мной, ни лести, ни обмана,
Ни зависти, ни зла нет в шелесте берёз.

Ковёр зелёный свой постлал простор безбрежный,
Прекрасен этот мир и этот рай земной!
И суета сует души моей мятежной
Растаяла, как лёд, весеннею порой.

Семичева Елена

Несмотря на то, что Елена родилась спустя двадцать лет после войны 1941-1945 годов, эта тема её всегда интересовала. По рассказам, вернувшейся с фронта тёти, которая поныне жива, перед глазами отчётливо всплывают те ужасы, пережитые молоденькой хрупкой сестричкой, вытаскивающей раненых с поля боя.

Родные, участники боёв Смоленского и московского направлений, всегда при жизни повторяли одно: «Не дай, Бог, чтобы повторилась война!». Об их отваге и мужестве говорят многочисленные награды, которые свято хранят их дети и внуки.

Внутри себя ищи истоки боли.

Под видом боли скрыт души порок,-

Писал святитель Феофан Затворник,

И Будда говорил, и Мухаммед Пророк.

Путь

Путь начинался с маленькой тропинки,

Верней, с едва заметного следа.

Его пройти старалась без запинки.

В пути — то пропасть, то клюёт беда...

Но шаг за шагом тропка стала шире,

И легче показалось мне идти.

Хотелось засветиться в этом мире,

То затеряться и на дно уйти.

Порой тонула я в души болотах,
В них было всё: и чей-то нежный взгляд,
Бывали ненависть, внимание и забота,
Встречался и пороков длинный ряд...

В тяжёлый час — светила искра Божья:
— Не стой на месте, а вперёд иди! —
К себе старалась относиться строже,
Но в перегибах правды не найти.

Когда тебя нет

Люблю тебя сильнее других,
Сильнее себя самой,
Схожу с ума от глаз твоих,
Хочу быть лишь с тобой.

Когда не вижу день, другой,
Всё валится из рук,
Весь мир становится пустой,
Когда не рядом, друг!

День пролетел, и отпылал закат.
По небу разбросала звёзды ночь.
Волшебным пением наполнен летний сад.
Заботы улетела снова прочь...

Глебова Светлана

Урок

Мы учим на Земле уроки
Любви, прощенья, доброты.
И мы уже не одиноки,
Со многими теперь на «ты».

Мы нашей жизнью отвечаем
На этот заданный урок.
И, если что-то не прощаем,
То нас не пощадят в свой срок.

Любить должны мы научиться
Себя и Бога, и людей.
Чтоб от гордыни излечиться,
Совет: «Будь чуточку добрей»!

Любовь не злится и не судит.
И, даже если всё пройдёт,
Не раньте ненавистью, люди,
Пусть доброта в сердцах живёт!

Счастье

Одному для счастья много надо:
Деньги, слава, зависть и почёт.
А другой в труде найдёт награду,
Третьим — подавай что-то ещё.

Где же счастье, в чём его загадка?
Как довольным быть своей судьбой?
Счастлив, если деловая хватка,
Или, если ты нашёл покой?

Быть счастливым можно где угодно,
Даже, если жить в дни перемен.
Лишь собой распорядись свободно,
Был же счастлив в бочке Диоген!

У иного дом — большая чаша,
Денег столько — куры не клюют!
Только счастье между благ не нашёл,
И в душе метель и неуют.

Просто счастье не в вещах снаружи,
А в глубинах сердца твоего.
Счастье — если ты кому-то нужен,
Так смотри же, береги его!

Хочешь ты праведно жить,
Знай, что должно у Бога просить.
Мудрость древняя, тайна веков —
Помолись за друзей и врагов.

Чтобы друг твой был счастьем богат,
Каждой встрече с тобою был рад,
Чтоб враг твой был жив и здоров
И не нашёл бы новых врагов.

А любимая верно ждала,
И чтоб спорились дома дела,
Наши дети цветами росли,
Мы вкушали дары от земли.

Чтоб был мир на земле, благодать,
Вот что нужно всем сердцем желать.
Жить в согласии с Богом хочу
И за это поставлю свечу.

Мы — пылинки в пространстве Вселенной,
Но мы думаем, дышим, живём.
В нашей жизни необыкновенной
Дорожим каждым будущим днём.

Замирая, глядим мы на небо,
Разгадать его тайны стремясь.
Не единым, ведь сказано, хлебом...
С этим небом мы чувствуем связь.

Так спеши оценить всё живое,
Полюбить этот мир поспеши
И тогда тебе Бог приоткроет
Тайны мира и тайны души.

Лестница Иакова

По лестнице Иакова на небо
Восходят ангелы, надежду нам даря.
И живы люди ни одним лишь хлебом,
А это значит, что мы живём не зря.

Законы доброты, Христа заветы
Средь суеты обычной жизни не забудь!
Идя дорогою любви и света,
Быть может, ты по ней пройдёшь когда-нибудь.

Ночной мир

В полночный час всё кажется другим:
Мудрее мысли и яснее звуки.
Мир новорожденный предстал нагим,
К нам протянул доверчивые руки.

Завеса спала с существа вещей
И всё прозрачно, ясно в свете лунном,
И ни один не скажет казначей.
Какой монетой мерить мир разумный?

В глухую ночь Вселенские часы
Отстукивают вечности мгновенья.
Разглядывая звёздные красы,
Душа получит снова исцеленье.

Планеты сходят с правильных орбит,
В космические странствия маня,
И исчезает груз забот, обид,
И вновь готовы мы к приходу дня.

Сенчило Маргарита

Солнечный Северск

Любимый город на серебряной Томи,
Приветствую, люблю и возвещаю —
Стоять тебе века! И мой завет прими,
Я внукам славный город завещаю.

Весной здесь буйствует лиловая сирень.
Восток утрами ал, багрян и золот,
А в жаркий день всегда спасает тень,
Наш Северск будто сад, верней сад-город.

Сегодня солнце в город явно влюблено,
Все в золоте бульвары и проспекты,
Детей целует солнце, вот же, вот оно
На площади театра оперетты!

Ах, милый Северск! Лучше места нет,
Верней нельзя запечатлеть аспекта...
И, если города писать большой портрет,
То краски брать от солнечного спектра!

Северский мотив

Ах, как коротки летние ночи,
Гасит звёзды проворный рассвет.
Северск — это, конечно не Сочи,
И цветущих магнолий здесь нет.

Но тяжёлые гроздья сирени
И душистой черёмухи снег
Лёгкий ветер, упав на колени,
Обнимает, сомлевший от нег.

Я привет передам для влюблённых,
Пусть никто никогда не скорбит.
Средь цветов голубых и зелёных
Вам не знать ни тревог, ни обид.

Останься в юности юнцом!
Душа да убоится холода;
И пусть прослыл ты гордецом,
Но светел день и утро молодо.

Прибавь-ка жара в свой костёр,
Довольно только созерцания;
Твой ум язвительно остёр,
За этой маскою — страдание.

Я наблюдаю за лицом —
Непроницаемость и холодность...
Да вспомни, наконец-то, молодость,
Останься в старости юнцом!

Подругам юности

Схоронили солнце выюги,
Ветер волком подвывал...
Где вы, юности подруги,
Где тот пёстрый карнавал?

Валентина, Вера, Света,
Где вы? Все ли вы у дел?
Кто-то умер, кто-то где-то,
Кто-то сильно заболел.

А, бывало, вы, подружки,
Баловницы, хохотушки,
Подведя дугою бровь,
Звонко пели про любовь.

Ваше лёгкое дыханье,
Ваших вальсов первый хмель,
Обожанья, ожиданья
Видел чувственный апрель.

Вы теперь степенны, строги
И неспешны на ходу,
Но в семье, в делах, в дороге
Каждый день в любом году.

Мне снится по ночам моя работа,
Мои самозабвенные труды;
А наяву — насущная забота,
Старанье избежать любой беды.

С упорством, стойкостью такой успешной,
Запоматовав прежние грехи,
Вдыхая шаловливый воздух вешний,
Я всё ещё пишу мои стихи.

Грустная мелодия рассвета
Задрожит на кончиках ветвей
Кедров царственных и тополей,
Разольётся, осветив полсвета.

Обогреть суровую Россию,
Обласкать безмерность площадей
Сколько ни проси, я не осилю.
Боже, обогрей и возледей!

Я стою на лужайке зелёной.
Край любимый, веками взращённый!
Расскажи, расскажи мне ковыль,
Сказку русскую, горькую быль.

Эти сказки, былины, знаменья —
Справедливости верная суть
И Добрыни Никитича путь,
И святейшей Руси воскресенья.

Сизый дым курчавится в сирени.
Грустно, но легка моя печаль,
Что весна дыханьем-дуновеньем
Уплыла в неведомую даль.

Золотые брови поднимает
Солнце, как и в прежние года,
Землю благодатно обещает
Греть, лелеять, пестовать всегда.

Ясный день: легки, прозрачны тени.
В сердце тлеет сказочная грусть.
Опущу тетрадку на колени,
Затвержу сонеты наизусть.

Изжит февраль и голубеют тени
Деревьев, ожидающих весны.
Снега, что январём вздымались в пене
Смиренно задремали у стены.

И удивлённый дом со сбитой шапкой
Возрадовался солнцу и теплу.
На крыше кот. Он осторожно лапкой
Дотронулся до снега, что в углу

Периодически роняет слёзы;
И с крыши — кляксы, сизые следы.
А в лёгкой дымке марева берёзы
Изумлены отсутствием беды.

Зимарева Татьяна

Перемены

Ох, как меня пугали перемены,
Хоть я — и не из робкого десятка,
И знаю, что житейские проблемы
Решаются, как дроби, без остатка.

А если сердце с разумом не ладит,
Пылает и тревожится сердечко,
То разум сам волнения все сгладит,
И выйду я спокойно на крылечко.

А после — в дверь. Зайду опять в квартиру,
Окину взглядом беглым: «Очень мило...».
И снова подарю улыбку миру.
Судьба опять в меня уверенность вселила.

И снова мне по нраву перемены.
Мой страх исчез. Взбодрились снова мысли,
И верю, будем жить мы без измены
На качественно новом круге жизни.

Жизнь течёт

А жизнь течёт.
Мгновенья исчезают.
Идём вперёд,
А годы — воском тают.

Как всё успеть?
Как сохранить нам силы,
Чтоб многое — «допеть»,
И помнить о могилах,

Погибших на фронтах
Родных своих и близких,
Чтоб помнились века
В Россииobeliski.

Дарите добро

А жизнь и беспокойна, не проста:
И боремся, и стонем, угасая.
Порою нас спасет красота...,
Спасают наши дети, вырастая.

О, люди, отзывайтесь на добро!
Дарите ласки, нежность и улыбки!
Пусть будет в сложном мире всем тепло.
Прощать умейте прошлые ошибки.

Весной

Плывут по небу облака.
Одна.
А я влюбилась в паренька.
Весна!

Звения, бежит, журчит капель.
Апрель!
В моей душе поёт свирель,
Как нежный Лель.

Дворецкий Андрей

Самое Простое

Утешает только самое простое
В пути по серпантину жизненных коллизий.
В душном стойле невезенья на постое
Всё ощущается отчётливей и ближе.

Не отвергаю, может, ошибаюсь я,
Но знаю, в частых сменах бури и покоя,
Средь передряг и неурядиц бытия,
Нас утешает только самое простое.

Глоток воды, дрожащий в мраке, свет свечи,
Дождя дыханье, шелест трав и птичий гомон,
Ребёнка смех, блеск звёзд, затерянных в ночи,
Журчание ручья, вдали — раскаты грома.

И сразу вдруг как по канонам волшебства
Преображается картина мира вскоре,
Бушует пламя жизни, факел торжества...
За то тебе спасибо, самое простое!

Малышев
Юрий

Стирает минувшее память

С заботой и нежностью кроткой
Люблю свою малую Русь:
Деревни, луга и околки
За их молчаливую грусть.

И те босоногие дали,
Тот ветхий родительский дом,
В котором мы всё повидали,
Познали пуд лиха почём.

Кто ведал, какую обиду
На власть ту крестьянин имел?
Рабом его сделали, быдлом,
Уйти из колхоза не смел.

Батрачил на ниве колхозной,
Ярмо своё рабское нёс,
И окрик висел над ним грозный,
Чтоб знал своё место, как пёс.

А кто переступит те грани,
ГУЛАГ на пороге вставал.
В телеги садили и сани,
Везли из Петровки в Централ.

А в фильмах всюду распевали
В столь радужных красках взалёб:
«Родной и любимый наш Сталин
Нас верной дорогой ведёт».

Стирает минувшее память,
А новые прихвостни тут
По — прежнему время то славят,
Как сети, интриги плетут.

Матери

Село родное за горами,
Где годы юные прошли,
Пусть ветхим стал домишко мамин,
Но он — клочок родной земли.

Изба родная! Возвращенье!
От слёз сдержаться не могу.
Прошу у матери прощенья,
Что в вечном я пред ней долгу

За то, что в бедности вскормила,
За то, что выжить помогла.
«В тебе откуда столько силы?»
Она ответит: «От земли.

К родимой матушке-земельке
Я пуповиной приросла,
И мне простой крестьянской девке
Такую долюшку дала:

Косить траву и жать пшеницу,
Снопам пудовым вязать,
Взбивать цепами чечевицу
Весною — полюшко пахать.

Чуждаться мы любой работы:
Мужской иль женской не могли.
На наши плечи заботы
С рожденья, кажется, легли.

Всю жизнь как будто бы в горнило
Мехами дули мы сполна.
На всё тогда хватало силы.
На то и молодость дана...»

И потому при возвращенье
От слёз сдержаться не могу,
Прошу у маменьки прощенья.
За то, что я пред ней в долгу!

Снова манит рассвет меня в горы.
Там за Сылвою воздух пьянит,
И в Кишертские чудо-просторы
Детство тянет, как будто магнит

У околицы этой я вырос,
Пуповиной к ней напрочь прирос,
Примеряя штанишки на вырост,
Мог ли думать, какой будет спрос.

Хоть на миг, но я все же приеду,
Если детство зовёт и зовёт...
По последнему даже пусть снегу,
А иначе душа не поймёт.

Наши годы, как вихри несутся
С каждым годом быстрее и быстрее,
В понедельник лёг спать, а проснулся —
Воскресенье уже на дворе.

Может, в этом повинны мы сами,
Всё куда-то спешим и спешим,
А ведь время бежит вместе с нами,
Стало быть, на него не грехи.

Как узнать, где причина таится?
В чём скрывается этот секрет?
Может шар стал быстрее крутиться
Или солнце добавило свет?

А, пожалуй, виной тому — стрессы,
В бурном веке мы бурно живём,
И находимся, словно под прессом
Информации той, что несём.

Овсяников Владимир

Маме

Ты опять идёшь тропой хоженной
Память, точно сено, ворошишь.
Твоё детство, отрочество ожили
И зовут туда, а ты молчишь.

А в глазах твоих — тоска зелёная,
Жизнь была не сахар и не мёд.
И войною юность опалённая,
Сердце не покинет, не уйдёт.

Не брани судьбу свою тяжёлую,
Что досталась, мамочка, тебе.
Лучше улыбнись и будь весёлою,
Сделай праздник, милая, себе.

Преврати свой дом в покои царские,
Да сама наряды приодень.
Пусть серёжки, как огни бенгальские,
Засверкают на тебе в тот день.

Мой город

Может, есть на свете край красивей,
Но мне этот нравится, пойми.
Малый уголок большой Сибири,
Город Северск, сын «седой» тайги.

Молодой, зеленый, величаво
Он стоит на берегу реки,
Словно богатырь былинный, браво
Устремил свой взгляд из-под руки.

Руки у моей жены —
Просто золотые!
Им команды не нужны,
На работу — «злые».

От зари и до зари
Трудятся, порхают,
Словно автомат они,
Устали не знают:

Постирают, пыль сотрут,
И полы помоют,
Все растения польют,
Грядочки прополют...

А на кухне — мастера!
Даже фантазёры.
Всё готовят — на «ура».
Хоть сейчас в призёры.

Михайлова Нина

Не судите меня

Не судите меня, люди добрые, строго,
Что забывчивость стала подругой моей.
Уже 70 лет предо мною дорога
По неровной судьбе среди рек и полей,

Средь оврагов и гор, по морям, в поднебесье,
Мимо разных событий, что как берега,
Я в потоке людей. Рядом знаки и вести.
И куда-то несёт меня память-река.

Оглянувшись назад, я не всё вдруг увижу,
Что—то скрылось в тумане, а что—то ясней.
А порою мне кажется, будто я слышу
Голоса тех далёких безоблачных дней.

Я хочу зацепиться за что-то большое,
Чтоб не так торопливо мне с водами течь,
Ещё раз хоть на миг увидеть бы такое
Место наших прогулок и радостных встреч.

Но туда не несут волны воспоминаний,
Лишь пятном среди многих событий и дат,
Поворотов крутых или тихих страданий —
Каждый миг промелькнувший, был чем-то богат.

И сей миг, где меня вы послушать готовы,
Наполняет поток уносящихся дней.
Это радость и грусть. И уже всё не ново.
Только стало потребностью жизни моей.

Рождество

Ах, как ярко сияют звёзды!
Звон морозный, кругом торжество!
Никогда нам не будет поздно
В душах праздновать Рождество.

Ловим взглядом и разумом Вечность,
Славим Бога, что в мир принёс
И божественность, и человечность,
Наш Спаситель Иисус Христос.

Вот в такой же торжественный вечер,
Может быть через тысячу лет
Кто-то так же поймёт, что вечен
Божий разум. Другого — нет,

Ромашов Анатолий

Любимый край

Сибирь — краса, таёжные массивы,
А в них — медведи, лоси, глухари...
Озёра, реки, города красивые,
Богатый край тут, что ни говори!

Условия суровы, несомненно.
Зимой мороз бывает — сорок пять.
Сибиряки закалочки отменной,
Их никому ничем не испугать.

Тут нефть и газ добудут для народа,
Даров Сибири хватит на века.
Свои богатства дарит всем природа,
И взоры к нам не зря издалека.

Наш край богат талантами и славой.
Мосты возводим, строим города.
И никогда Сибирь не будет слабой,
Без песен жить не будет никогда!

«Могущество России непременно
Сибирью нашей будет прирастать».
Российская жемчужина — бесценна,
Любимый край, ты — Божья благодать!

Шабанова Вера

Россия

Зашуршала листва золотая
Под ногами прохожих в саду,
В перелёт собралась птичья стая,
Только я улететь не могу.

Не влекут меня дальние страны —
Я родную сторонку люблю.
И всё время мне кажется странным,
Как её позабыть я смогу.

Незловиво, скорее любовно,
Бабы суд свой над жизнью вершат:
У колодца с водою студёной
О делах всей страны говорят.

Не забыть белоствольных берёзок,
Переклик петухов по утрам,
Серебристых росинок-слёзок —
Всё на свете за это отдам.

Деревенских домов опустевших,
Душу мне бередивших не раз,
Труб печных, от дымов почерневших,
И заборов, пустившихся в пляс.

И туман над болотной трясиной,
И рассветная в небе заря —
Та земля, что зовётся Россией,
Прорастает корнями в меня.

Первый прыжок

Сыну моему Ивану, служившему в ВДВ

А берет голубой десанта
Не у каждого право носить.
Перед первым прыжком, ребята,
Не мешало б сейчас закурить.

Всё проверено тысячу раз,
Холодок проник в мою душу.
Лейтенант повторяет приказ.
Не волнуйтесь. Прыгну. Не струшу.

И, услышав команду: «Пошёл!»,
В люк бросаюсь вниз головой,
Вдруг толчок. Я глазами нашёл
Парашюта шёлк надо мною.

Небо встретило с лаской меня,
Уплывают страхи в сторонку,
А кругом синева, синева,
Парашюты друзей вдогонку.

А внизу и равнины и лес,
А вокруг синева такая!
Мы впервые спустились с небес,
Принимай нас, земля родная!

Сибирь

Сибирская земля родная,
Просторы без конца и края,
Здесь сосен корабельный лес
Стволами рвётся до небес.

Срывает нежно лось-красавец
С деревьев осени багрянец,
И где-нибудь в глуши лесной
Токуют глухари весной.

А клюква капелькой крови,
Той, что пролили глухари,
Весной, сражаясь за любовь,
Во мху осеннем вспыхнет вновь.

Кто здесь ходил, топтал тропинки,
Срывая с веток паутинки,
В глухой болотистой тайге
Затёсы делал на стволе?

Геолог ли свой след оставил,
Охотник ли капканы ставил,
Иль крался зверь лесной тропой,
Ища заветный водопой.

Всё тайна здесь. Тайга горазда
Хранить в веках свои богатства
И, словно жадный Черномор,
Не отдаёт их до сих пор.

Снега, морозы, да метели
В наряды белые одели
Поля, деревья и кусты
В безмолвьи дикой красоты.

Я вернулась

Изменилось родное село,
Из груди моей рвутся рыдания.
Ты куда моё детство ушло?
Я вернулась к тебе на свидание.

Торопилась я взрослою стать
И из детства сама убежала,
А когда я вернулась опять,
Моё детство меня не узнало.

Дома отчего нет и следа,
И кругом незнакомые лица.
Пронеслись надо мною года
Как летит птичьих стай вереница.

Тишина

Только солнце устанет,
Тронет краешком лес,
Тишина вдруг слетает,
Нисходя к нам с небес.

Ветерок утихает,
Ароматом трав пьян,
Птичий гомон смолкает,
Воздух душен и прян.

Это быть или небыль,
Толь живу на земле,
То ли облаком в небе
Я плыву в тишине?

Тишина, как искусство,
Всё поймёшь, не спеши,
Это музыка чувства,
Состоянье души.

Как часто мы, не замечая
И не подумав, что творим,
Друг друга раним мелочами —
Слова обиды говорим.

А как хотелось бы, чтоб каждый
Задумался хотя бы раз,
Примерив на себя однажды,
Свои слова, что ранят нас.

Перед грозой

Дует, дует ветер, ветер штормовой,
Деревца склоняет гибкою дугой.
Старенький вдруг тополь глухо застонал
И под шквалом ветра тяжело упал.
С криками вороны вверх стрелой взвились,
Закружились в вихре и умчались ввысь.

Дальние раскаты слышатся порой.
Молния сверкает где-то за рекой.
Разразись, стихия, грозovým дождём,
Чтобы кровь играла молодым вином

Кононенко Нина

Душа грустит

Отчего душа грустит?

Я её не обижаю.

То скулит, а то молчит

Может, плохо защищаю?

Из души ушёл покой.

Сил в достатке не имеет,

Знать, от грубости людской

Просто-напросто слабеет.

Передать бы грусть в словах,

Описать мечты стихами,

И душа бы на крылах

Понеслась за облаками!

Туман

Туман за окошком пушистый и мягкий,

Закрыв все картины, спокойно ему.

Не видно мне осени жаркой и яркой,

Подвластна округа ему одному.

Но солнышко правит над нами и вскоре

Растопит туман и свернёт его шаль,

Увидим пейзаж горизонта и море,

И в красках волшебных покажется день.

Расторгуев Николай

Моя гитара

Сирень цвела и распускалась вишня,
А на гитаре струны порвались.
Хотел спеть песню... Ничего не вышло,
Слова умчались все куда-то ввысь.

Я на подруженьку не стал браниться,
Она, ведь, душу чувствует мою,
Не спит ночами, если мне не спится,
И плачет, вторя сердцу моему.

Меня жалея, струны стонут в плаче.
Порой не тем мы сердце отдаём.
Так хочется, чтоб было всё иначе,
Но вновь мечтой пустою мы живём.

За тридевять земель мы счастье ищем,
А счастье с нами рядышком идёт.
Бездумно превращаем в пепелище,
Ему нехвати предъявляя счёт.

Жизнь, как стрела, как море и как суша,
Всё бrenно в этом мире, спору нет.
Как жить она подскажет, только слушай
И обязательно найдёшь ответ.

Да здравствует любовь

Зима сокрыла в белых покрывалах
Сердца и души наши, и любовь.
Я жду весну, её рассветов алых,
Твоей любви, как синих васильков.

Вновь ручейки проснутся озорные
И запоют про вешнюю любовь.
Всё будет так, как было бы впервые...
К любви, как к чуду, сердце приготовь.

Река проснётся и, ломая льдины,
Привет тебе, любимой, принесёт.
Откроются чудесные картины
Природы, что весною оживёт!

Увидим, как целуются на крыше
Голубка с голубем среди цветов.
Я закричу, любимая, услышишь?
Весна пришла! Да здравствует любовь!

Пусть поскорей оттают наши души,
И радостью наполнятся сердца.
Весна поёт! Не затыкайте уши,
Пускай любовь бушует без конца!

Пускай дарует каждодневно радость
Живой водой из чистых родников,
Тепло души оставшуюся малость
Раздует пламя жаркое нам вновь.

Я каждой клеткой ощущаю снова,
Что жизни смысл совсем небестолков.
Весна расплавит зимние оковы
В душе моей. Да здравствует любовь!

Дождик

Мне сегодня почему-то
Снился дождик золотой,
Вместе мы бежали утром:
Я — с рассветом, ты — со мной.

Под дождём всё улыбалось,
Улыбались и цветы.
И на миг мне показалось,
Дождь весенний — это ты!

Стало небо улыбаться,
Вышла радуга-дуга...
Захотелось мне остаться
В этой сказке навсегда!

Пусть бы капельки сверкали,
Наземь падали, звеня,
Песней душу удивляли,
Сердце радостью пьяня.

Чтоб никак не мог напиться
Этой благодатью земной.
Пусть мне вечно будут сниться
Дождик, солнце, ты со мной!

Лубкина Надежда

Мой город

Люблю я старых городов
В веках загадочную душу,
Старинных улиц и домов
Ночной звенящий голос слушать.

Не довелось родиться мне
Ни в Питере, ни в Ярославле,
В суровой нашей стороне
Не их в строках своих я славлю.

Мой город молод, угловат.
По нашим меркам он подросток,
Немного, может, маловат,
И называется он просто.

Люблю я сосен аромат,
Берёзок белую аллею.
Приехав много лет назад
Сюда, об этом не жалею.

Свежеет воздух у реки,
Туман белеет на рассвете,
Идут с уловом рыбаки,
Гуляет непоседа — ветер.

Всё впереди. И жизни свет
Твою дорогу озаряет,
Прекрасных много зим и лет
Тебе, мой город, обещает.

Уголок детства

Как часто в мыслях возвращалась
Я в детства милый уголок.
Так незаметно жизнь промчалась,
И вот он вновь, родной порог.

Здесь день казался бесконечным,
Где я когда-то родилась.
С единственным на свете местом
Незримая осталась связь.

Чужие люди, судьбы, дети...
Не встретишь здесь знакомых лиц.
Лишь также слышно на рассвете
В лесу соседнем пенье птиц.

И вдруг я вижу — под окошком,
Едва заметно средь травы
Белеют многолетки-флоксы,
Что с мамой посадили мы.

Довыденко Алевтина

Медовый запах

Медовый запах гуще, гуще
От разнотравья и лесов,
И тот нектар порой цветущей
Дурманить душу мне готов.

Иду, хмелею и пьянею
Природной фабрикой духов.
Берёзы рядышком белеют
На фоне серых облаков.

Под горку. Там — родник играет.
Стою и дышится легко.
Мне свежесть сердце наполняет,
И грусть уходит далеко.

Люблю я край, родной и милый!
Краса и запахи пьянят.
Черпаю я в природе силы
Не год, десятки лет подряд.

Сколько троп за спиною и сколько дорог,
И не меньше ещё впереди,
И всегда мне надежды светил огонёк,
Вот и легче мне было идти.

И живу на земле я, пожалуй, не зря.
Ведь делилась куском и добром,
И тепло из души отдавала друзьям,
А любовь — приносила в свой дом.

Родительский дом

Улетели птенцами давно из гнезда,
Распроставшись с роднёй на пороге,
Унося в своём сердце огонь очага,
Взгляд родительский добрый и строгий.

В отчем доме своём в недостатке росли,
В сельской школе писать нас учили,
И добро и тепло материнской груди
В сердце мы навсегда сохранили.

Годы быстро прошли, отзвенели ручьи,
Там осталась роса луговая,
Только память о родине малой храним,
Как младенца к себе прижимая.

Берег детства

Ты мне снишься, берег детства
Очень часто по ночам,
Рвёшь мне душу, ранишь сердце,
Делишь мысли пополам.

Дорог край мне будто прежде
У высоких тополей,
И безвременно ушедших
Имена родных – милей.

Разлилась родная Кама,
Затопила все луга,
И оставила на память
Море в новых берегах.

А была красивой, строгой
Синеглазая река,
Дочь царицы русской — Волги,
Ты нас с детством босоногим
Повенчала навсегда.

Судьба

Благодарю тебя, судьба,
Что не всегда строга со мною,
Что не препятствуешь мольбам,
Когда встречаюсь я с зарёю.

И как тебя не назови:
Злодейкой, радостью земною,
Бунтуешь ты в моей крови,
Когда тебе мечты открою.

С рожденья до седых волос
Идёшь, как тень, со мною рядом,
Свидетель радости и слёз,
Порой — «командуешь» парадом.

Но не кляню я сгоряча
Мне Богом данную судьбину,
У нас с судьбой — один очаг,
Мы жизни пишем с ней картину.

Остановить бы время
Остановить бы время на мгновенье!
Всего б на миг один остановить,
Чтоб жизненных дорог переплетенье

Не смогло бы в омут угодить.
Куда бегу я, время обгоняя?
Как будто клад спешу в земле отрыть,
И ничего вокруг не замечая,

Забыв, что жизнью надо дорожить.
Гляжу, а жизнь с годами тает.
Сложны дороги наши и круты.
Надежды нас в дороге согревают,
И на крылах несут порой мечты.

Арсенова Людмила

Родной город

Так дорог пейзаж наш неброский!
Я Северск люблю дорогой.
Мне песни слагали берёзки,
Склонившись над Томью-рекой.

Я выросла в городе нашем
И здесь повстречала любовь.
Нет места роднее и краше...
Я тёща уже и свекровь.

Здесь внуки мои подрастают,
И дети по жизни идут,
Мне жить и любить помогают.
И радость, и горе — всё тут!

Мне здесь все тропинки знакомы
И сквериков старых уют...
Как пышно весной возле дома
Простые ранетки цветут!

Родина дороже

Не хочу ни в Париж, ни в Майями,
А хочу очутиться на Каме!
На заре посидеть у реки,
Где от солнца в воде огоньки.

Порыбачить на удочку всласть,
Чтоб попался большущий карась.
А потом обязательно в поле,
Надышаться там травами вволю,

Да клубничный вдохнуть аромат,
Для здоровья – могучий заряд!
Мне дороже красот на Майями
На лугу есть клубнику горстями!

Смена

С иголки одеты,
И форма им к лицу,
Российские кадеты
Шагают на плацу.

Не понаслышке знают
Слова: долг, совесть, честь...
Девчоночки вздыхают:
— Какие парни есть!

От них не ждут измены.
Любуется народ:
Достойнейшая смена
Для Армии растёт.

Кутергина Людмила

Бог рассудит

Спросить вас хочу, «кукушки»:

Ночами спокойно спите?

Иль в кабаках, свистушки,

Всё «папиков» веселите?

Я вас осуждать не в праве.

Живите, «родные» в мире.

Но как мне хочется, твари,

Вас сделать мишенью в тире.

За то, что лишили детства,

За то, что не знала ласки.

Позорное ваше бегство

Хочу я придать огласке.

За то, что боюсь роддома,

Ребёнка родить не смею.

Воспитанница детдома

Любить совсем не умею.

Рыдаю часто ночами.

Что делать, скажите люди?

Пойду, подумаю в храме.

А дальше...

Пусть

Бог

Рассудит!

Современный мир глазами детей

*Работая с детьми, всякий раз убеждаюсь,
что дети — это не только наша работа, но и наша радость
(от автора)*

Прививка против полиомиелита

Иду по детской поликлинике, навстречу со второго этажа спускается крепкая рослая девочка лет шести, следом идет её папа. Девочка поет:

— А-а-а! — слез нет, лишь нарочито звучит её завывание.

Отец, видя, что на них обращают внимание пациенты, пытается, чтобы она замолчала:

— Чего ноешь, не укол же делали?!

Девчушка ещё громче:

— А-а-а!

Мужчина уже с раздражением:

— Подумаешь, капли в рот закапали. Не больно же!

На что девочка с болью и обидой выдаёт:

— Да! Тебе бы так!!!

Мужчины, пожалуйста, жалейте своих женщин, даже если с вашей точки зрения причин для этого нет. Они просто лишний раз хотят убедиться, что вам дороги. Ведь не зря в старину говорили: «Жалеем, значит любим».

Помощник

В больнице сломался лифт. Повесили табличку для пациентов с информацией, что лифт временно не работает. Этажа всего три, поэтому особых проблем нет, тем более обещанная техническая помощь должна подойти через пятнадцать минут.

Прохожу по коридору и вижу такую картину: возле лифта стоит мальчик (лет шести) и тактично, хорошо поставленным голосом говорит всем, кто поравнялся с ним: «Лифт не работает. Поднимайтесь, пожалуйста, по лестнице» — и жестом указывает на дверь, ведущую на лестницу. Маленькие пациенты и взрослые с детьми улыбаются, благодарят мальчика и следуют его указаниям. Он, сознавая свою значимость, в ответ кивает им головой, принимая их благодарность.

Глядя на это, невольно улыбнулась и я. Настроение улучшилось и, кажется, даже усталости поубавилось.

Спасибо родителям, которые вкладывают в воспитание детей уважение, тактичность и не равнодушие к окружающим их людям. Ведь всё, что ребенок делает, он берет в первую очередь из семьи.

Маленькая женщина

Прохожу по палатам с обходом, в одной из которых мама читает журнал, а маленькая девочка сидит ко мне спиной на тумбочке и смотрит в окно. Услышав звук открываемой мной двери, девчушка поворачивает голову, чтобы посмотреть, кто вошел и чуть не падает с тумбочки. Я, испугавшись за неё, успеваю её поддержать со словами:

— Не упади!!!

На что она, глядя на меня, вдруг восхищенно выдаёт:

— Какие у вас шикарные очки!

Не ожидая от малышки такой взрослой реакции, я рассмеялась:

— Спасибо, дорогая.

Девчушка кивает головой, принимая, как должное, мою благодарность, и идет к маме.

Будущая женщина, даже такая маленькая — уже женщина.

Комплимент

На лечении в стационаре находятся кадеты. Им, наверное, скучно. Объявлен карантин по гриппу, и посещения извне ограничены. Проходя мимо процедурного кабинета, слышу голос одного из кадетов в мой адрес. Он звучит не пошло, не вызывающе, скорее комично:

— Я-то думаю, что так светло стало? А это от вашей красоты! Второй кадет, смеётся, ожидая, мою реакцию.

Понимаю, что мальчишкам просто хочется пообщаться, поддерживаю их шутливый тон, благодарю за комплимент. Они смеются довольные. Я, продолжая, движение по коридору с улыбкой думаю: «Юмористы! Оттачивают на медперсонале свое умение флиртовать с девушками. Особенно, если учесть, что у всех медсестер видны только глаза, остальную часть лица скрывает медицинская шапочка и респиратор, а у меня еще и очки».

Если эти будущие военные научатся говорить своим любимым женщинам красивые комплименты, то наша (хоть малая) заслуга в этом имеется.

Королева в желтых тапочках

Мимо меня по больничному коридору на процедуры идут мама с ребенком. Девочка лет четырех одета в ярко желтый костюмчик и такого же цвета пушистые тапочки. Волосы собраны в два забавных хвостика. Я, не удержавшись, улыбаясь, произношу: «Это кто такой красивый у нас?» На что маленькое создание, делая вид, что не слышит меня, распрямляет плечи, задирает нос и, проплывает королевой. Мы с мамой ребенка понимающе переглянулись, и они зашли в физио-кабинет.

Уже с малых лет каждая девочка согласна с выражением «Все люди, как люди, а я — королева»!

Мир вашему дому

Вступление ведётся от первого лица.

(Примечание автора)

Нет, людям вовсе не пристало

От горя делаться черней.

И как бы жизнь не отхлестала —

А надо, надо быть сильней.

С. Островой

Если открыть толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремова, то вы узнаете, что «идиот» — это тот, кто страдает врожденным слабоумием, либо в разговорном языке употребляется для характеристики человека глупого, дурака, или можно употреблять, как бранное слово. В толковом словаре С.И. Ожегова, которым мы все пользовались со школьной скамьи, определение, точно такое же, так, что разницы никакой, если рассматривать применительно ко мне.

Слово «идиотка» я слышала от пьяного отца всё детство и юность чаще, чем собственное имя. Причиной тому было то, что я не приносила ему тапочки, не подавала пиво из холодильника, не давала обижать маму, которая всегда оказывалась крайней, обвиняемой во всех смертных грехах, и собаку Тузю, которая вечно путалась у него под ногами. Мне доставалось меньше других только потому, что моей прыти мог позавидовать любой иноходец, и, несмотря на «идиотизм», моя смекалка работала, будь здоров, поэтому найти меня развоевавшемуся папаше не удавалось, как бы он не старался. От чего его брань слышалась ещё громче, доносясь, наверное, до самого лесного массива, пугая бродячих собак. Они единственные никак не могли (в отличие от соседей) привыкнуть к пьяному «рыку» моего папочки. Поэтому, думаю, меня никто не осудит, что достигнув совершеннолетия, я сбегала из рабочего поселка в город, надеясь перехитрить судьбу. Поскольку имя Татьяна для меня звучало гораздо приятнее, чем «идиотка».

А еще, хотелось доказать маме, утверждавшей: «Судьба — это таинство, известное только Богу», что мы еще посмотрим, кто — кого. Я — судьбу или она — меня.

Если я — деревенская девочка думала, что вырвалась из пут судьбы, то это было юношеской наивностью. Пришлось столкнуться с такими трудностями, о которых я и не подозревала! Тому, кто попал из провинции в город и чего-то в жизни добился объяснять не нужно. А я добилась: квартира в центре города, собственная процветающая юридическая контора, имя — наконец. «Татьяна Оттовна» — и не иначе. Хвастаюсь — нет! Простая констатация факта.

Да, вот ещё: не хотелось вспоминать, но если уж быть честной с самой собою, то в этой «радужной» картине есть момент, когда у меня, молодой девчонки совсем не осталось сил на борьбу за лучшую жизнь. Я не нашла ничего более умного, чем пойти на центральный мост и свести счеты с моей никчемной жизнью. Мне это почти удалось, но неожиданно цепкие руки бомжа, непонятно откуда взявшегося в этот час, не дали совершить задуманное. «Идиотка!!!» От такого знакомого с детства окрика и от той вонь, которая исходила от его одежды, вмиг протрезвел мой затуманенный разум. Удерживая меня за воротник куртки, бомж почти выдохнул мне в лицо: «Никогда не грехи, плохо думая о том времени, в котором живёшь»*. Потом, когда дела мои пошли в гору, я долго пыталась найти этого человека, подключив все свои связи (они у меня, как вы понимаете, не малые), но нам не суждено было больше встретиться.

После смерти родителей я осталась совсем одна. Первым ушел отец, мама пережила его всего на несколько месяцев. Сейчас, по прошествии времени, вижу, какая в маме была внутренняя сила. Прожить такую нелегкую жизнь, не озлобиться, не спиться, не бросить отца, ухаживая за ним до последних его дней. Мне её очень не хватает все эти годы. Милая моя мамочка, жаль, что ничем не успела порадовать тебя при жизни.

Прости, даже внука ты не увидела.

А вот теперь мы подошли к самому главному мужчине моей жизни — сыну Святославу...

*Позволю себе вмешаться и повествование следующей части
рассказа взять на себя.*

(Примечание автора)

Татьяна принимала душ, с удовольствием разглядывая свое округлившееся тело. Как она хотела поскорее прижать к себе крошечное создание, которое, как две капли воды должно (она в этом не сомневалась) походить на мужа Валерия, которого женщина не просто любила. Она его боготворила. Супруг выполнял все прихоти беременной жены и буквально носил её на руках. Вот и сейчас Валера позвонил, что едет и скоро его любимая получит сюрприз, о котором мечтала всю жизнь.

Выходя из душа, запахивая с трудом сходявшиеся на животе полы халата, Таня услышала звонок телефона и вдруг ощутила противный холодок, пробежавший по спине. Сама того не осознавая, женщина в буквальном смысле схватила трубку... Она так и сидела, прижимая телефонную трубку к щеке, не замечая гудков, не видя ничего вокруг.

«Есть ли Бог на свете? Его нет! Если б он был, то наверняка не допустил бы гибели её мужа. Или хорошие люди и Богу нужны?». Так думала Татьяна, и уже не плакала, а просто смотрела в одну точку. Затем вдруг начала судорожно вытаскивать с балкона лыжи, на ходу одеваясь. И вот она уже на лыжне. Скорость заглушала боль в душе и крик, который вырывался из груди обезумевшей от горя женщины. Быстрее, еще быстрее! Нужно лишь от всего этого убежать и кошмар прекратится. Но кошмар только начался! На очередном спуске со склона Таня кубарем покатилась вниз, отчетливо услышав хруст ломающейся кости. Нога как-то неправдоподобно выгнулась, и тело пронзила резкая боль, перекрыв дыхание. Сил хватило лишь на то, чтобы издать единственный душераздирающий крик: «Помогите!».

Надежды на то, что её кто-нибудь услышит, было мало, потому что за все время, пока она бежала, ей не встретилась ни одна живая душа. Стараясь дышать через раз, и не шевелиться, чтобы не тревожить травмированную ногу, Татьяна осознала весь ужас своего поступка. Если она и не замерзнет, то уж ребенка (единственное, что осталось ей от любимого человека) потеряет точно. «Идиотка! Какая идиотка! Отец, ты был тысячу раз прав!» Словно в подтверждение её мыслей ребёнок запаниковал. Живот ходил ходуном, причиняя неимоверную боль, которая откликалась в каждом уголке многострадального тела. «Миленький, но потерпи. Потерпи, мой хороший!» — женщина гладила живот, ласково разговаривая с малышом. Но тот на уговоры не поддавался и, сжав зубы от боли, Татьяна мысленно взмолилась: «Господи, помоги!!!». Казалось, от её немой мольбы дрогнули даже небеса.

«Идиотка! Если самой жить надоело, хоть бы о ребёнке подумала!». Над ней склонился мужской силуэт. Наверное, никогда в жизни эти слова не казались для Тани более родными и необходимыми. Это последнее, что она ясно помнит. Еще несколько раз, кратковременно приходя в сознание, Таня чувствовала, что незнакомый мужчина держит свою теплую руку на её животе, от чего ребенок перестаёт выделять кульбиты и успокаивается. Как спаситель согревает своим дыханием её озябшие руки...

А потом, снова боль, на миг вернувшая сознание — Татьяну переключают на носилки и вносят в машину с красным крестом. И теперь уже врач сокрушается: «Ненормальная, о ребенке бы подумала!». Татьяна кивнула в знак благодарности. На большее не хватило сил. И последний вполне заслуженный «комплимент», который услышала Таня, звучал от возмущенного хирурга: «Как таких дур земля носит?!»

Открыв глаза после того, как вышла из наркоза, Татьяна почувствовала странную легкость и с ужасом обнаружила, что живота нет.

Началась истерика! Сбежались все медики, какие были поблизости. А потом случилось чудо. Врач внес малыша, проговорив с улыбкой:

— Знакомься, Святослав — это твоя экстремальная мама.

— Почему Святослав??? — удивилась Таня.

— Так сказал ваш спаситель. Он дождался конца операции и ушел, узнав, что с вами и ребенком все в порядке.

— «Священная слава» — проговорила женщина.

— Что вы сказали? — спросил врач.

— «Священная слава» — это значение имени Святослав. Пожалуй, самое меньшее, чем я могу отблагодарить человека, спасшего нам жизнь — назвать сына так, как он хотел. — Женщина обратилась к хирургу, — я правильно вас поняла, что свои координаты он не оставил?

Доктор с сожалением подтвердил её слова.

Сейчас Святославу тринадцать лет. Он знает эту историю и не осуждает мать.

Вернее сказать по-мужски понимает.

Своего второго спасителя Татьяна больше не встречала, как и первого. Зато чувство благодарности к ним живо и по сей день.

Первые годы после рождения сына Таня никого за мужчин не хотела видеть рядом с собой. Затем усиленно пыталась найти отца ребенку. Но все мужчины были не те и не то. И она отказалась от своей затеи. А у мальчика сейчас период, когда необходима именно мужская поддержка. Всё, что могла, она давала сыну, не доставало лишь любви отца. Хотя иногда ей казалось, что эти мысли её беспокоят больше, чем самого Святослава. Он не чувствовал себя обделенным любовью человеком, или по крайней мере не подавал вида. Когда Татьяне нужно было мужское плечо, сын, всегда интуитивно чувствуя это, оказывался рядом. А если по вечерам мальчик уходил в спортивную секцию или к друзьям, то прекрасно знал, что мама найдет, чем заняться в его отсутствие.

Таня действительно не страдала от одиночества. Она любила, укрывшись мягким пледом окунуться в мир поэзии и прозы или, надев спортивную форму позаниматься в домашнем тренажерном зале. У неё ещё было одно увлечение жизни (кроме злополучного лыжного спорта), но об этом чуть позже.

Сегодня Татьяна Оттовна, после длительных уговоров близкой знакомой Алевтины, решила, по её словам, на авантюру и отправилась на расстановку по Хеллингеру. Верить или нет, она обдумает позже, но если Алле это помогло в жизни, то какая разница совпадение или как следствие, главное — результат.

Перед тем, как пойти, Татьяна пересмотрела по Интернету множество съёмок расстановок, чтобы определиться с тем, какую проблему заявить.

Она не будет открывать душу перед посторонними людьми и собирается сказать о себе буквально несколько слов. Проведя самоанализ, Таня заявила проблему отсутствия в её жизни спутника жизни, предположив, что, скорее всего это связано с отношением с отцом.

После того, как Татьяна озвучила свою проблему, в зале началось «театральное» действо. Участники группы пытались что-то непонятное изобразить, чем добавили Тане ещё больше скепсиса в отношении к этому абсурду. Но, каково же было удивление (даже изумление) Татьяны Оттовны, когда, человек, представлявший в расстановке её отца, заявил, что он не может понять почему ему все время хочется говорить на немецком языке? Он, по всей видимости, заливал спиртным боль потери Родины, сквернословит, дерется, но ничего поделать с собой не может. Его не понимает никто! Значит, пусть страдают вместе с ним. А ещё «отец» злится, что его дочь с малых лет заняла его место рядом с женой. Она «мужчина», который ко мне относится снисходительно, как к никчемному человеку. Даже состязается со мной и, что самое обидное — выигрывает схватку. Поэтому жена меня не понимает, она меня просто не видит.

Рядом с ней есть «мужчина» — наша единственная дочь, которая разлучила нас даже после смерти. С женой общается она, а со мной — чужие люди. Я не помню, когда последний раз видел дочку».

По мере его высказывания, Татьяна Оттовна почувствовала, что её щеки мокры от слез. В зале плакал еще один персонаж — тот, кто в расстановке представлял её саму. Татьяна вдруг четко поняла о чем «говорит отец». Родители похоронены в разных местах.

За могилой мамы она ухаживает сама, рассказывая обо всем, что с ними происходит. А ухаживать за могилой отца она наняла постороннюю женщину, и ни разу сама там не была, отправляя деньги за услуги почтовым переводом.

Ведущая расстановки обратилась к «заявительнице» с вопросом и Тане пришлось признаться, что её отца звали Отто Миллер, и, что она понимает, о чем он «говорит».

Не буду далее вдаваться в подробности этих «разборок», скажу лишь о том, что когда «род» был выстроен «правильно», то ведущая объяснила, что нужно усвоить из увиденного и что нужно сделать Татьяне далее, чтобы решить свою проблему. Слова ведущей расстановку женщины привожу практически дословно. Они звучали следующим образом:

— У папы потеря Родины. Закажите горсть земли с той местности, откуда идет папин род, увезите её на могилу отцу. — Она сделала небольшую паузу. — Вы сами «мужчина», поэтому рядом с вами мужчины быть не может. Муж попытался и погиб в схватке с вами. В ходе расстановки мы «убрали» вас с места, которое вам не принадлежит. Когда будете высыпать землю на могилу папе (а сделать это нужно собственноручно), попросите у него прощение. — Женщина сделала на этом акцент, так как заметила, что Таня отрицательно отреагировала на последние слова.

— Скажите, что перепутали себя с ним. Что сейчас вы знаете это и освободили ему его законное место рядом с вашей мамой — его женой.

А вы, наконец, с радостью начинаете жить своей собственной жизнью. — И, последнее, почему — то вы не задаете вопроса о том, что какой-то мужчина всю расстановку следовал за вами на расстоянии, а сейчас стоит рядом?

Татьяна Оттовна только сейчас обнаружила, что ведущая права. Немой вопрос застыл на её лице. Она видела, что люди, участвующие в расстановке давно всё поняли. Но это они, а она, хоть убей — нет!

— И последнее, — улыбаясь, сказала ведущая, — странно, даже для меня, поскольку вы сказали, что отец вашего ребенка умер, на деле — ваш любимый человек рядом с вами.

— Призрак?! — выдохнула с испугом Таня.

— В том-то и дело, что живее всех живых. Поэтому и странно. Но, извините, больше ничего мы для вас сделать не можем.

Татьяна Оттовна поблагодарила всех присутствующих, понимая, что часть информации нужно будет обдумать в спокойной обстановке, а об остальной чуши она забудет сразу, как только покинет помещение.

Святославу о посещении сомнительного мероприятия Таня ничего говорить не стала, боясь испортить репутацию здравомыслящей женщины. Но вот что вызвало у неё крайнее недоумение, так это то, что после звонка знакомым в Германию с довольно странной просьбой, они ничуть не удивились, а наоборот посчитали, что это правильно. Теперь осталось только пересилить себя и поехать на могилу к отцу.

Танин приезд очень удивил женщину, которой она регулярно отправляла деньги, изредка выслушивая отчеты о покраске оградки, замене памятника и укладке новой мраморной плиты. Валентина Ивановна (так звали женщину) всю дорогу на кладбище молчала,

понимая, что если хозяйка за столько лет сама пожаловала, то случилось что-то очень серьёзное и Татьяне Оттовне сейчас не до разговоров.

Таня действительно настолько была погружена в свои, никому неведомые мысли, что даже не замечала ничего вокруг. Оставшись один на один с могилой отца, она отметила, что не ошиблась в выборе человека, которому доверила ухаживать за этим скорбным местом. Дочь долго сидела, молча, не зная с чего начать, а потом вдруг разрыдалась и, высыпая землю на могилу, никак не могла остановиться, а всё говорила и говорила с ним, с отцом, её папой. Испытывая удивительную лёгкость и родство с человеком, которого ненавидела всю сознательную жизнь. Прощаясь, Таня обещала в следующий раз познакомить его с внуком. На обратном пути домой Татьяна Оттовна заехала в храм, где еще провела какое-то время, поставив свечи за упокой души своих родителей и мужа Валерия.

Дома её встретил сын и, помогая снять плащ, внимательно посмотрел на мать:

— Всё в порядке? Ты какая-то странная.

Таня пожала плечами. — Что значит странная?

— Я бы сказал — умиротворённая. Или как говорит тетя Аля: «Так выглядит человек, который в ладу с самим собой». — Прочитировал Святослав.

— Вроде я всегда такая, — улыбнулась Татьяна.

Сын поддержал её улыбку. — Значит сегодня особенно!

Ночью во сне к Тане «пришла» мама. Она, долго молча «сидела» рядом, а потом так же тихо «ушла», шлейфом за ней неслись, затихая слова: «Я — то — бой — гор — жусь ...». Татьяна проснулась в слезах, но ей было так хорошо и спокойно, как никогда за последнее время. Она улыбнулась: «Я не идиотка. Я — МОЛОДЕЦ!!!»

За событиями последних дней Татьяна не придавала значения дискомфорту в животе, приписывая его разыгравшимся нервам. Сегодня вновь ощутив непонятную тяжесть, она всё же благоразумно записалась на прием к врачу.

Вечером, когда Святослав ушел в секцию, Таня решила посвятить себя своему красавцу, своей страсти. Тому, кто всегда спасал её от хандры или перегрузок на работе. Не буду больше вас томить, речь идет о Suzuki RF400RV. Понимаю, что не женское это дело байки водить, но эта страсть началась с юных лет с купленной Явы на сэкономленные (длительное время и практически на всём) деньги. Есть было не на что, одевалась Таня очень бедно, но в покупке этой красотки отказать себе не могла. Ещё в посёлке, гоняя с мальчишками на всей технике, которую они по очереди уводили у родителей (чтобы «влетало» тоже всем по очереди). Поскольку, обнаружив пропажу, отцы секли их нещадно, но это никого не останавливало, а лишь прибавляло в глазах «не поротых» особого статуса. Именно тогда Таня дала сама себе клятву, что пойдет на все лишения, но мотоцикл себе купит, самый, самый лучший! И она выполнила обещание, когда последняя десятка легла в её копилку. Это был не просто мотоцикл — это была ЖИЗНЬ!

Своему, пусть недолгому, счастью с Валерой, Татьяна тоже обязана Яве.

Именно Валера, удивленный простеньким видом девушки, способной купить по тем временам такой мотоцикл, помог ей его выбрать. Таня присмотрела мотоцикл, будущий муж — её.

Однако более интересная история произошла, когда Татьяна Оттовна, уже имея достаточные средства для покупки более солидной техники, пришла в салон её выбирать. Наверное, молодой сотрудник недавно приступил к работе, потому что, окинув клиентку беглым взглядом, он, приклеив дежурную улыбку, поспешил с видом знатока (что было очень забавно) выдать информацию:

— У нас на выбор несколько классов мотоциклов. Самый идеальный вариант для новичка, тем более женщины (сделав упор на слове «женщины», он остался доволен собой) — это классик! Хорошее мягкое сиденье, попа не будет болеть. — Улыбка молодого человека стала еще лучезарнее от собственной шутки. — У классика удобная сидячая посадка, руль фактически как у велосипеда, а это означает, что таким байком управлять будет очень легко и комфортно, а так же не будет нагрузки на спину как при лежачей посадке у спортбайка. На классике минимум пластика и при падении ущерб мотоциклу сводится к нулю! Из классиков рекомендую Honda CB400, Yamaha FAZER 400 (FZ400), Suzuki Bandit 400, Yamaha XJR 400**.

Татьяна Оттовна, не переставая кивать головой в знак согласия, шла по залу целенаправленно. Продавец, поняв, куда она направляется, изменился в голосе:

— Спортбайк для начинающих крайне не рекомендую! Категорически не рекомендую!

Но покупательница уже не могла оторвать взгляд от этих прорезей по бокам мотоцикла, которые напоминали жабры акулы, придавая ему хищный вид.

Любовно поглаживая «сероголового», Таня начала уточнять:

— 4-цилиндровый, 4-тактный? Мотор с жидкостным охлаждением? Коробка передач 6-ти ступенчатая?

— Да. — Вставил удивленный продавец. — Максимальная скорость 190.

Таня кивнула:

— Мне 150 хватит. Ёмкость бензобака — 17л? Расход топлива?

— При экономном режиме — 2,7л. на 100км; городской режим — 6,45л. — Тараторил сотрудник салона.

Татьяна перебила:

— Меня интересует трасса

— 5л. на 100км, — выдохнул продавец, — зачем вам этот бык. Знаете, какой у него вес?

Татьяна Оттовна улыбнулась:

— 186кг. В поворотах, конечно, тяжеловат вход, приходится сбрасывать значительно скорость и подзаваливать, но справимся. Цена вопроса?

Продавец оживился:

— 4000 долларов.

Покупательница, улыбаясь, проговорила: Да! Еще экипировка, расходники. За удовольствие надо платить! Да, ещё, — обратилась Таня к продавцу, — посоветуйте хорошего специалиста для регулировки карбов.

Парень понимающе кивнул:

— Скажу, только берёт дорого.

Теперь понимающе кивнула покупательница, приготовившись внести номер специалиста в телефонную книгу.

Они расстались вполне довольные друг — другом. Даже сейчас, вспоминая покупку своего спортивного любимца, Таня невольно улыбнулась. Сегодняшние гонки по ночной трассе, окончательно должны освободить голову от событий последних дней. Но вместо того, чтобы почувствовать удовольствие и азарт, как всякий раз, когда она оставалась один на один со своим «сероголовым», у Татьяны Оттовны вдруг сильно закружилась голова, а дискомфорт в животе превратился в сильную боль. Она, развернувшись в сторону города, увеличила скорость. Боясь потерять сознание или на такой скорости не справиться со своим «бычком», Тане пришлось несколько раз проскочить на красный свет. Это, в конце — концов, не осталось незамеченным. Видимо, пробив номер мотоцикла по компьютерной базе, практически в своём квартале Таню поджидала машина ДПС. Боясь, что мотоциклист попытается скрыться, они постарались исключить эту возможность. Похоже, ребята были не в лучшем расположении духа, гоняясь за ней по городу. Татьяна достала бумажник, чтобы показать права и либо объясниться, либо дать взятку. Это уж как пойдёт...

... Ян Сергеевич задержался на работе с квартальным отчетом. Был уставшим и голодным, мечтая поскорее прийти домой, принять душ и перекусить. Но его желанию так быстро не суждено было сбыться. В квартал его внедорожник проехать не мог, там было какое-то ЧП, и ему пришлось, выйти из машины, чтобы узнать надолго ли это.

Оказалось, что два сотрудника не могут справиться с мотоциклистом, который потерял сознание непонятно по какой причине. Спиртным от него не пахло. Ян позволил себе вмешаться:

— Вы что тянете? Скорую помощь вызвали?

— Товарищ полковник, — дежурные, удерживали на руках обмякшее тело мотоциклиста, — скорая в пробке.

Ян Сергеевич, прикинув сколько времени понадобится, чтобы объехать вкруговую, решил, что дешевле обойдется подождать здесь. Оставаться в стороне он не стал, предложив ДПС-никам дорожный коврик, чтобы уложить пострадавшего парня, с удивлением услышав в ответ, что мотоциклист — женщина Татьяна Миллер, и живёт она совсем рядом. Чуть — чуть не доехала.

Машина скорой помощи подошла буквально через 10 минут. Передача мотоциклиста прошла быстро и по-деловому. К сожалению, никакой информации по поводу случившегося присутствующие врачам дать не могли. Мотоциклист потерял сознание раньше, чем они задали ему первый вопрос.

После отъезда кареты скорой помощи, ДПС-ники начали бурно обсуждать, как лучше поступить с мотоциклом и бумажником «экстремалки». Своё дело они сделали, а с остальным возиться не хотелось.

Ян Сергеевич, сворачивая дорожный коврик, стал свидетелем их препирательств. Парней он прекрасно понимал, однако и домочадцев мотоциклиста было жаль.

Они ждут женщину домой и волнуются за её долгое отсутствие. Ян представил себя на месте мужа этой экстремальной женщины и даже поежился, отгоняя от себя возможность такой ситуации с близким человеком.

Наверное поэтому, не смотря на усталость, полковник вновь решил вмешаться, предложив сотрудникам свою помощь. Они с радостью согласились, обменявшись координатами. И, направляясь к своей машине, кинули полковнику «леща», сказав, что у него получится более деликатно, чем у них сообщить семье о случившемся. Ян Сергеевич усмехнулся про себя, отметив как быстро ДПС-ники сориентировались.

Он несколько минут посидел в машине, обдумывая свои дальнейшие действия, затем потёр уставшие глаза, до хруста в спине потянулся, и его внедорожник осветил фарами дорогу. «Главное, чтобы эта женщина не умерла по дороге в больницу. Не хотелось омрачать и без того трудный день» — подумал полковник.

Когда Ян вошел в подъезд дома мотоциклиста, то даже ругнулся. Мало того, что не было света, так ещё и не работал лифт. Пришлось подниматься по темной лестнице до пятого этажа и лишь отсюда до необходимого восьмого всё было ярко освещено. Задержавшись у двери с необходимым номером, Ян Сергеевич ненадолго остановился, чтобы ещё раз проверить, не ошибся ли он с адресом. Не хотелось напугать жильцов чужой квартиры в такое позднее время. И после того, как ошибка была исключена, полковник нажал на звонок. Дверь распахнулась так быстро, будто его ждали. На пороге стоял высокий юноша. Несколько секунд мужчины с недоумением смотрели друг на друга. Странно, но они словно были ранее знакомы или, по крайней мере, когда-то встречались. Иллюзия.

После того, как Ян спросил, проживает ли здесь Татьяна Миллер, парень, с трудом сдерживая волнение, ответил вопросом на вопрос:

— Что с мамой?

Полковник, тоже не ответив на заданный вопрос, произнес:

— Позови, пожалуйста, отца.

Мальчик с раздражением ответил:

— Я единственный мужчина в нашей семье. — И уже более требовательно повторил: «Где мама, что с ней?»

Ян, не ожидавший такого поворота дел, уже более мягко, попросил разрешение войти в квартиру. Хозяин, пропустив человека в форме, закрыл дверь. Ян Сергеевич представился и задал законный вопрос:

— Ты в квартире один и сразу открыл незнакомому человеку?

Мальчик отмахнулся, проговорив с нетерпением:

— Не об этом говорим! Что случилось с мамой? Ни её, ни мотоцикла. — Он с мольбой заглянул в глаза полковнику. — Скажите, что она жива?! — Голос мальчика звенел от напряжения.

Ян, сбросив верхнюю одежду на спинку кресла, присел, набирая номер приёмного отделения хирургии, включил громкую связь. В беседе с врачом выяснилось, что у мотоциклиста аппендицит, перитонит. «Состояние крайне тяжелое, но операция прошла успешно. Женщина спортивная, должна выкарабкаться. Перезвоните завтра, уже смогу сказать более точно. Надеемся на лучшее».

После этих слов Ян Сергеевич скорее почувствовал, чем услышал всхлип и увидел, как побледнел подросток после слов хирурга. Они некоторое время молчали.

О чем думал каждый из них? Гнетущую тишину нарушил полковник:

— Тебя как звать?

Парень откликнулся машинально:

— Святослав

— Что? — в голосе мужчины читалось изумление, недоумение и еще не понятно что. — Может ты еще и Стрелец?

От бури эмоций полковника мальчик вздрогнул и даже слегка отодвинулся от него, но согласно кивнул:

— Да, я родился в ноябре.

Ян поспешил извиниться за свою несдержанность:

— Прости, прости. Это я о своём. Тебе сейчас нельзя оставаться одному, да и я буду волноваться. Собирайся, поехали ко мне. Перекусим и отдохнем, а утром позвоним в больницу. Ты же понимаешь, что со мной врачи будут разговаривать несколько по иному, чем с тобой. Что думаешь?

— У меня кроме мамы никого нет. Я не могу её потерять! Мне нужна ваша помощь, — проговорил после некоторого раздумья Святослав.

— Вот и славно. Идем. У меня тоже был нелегкий день, и меня дома тоже уже давно ждут, — сказал полковник.

Парень помедлил, но все-таки задал несколько щекотливый вопрос:

— Ваша жена не будет против моего присутствия?

Ян понимающе кивнул головой. — Не волнуйся. Жены нет, а мама поймёт. За столько лет привыкла к моей непредсказуемости. Нам еще ваш мотоцикл пристроить надо.

Фаина Александровна (мама полковника) действительно не подала вида, что удивлена или недовольна. Женщина приготовила им ужин и тактично ушла смотреть телевизор, оставив мужчин одних. Они ели молча, но Святослав отметил, что не чувствует напряжения, находясь рядом с этим серьёзным человеком. Наоборот, от него исходили надежность и спокойствие. И если полковник сказал, что у нас грамотные хирурги и всё будет хорошо, то так оно и будет. Мальчик еле слышно вздохнул и не заметно для себя уснул прямо за кухонным столом. Ян Сергеевич смотрел на него с отеческой любовью, понимая, насколько этому юному мужчине тяжела ноша хозяина семьи. Но ничего не поделать. Такова жизнь.

На следующее утро Ян сразу позвонил в больницу. Состояние Татьяны улучшилось, и в понедельник её разрешили навестить. Святослав заметно повеселел и с удовольствием позавтракал. А в обед он стал случайным свидетелем разговора Яна с матерью. Фаина Александровна старалась говорить тихо, но её слова, словно сами лезли в уши мальчику:

— Я понимаю, что тебе жалко парня. Мне его тоже жаль. Но тебе давно пора своих детей иметь, а ты всё с чужими возишься. Звонила два раза Соня. Что я ей могла сказать? Как услышит о другой женщине, сразу тебя бросит.

— Мама! — у полковника говорить тихо не получалось, — ну, какая другая женщина. Я её только в паспорте на фотографии видел. Пареньку трудно сейчас. У него кроме матери никого нет. О чём мы сейчас говорим? И потом, именно Светику я в помощи отказать не могу, ты же знаешь.

От этого уменьшительно-ласкательного имени Святослава передёрнуло. Так себя называть он не позволял даже маме. Он оделся и тихо прикрыл за собой входную дверь. Мальчик был молод, но не настолько, чтобы не понять, что у полковника какая-то своя тайна, связанная с таким же именем, как у него. А ещё из-за прихода Святослава в этот дом, у Яна Сергеевича проблемы с его женщиной.

Когда полковник зашел в комнату, на столе лежала записка с благодарностью от Святослава. Ян показал записку матери: «Видишь, ему уже не нужна моя помощь. Зачем было поднимать столько шума?» Фаина Александровна хорошо знала своего сына, чтобы не отметить, что он расстроен уходом мальчика. «О-хо-хо!» — покачала она головой — Час от часу не легче».

Ян Сергеевич всячески пытался отрицать домыслы матери, но себе — то он лгать не мог. Паренёк действительно не выходил у него из головы, несмотря на некоторую обиду, что тот не попрощался, а словно сбежал украдкой.

И больше не в силах сопротивляться своему желанию увидеть Святослава, мужчина поехал по уже знакомому адресу. Не успел Ян нажать на звонок, как дверь отворилась и радостный голос хозяина, появившегося на пороге квартиры, заставил полковника широко улыбнуться:

— Ребёнок, так и напугать можно!

— Извините, я увидел в окно вашу машину. Проходите. — Мальчик пропустил гостя, закрывая за ним дверь.

— Что же ты ушел не попрощавшись? — В голосе Яна Сергеевича проскользнула нотка сожаления. — Как дела у мамы?

— Сегодня был у неё. Такая худая и бледная. — На глаза Святослава навернулись слёзы. Он попытался их скрыть, принимая из рук гостя верхнюю одежду и устраивая её на вешалку.

Полковник не подал вида, чтобы не смущать парня. Тот, обернувшись к Яну, задал вопрос:

— А как ваши дела? Всё наладилось?

— В каком плане? — брови мужчины вопросительно изогнулись.

— В плане тёти Сони, — улыбнулся парень.

— Так вот в чем дело, — наконец понял Ян Сергеевич, — тебе разве мама не говорила, что подслушивать не хорошо? — назидательно произнес он.

— Не сердитесь, я случайно. Вас невозможно было не услышать. Вы же не умеете тихо говорить, — смущенно откликнулся Святослав.

— Ладно, не смущайся. Я сам виноват. — Потом быстро перевел разговор на другую тему. — Есть хочется, может, поужинаем где-нибудь?

Парень улыбнулся:

— С удовольствием. А то мне одному не хочется. И совсем не обязательно куда-то идти. Я неплохо готовлю. Буквально перед вашим приходом плов сделал. Конечно, не такой вкусный, как у Фаины Александровны, но съедобный точно.

Мужчинам было легко и интересно друг с другом, и их неожиданное знакомство за несколько дней переросло в нечто, очень напоминающее дружбу. Святослав после занятий в школе бежал к маме в больницу, а потом встречался с Яном. По мере того, как Татьяна быстро шла на поправку, разговоры о полковнике начинали её раздражать.

Сын так тепло отзывался о постороннем человеке, что она почувствовала жгучую ревность и обиду, словно Святослав поставил её на одну ступень с каким-то чужаком. Женщина всячески старалась не подать виду насколько ей больно, но всё же, не смогла сдержаться и прервала сына, в который раз начинающего разговор о её случайном спасителе.

В день выписки Татьяны Оттовны сын с Яном Сергеевичем приехали в больницу, и она впервые увидела того, о ком Святослав прожужжал ей все уши. Она отметила для себя, что сын довольно четко описал мужчину, стоящего перед ней. Наверное, никакая другая машина не могла уместить этого «буйвола» в военной форме. Полковник сразу оценил расстановку сил, которая была не в его пользу. Взрослые сдержанно поздоровались. А когда, открыв дверцу машины, мужчина случайно задел руку Тани, то она отдернула её, как от прокаженного. Несмотря на неудобу, взгляд женщины не утратил своей стальной силы. Ян Сергеевич не мог понять, чем заслужил такое к себе отношение.

Татьяна Оттовна тоже не могла объяснить свою реакцию на этого человека. От его прикосновения она едва не вскрикнула, потому что в голове вспыхнул сноп такого яркого света, что чуть не расплавил мозги. «С ума схожу что — ли? Или это последствия от наркоза?». — Её накрыло волной какого-то необъяснимого страха. Чтобы отвлечься, Татьяна перевела взгляд на Яна, который сосредоточился на управлении автомобилем (или делал вид). — Решил, что я ненормальная. Да пусть думает, что хочет. Сына я ему не отдам!

После того, как машина остановилась у их подъезда, Татьяна, поблагодарив полковника, дала понять и Святославу, и Яну Сергеевичу, что на этом их общение заканчивается. У каждого своя жизнь. Сын в недоумении смотрел на мать, а вот полковник как раз прекрасно понял её и с сожалением пожал плечами, прощаясь с мальчиком.

Дома Святослав устроил ей бойкот, а когда Таня попыталась выяснить, почему тот молчит, сын, глядя на неё совсем не по-детски, выдал всё, что думает: «Всегда считал, что моя мама самая умная и воспитанная женщина, которая уважает и ценит людей. Сегодня я в этом усомнился. Ты даёшь советы другим, а сама ими не руководишься. Не ты ли плакалась перед тётей Аллой об отсутствии у меня мужского воспитания? Что это, лицемерие или ложь?! — не давая, матери возможности вставить хоть слово, он с напором продолжал — Что ты прицепилась к Яну Сергеевичу? Он же надежный, как его внедорожник. Ты устроила безобразную сцену ревности, унизив и меня, и его. Так стыдно мне ещё не было никогда! — За Святославом захлопнулась дверь его комнаты и наступила тишина.

Когда Татьяне было плохо или больно, она всегда садилась на диван с портретом мужа и, беседуя с ним, возвращала себе утраченные силы и бывшее спокойствие. Но сейчас, мужчины будто сговорились. Валерий, словно с осуждением смотрел на неё, от чего стало ещё хуже. Женщина вернула портрет на место: «Даже ты против меня!»

Татьяна Оттовна впервые была в недоумении, не зная, что делать дальше. Слова самого близкого ей человека больно её ранили. «Что она сделала не так? Почему сын позволил себе так с ней разговаривать?

Как он посмел назвать меня лицемеркой!!!» — голова готова была треснуть от переполнявших её мыслей. Вдобавок ко всему начал ныть шов, а ещё Таня почувствовала, что, не смотря на ситуацию, очень голодна.

Она пошла, в надежде что-нибудь перекусить, и остолбенела: стол был выдвинут на середину кухни и красиво сервирован на три персоны. Букет белых роз дополнял лёгким ароматом это великолепие.

Татьяна стояла, прислонившись к косяку, и не могла совладать с нахлынувшими на неё чувствами, не решаясь войти в свою собственную кухню. Она, как в детстве молча, утирала слёзы, которые текли по щекам. Вдруг тёплые руки сына легли на её плечи: «Мам, прости меня, пожалуйста». Они так и стояли, обнявшись. Два любящих друг — друга человека. Такие похожие и такие разные.

Через два месяца после описанных событий, Татьяна окрепла настолько, что об операции напоминал только послеоперационный рубец, который давал о себе знать перед ненастьем. Хотя мотоцикл она водить пока не решалась, тяжеловат, но на машине ездила уже, как в старые добрые времена. Дела в конторе шли хорошо, и Таня решила окончательно наладить отношения с сыном, который не прекословил, но, как ей казалось, былой душевной близости между ними не было. Приближался его день рождения, и женщина думала, чем бы таким удивить отпрыска, чтобы тот, наконец, выбросил из головы юношескую дурь, и они вновь зажили, как раньше.

Она не успела осуществить задуманное, сын её опередил, предложив провести день рождения в домике в горах, объясняя своё желание тем, что ей для полного выздоровления необходим свежий воздух, а Святослав отвлечется и погоняет на лыжах. Мать вздохнула с облегчением, потому что сын говорил совершенно искренне. В конце концов — его день рождения, ему и выбирать. Главное они, как всегда в этот день будут вместе.

Стоило Татьяне Оттовне сделать один звонок, и их домик был готов принять хозяев. Погода была как по заказу. Пока Святослав переносил из машины в дом сумки,

привезенные из города, Таня, прикрыв глаза, вдыхала свежий воздух, которого, как в горах нет нигде. Затем (как в детстве) устремив взгляд в небо, издала победный клич, забыв о том, что горы любят тишину.

Сын, закончив дела, присоединился к ней, держа в руках чашки с горячим травяным настоем, приготовленным смотрительницей дома к их приезду. Согреваться чаем в этой торжественной тишине, глядя на деревья, покрытые белоснежным снегом, которые напоминали старые добрые новогодние открытки — состояние, которое трудно поддается описанию. Его нужно чувствовать. Таня, не удержавшись, процитировала: «Природа улыбалась. И в сиянии её красоты было столько чистой белизны снега, атласной синевы неба, золотисто-желтого солнца и совершенства легких очертаний возвышающихся вокруг деревьев, напоминавших обгоревшие восковые свечи. Хотелось с ликованием воспринимать красоту окружающей природы. В такой день не должно быть места ни печали, ни отчаянью, ни скуке».* **

Сын откликнулся: «Вот и давай проведём эти сказочные выходные в мире и согласии». Его слова для матери прозвучали как-то по-иному, по-взрослому что ли. Но она не хотела задавать лишних вопросов, чтобы не нарушить эту благодать, а только согласно кивнула головой.

После того, как вещи и продукты были разложены, они сели в кресла-качалки и долго смотрели, как в камине догорают поленья. Было настолько хорошо и спокойно, что не хотелось даже разговаривать. Каждый вел собственный внутренний диалог, в котором Татьяна призналась себе, что может, разреши она сыну общаться с полковником, ничего страшного бы не произошло, потому что Святослав наверняка поддерживает с Яном связь, только ей об этом не говорит, чтобы не расстраивать.

Мальчик только не понимает по молодости своей, что мать все равно чувствует, что его взросление, которое особенно заметно в течение последних месяцев, происходит явно под хорошим мужским влиянием. Одного Татьяна никак не могла понять: почему у полковника нет своей семьи, почему мужчина так проникся к её сыну, а самое главное — почему Святослав так хорошо понимает чужого человека и это непонимание возникшей ситуации вызывало в ней раздражение. Наверное, от того, что она очень часто думает об отношении сына с полковником, Таня за эти месяцы несколько раз видела во сне Яна Сергеевича. И всякий раз, просыпаясь, ощущала прикосновение его рук, которые давали ощущение покоя. Женщина стала похожа на школьницу, которая никак не может решить задачу с тремя неизвестными.

Где бы самой найти хорошего учителя, который даст ответы на все её жизненные вопросы?

Утром Таню разбудил кофейный аромат. Святослав с улыбкой, по-мужски галантно подал ей кофе в постель. Мать с благодарностью приняла чашечку, внимательно глядя на сына. «Вот он опять не замечает, что еще недавно сделал бы это просто, по-детски, а сейчас — с достоинством». Она не знала радоваться или что? Что делать?

Сервированный стол придвинули ближе к камину. Они никогда не начинали праздновать раньше, а именно в тот час, когда Святослав появился на свет. Не стали делать исключение и в этот раз, не смотря на то, что на природе всегда хотелось есть.

Татьяна вышла за дома. Туман почти рассеялся, только капельки влаги оседая, щекотали лицо, да вдали еще всё было словно в молоке. Женщина, глядя, как осыпается с ветки пушистый снег, подумала: «Какой воздух! Им хочется не просто дышать — его хочется пить». Вдруг её внимание привлекло какое-то движение на дороге. Из-за тумана трудно было определить что это.

Внимательно приглядевшись, Таня замерла от удивления. Теперь она была точно в этом уверена — к ним приближался внедорожник. И уж совсем женщина не сомневалась кто за рулем автомобиля.

Словно в подтверждение её догадки, на крыльцо вышел Святослав. Он приготовился отражать нападки матери, но она молчала. Тогда он сказал, глядя ей в глаза: «Мама, надеюсь, ты не будешь против моего гостя? Я имею право пригласить на свой день рождения человека, которого уважаю?» И опять его слова прозвучали по иному: без вызова, без агрессии, со спокойным достоинством.

Татьяне хватило выдержки, чтобы кивнуть в знак согласия. Сын оценил это: «Извини, что не предупредил заранее, я был абсолютно уверен, что ты откажешь». Таня не стала ни утверждать, ни отрицать. Она, если честно, сама не знала, как бы отреагировала, предупреди он её заранее. «Встречай гостя, пойду, поставлю ещё один прибор». С этими словами за ней закрылась входная дверь. Татьяна несколько раз глубоко вздохнула, успокаивая себя, и третий прибор занял место на праздничном столе.

Татьяна Оттовна вела себя с полковником достойно хозяйке, принимающей гостей, отмечая для себя, что без военной формы Ян Сергеевич смотрелся несколько иначе: менее сурово и «не по — солдафонски». А самое удивительное и необъяснимое было то, что сын с полковником вели себя совершенно одинаково. Словно мужчина с детства его воспитывал. Что она должна была думать?

Ян краем глаза наблюдал за хозяйкой. Сейчас она казалась моложе, красивее и желаннее, чем в его памяти. Похоже, что Таня смирилась с его присутствием в жизни Святослава. Даже цветы приняла без былой агрессии, глядя на него глазами василькового цвета. До празднования дня рождения оставалось несколько часов и Татьяна Оттовна, предложив мужчинам, чай

с бутербродами, оставила их пообщаться, а сама пошла погулять. Ян Сергеевич с сожалением проводил взглядом удаляющуюся хозяйку дома. Он приехал объяснить с ней, но когда и как это сделать никак не мог решить.

Таня медленно шла по узкой тропинке, иногда останавливаясь, полюбоваться на освещенные солнцем вершины гор, покрытые ослепительно белым снегом. Она не маленькая девочка и, конечно заметила, каким взглядом её проводил полковник. Женщина помимо воли улыбнулась. От себя-то она не будет скрывать, что осталась довольна оценкой её женской сути. А может это горный воздух, тишина и покой сделали Татьяну более терпимой к Яну? Так или иначе, но былой агрессии к мужчине и дикой ревности его к сыну у Тани сейчас не было. Но это не значит, что она изменила в корне свое отношение к самой ситуации. Пусть не надеются, оба! Не успев закончить диалог с собой, Татьяна услышала мужские голоса и поняла, что её ищут и необходимо вернуться назад.

Когда Татьяна вернулась с прогулки, Ян не мог отвести от неё взгляда. Она выглядела божественно: с сияющими глазами, разрумянившаяся, принеся с собой чистый морозный воздух, словно лесная фея! А когда она, извинившись за долгое отсутствие, улыбнулась, комната наполнилась необыкновенным светом и теплом. Даже Святослав не смог удержаться от комплимента матери, и они начали накрывать на стол для празднования дня рождения, не забывая поглядывать на стрелки часов.

Когда, наконец, кукушка в часах известила, что Святослав появился на свет, все подняли бокалы, и взрослые, не сговариваясь, произнесли: «С днем рождения, ребенок!». Святослав расхохотался довольный: «Ну, вы, даёте!». Таня покраснела, полковник смутился.

Татьяна Оттовна хотела выскочить из-за стола, Ян Сергеевич её удержал. От его прикосновения женщина ойкнула и отдернула свою руку. На что мужчина отреагировал неожиданно для всех. Полковник прижал Таню к себе, сомкнув свои руки на её животе:

— Тихо! Сейчас буду говорить я. — И, обращаясь к Татьяне, заговорил. — Хочу поблагодарить вас за то, что выполнили мою просьбу и назвали сына Святославом.

Женщина настолько растерялась, что даже перестала сопротивляться, обдумывая его слова:

— Вы?!... Нет... Ведь нет? — она с мольбой и в то же время с надеждой в глазах, смотрела на Яна.

— Да. Наравне с вами я дал этому ребенку право на жизнь.

— Но..., — женщина пыталась осмыслить информацию, не замечая, что накрыла руки Яна Сергеевича своими, вспомнив ощущение спокойствия, которое внушали эти руки, спасая жизнь её будущему сыну.

Таня беззвучно плакала:

— Вы не представляете, как долго я вас искала, чтобы поблагодарить, а вы бесследно исчезли. Почему?

Ян Сергеевич вздохнул:

— Меня несколько лет не было в городе по долгу службы. — Он вновь глубоко вздохнул. — Да и не думал я тогда, что запомню вас и буду искать, — сказал мужчина, крепко прижимая к себе дорогую ему женщину, словно боялся, что она вновь исчезнет за его жизни.

В комнате повисла тишина. Первым её нарушил именинник:

— Ничего себе — подарок! Прямо второе рождение. — Сказал он с восхищением, глядя, как его волевая мама, уткнувшись в плечо Яна Сергеевича, не делает никаких попыток освободиться из его сильных объятий.

Может, через год вы мне и сестрёнку подарите? Всю жизнь мечтал покататься на отцовских плечах. — Святослав наигранно вздохнул. — На плечах полковника она будет, как на троне. Везёт же некоторым!

Счастливый смех взрослых был ему ответом.

P.S.

А в это время еще одной душе стало спокойно. Валерий передал любимых людей в надежные руки.

МИР ВАШЕМУ ДОМУ, ДОРОГИЕ!

*Ар Лючис

** Информация из Интернета

*** А. и С. Голон

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>ГЛАВА I. ВОЙНЫ КРОВАВЫЕ СЛЕДЫ</i>	7
<i>Карбышев Михаил Михайлович</i>	8
Так мало слов сказал тебе я, Родина	8
Храни огонь	9
Враги	10
Памяти односельчанина А. Ф. Михайлова.....	11
Болезнь пришла, да, всё-таки пришла,	12
Идут ветераны Девятого Мая	13
<i>Ниренберг Владимир</i>	14
Страшная игра	14
Первый класс	15
<i>Семичева Галина</i>	16
Не забывайте.....	16
О маме	17
Помним	17
Если б собрать	18
Нужен только маме	19
На кладбище	20
Горячий плед.....	21
Кланяюсь им.....	22
Бездна	23
Разведчица Тася	24
Родительская боль.....	25
Бесстрашие.....	26
Победы сладкое вино.....	26
Погибшим томичам	27
Схватки	28
Россия.....	29

На войне.....	30
Огородова Наталья.....	31
Немеркнущая память о войне.....	31
Война была её работой	32
Война была её заботой.....	33
Льняные коски, тонкая шеёнка,.....	34
По бездорожью, по оврагам.....	35
В час тишины. Пред новым боем.....	36
Реквием.....	38
Холокост.....	39
В музее	41
Шёл январь. Рождество приближалось	43
Малышев Юрий.....	44
Отец.....	44
Всё уходят от нас ветераны.....	45
Свеча горит пред образами.....	46
Российский Крым вернулся.....	47
За плечами мамы — целая эпоха	48
К маме в гости	52
Нелегко нам любовь досталась,	52
Что годы уходят — не плачьте	52
Ромашов Анатолий	53
Голос крови.....	53
Ветераны приюта.....	54
Расстрел дезертира.....	55
Овсянников Владимир.....	56
Один день войны.....	56
По сводкам «местного масштаба»	59
Память.....	60
Человек.....	61
Дворецкий Андрей.....	62
Остались только фотографии.....	62

Содержание

Мой дед не вернулся с войны	65
Мой дом.....	66
Арсенова (Тимофеева) Людмила	67
Мамочке	67
Сестры милосердия	68
Спасибо! — памяти скажу	69
Тучи над полем.....	69
Мсть бандеровцев.....	72
Неволя	76
Страшная правда.....	80
Боль души.....	82
Украина! Что стало с тобою?.....	82
Отцовская мольба	82
Семейный «интернационал»	83
Киевские поскакушки	84
Украинской хуцпе	86
Возмездия быть!.....	87
Украинскому солдату.....	88
Добровольцу ополчения	88
Войны кровавые следы.....	89
Пусть в России не рвутся снаряды	89
Анохин Владимир.....	90
Перед третьей атакой.....	90
Уходили девчонки	91
Безымянно-рядовой.....	92
Ярославцева Татьяна.....	93
Родина	93
Отец.....	94
Потеря	94
Быков Олег.....	96
Сегодня день большой печали	96

Глебова Светлана	97
Я знаю твёрдо истину одну	97
Кинева Галина	98
Баллада об аллее	98
«Бессмертный полк»	98
Михайлова Нина	100
Словно время назад отступило внезапно	100
На Мамаевом кургане	101
Мамин балкон	102
Кутергина Людмила	103
Берегите мир.....	103
Расторгуев Николай	104
Русь жива.....	104
Танцует невеста-весна.....	105
Салют Победы	106
Сенчило Маргарита	107
К победе.....	107
Когда б смогли подняться за могил	108
Дым отечества	108
Планета Крым.....	109
Канцедалов Александр	110
О правде.....	110
Человеку.....	110
Обида	111
Женщинам войны	112
Морозова Наталья	113
Память потомков.....	113
Вдовин Алексей	116
На страже мира	116
Звезда	117
Бойцам атом-охраны Северска.....	117

Содержание

Зимарева Татьяна	118
Бессмертный полк	118
Молоденькая девушка	119
Подземный гарнизон Аджимушкая.....	120
Защитникам Отечества.....	121
Кононенко Нина	122
В День Победы народ к монументу идёт	122
Кулямина Лариса	123
Россия	123
В кругу друзей	124
С Днём Победы тебя, ветеран!.....	125
Нашим защитникам	125
Шабанова Вера	127
Навеки молодые.....	127
Цена победы	128
Пока горит свеча.....	129
Лубкина Надежда	130
Эхо войны.....	130
На большом Утрише*	131
Не любила рассказывать мама	132
ГЛАВА II. УКРАДЕННОЕ ДЕТСТВО	133
Семичева Галина	134
Детство	134
Хлеб	134
Картинка детства.....	135
Ходило солнце	136
Безысходность	136
Посвящение.....	137
Пуговица	138
Однажды.....	138
Военное детство	139
Образ друга	140

Аист вернулся.....	140
Сон.....	141
Деда слово.....	141
Кормилица Нюрка.....	142
Жар-птица.....	143
Жёлтый цвет.....	143
Родине.....	144
Арсенова Людмила.....	145
Рассказы.....	145
Молчун.....	145
Ниночка.....	148
Стихи.....	150
Беспризорникам военных лет.....	150
Украденное детство.....	152
Дети Донбасса.....	153
Горе матери.....	154
Скорбь Донбасса.....	154
Повторение пройденного.....	155
Ромашов Анатолий.....	156
Дура ненормальная.....	156
Дети войны.....	158
Малышев Юрий.....	161
Гроза.....	161
Пятково.....	162
Приехал к родителям в гости.....	163
Михайлова Нина.....	164
Папе.....	164
Я помню.....	165
Суровцева Людмила.....	166
Маленькая партизанка.....	166
Одиночество.....	169
Руфочка.....	171

Содержание

«Соломкины» дети	172
Яма.....	174
Яма зимой.....	174
Кутергина Людмила	176
Мать	177
ГЛАВА III . ПУСТЬ МИР ВСЕГДА БУДЕТ ПРЕКРАСНЫМ .	179
Суровцева Людмила	180
Одуванчики	180
Шишкин Александр	182
Точка опоры	182
Меж дворов дожди косые.....	183
Ярославцева Татьяна.....	184
От счастья и люди бывают крылаты	184
Напутствие	185
Кокетка	186
Старые сказки.....	187
Галина	188
Я люблю.....	188
Край родной.....	189
За столом.....	189
Мой город	190
Огородова Наталья.....	191
Прекрасен мир.....	191
Семичева Елена	192
Путь.....	192
Когда тебя нет	193
День пролетел, и отпылал закат.....	193
Глебова Светлана	194
Урок.....	194
Счастье	194
Хочешь ты праведно жить,	195
Мы — пылинки в пространстве Вселенной	196

Лестница Иакова.....	197
Ночной мир.....	197
Сенчило Маргарита	198
Солнечный Северск.....	198
Северский мотив	198
Останься в юности юнцом!	199
Подругам юности.....	199
Мне снится по ночам моя работа	200
Грустная мелодия рассвета	201
Я стою на лужайке зелёной.	201
Сизый дым курчавится в сирени.	201
Изжит февраль и голубеют тени	202
Зимарева Татьяна.....	203
Перемены.....	203
Жизнь течёт	203
Дарите добро.....	204
Весной.....	204
Дворецкий Андрей	205
Самое Простое.....	205
Малышев Юрий.....	206
Стирает минувшее память.....	206
Матери	207
Снова манит рассвет меня в горы.	208
Наши годы, как вихри несутся.....	209
Овсяников Владимир	210
Маме.....	210
Мой город	210
Руки у моей жены	211
Михайлова Нина	212
Не судите меня	212
Рождество	213

Содержание

Ромашов Анатолий	214
Любимый край	214
Шабанова Вера	215
Россия	215
Первый прыжок	216
Сибирь	217
Я вернулась	218
Тишина	218
Как часто мы, не замечая	219
Перед грозой	219
Кононенко Нина	220
Душа грустит.....	220
Туман	220
Расторгуев Николай	221
Моя гитара.....	221
Да здравствует любовь	222
Дождик	223
Лубкина Надежда	224
Мой город	224
Уголок детства	225
Довыденко Алевтина	226
Медовый запах	226
Сколько троп за спиною и сколько дорог,.....	226
Родительский дом.....	227
Берег детства.....	227
Судьба.....	228
Арсенова Людмила	230
Родной город.....	230
Родина дороже.....	230
Смена	231

Кутергина Людмила	232
Бог рассудит.....	232
Современный мир глазами детей.....	233
Прививка против полиомиелита.....	233
Помощник	233
Маленькая женщина.....	234
Комплимент	235
Королева в желтых тапочках	235
Мир вашему дому.....	236